ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1 ’2024

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Выпуск 1 (231)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 1 (231) 2024

ТОМСК
2024

Главный редактор:
В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:
А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);
С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);
Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);
В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);
А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);
М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);
Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);
А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);
А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);
С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);
Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);
В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);
S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);
E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);
S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);
R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);
M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:
А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 20.03.2023).

Журнал включен:
- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:
ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64
Адрес редакции, издателя:
пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.
Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.
Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 09.01.2024. Дата выхода в свет: 26.01.2024. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1270/н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: А. И. Алышева. Корректоры: Г. В. Кругликова, Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2024. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 1 (231) 2024

TOMSK
2024

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);
V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);
A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)
M. P. Voytekhovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);
L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. I. Pozdeeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);
G. G. Slyshkin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russian Federation);
V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);
S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D. (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

A. V. Kuryanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:
Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 20.03.2023).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:
ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:
pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.
Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.
Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.
Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media
The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 09.01.2024. Publication date: 26.01.2024. Format: 60×90/8. Paper: offset.
Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1270/н

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: A. I. Alysheva. Proofreadings: G. V. Kruglikova, E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2024. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Орлова О. В., Ван Юаньин. Сетевой диаспоральный дискурс: определение понятия 7
Банщиков Д. С. Понятийное моделирование терминосистемы градостроительства 15
Гаврилюк М. А. Растительная метафора в китайском языке: семасиологический и когнитивный аспекты 23
Се Шуан. Глаголы слухового восприятия в автобиографической прозе (на материале произведения Ирины Одоевцевой «На берегах Невы») 33
Цуй Хуэйин. Интернет-откровение как речевой жанр 41

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Рейнбах О. Е., Крицкая Н. В. Особенности перевода безэквивалентной лексики в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» на английский язык. 50
Давуди Афсане, Валипур Алиреза. Сопоставительное исследование актуального членения предложения в русском и персидском языках 59

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Орлова Н. В., Стрекалов Д. А. «Еще раз говорю…»: повторение сказанного как средство снятия неопределенности 68
Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Образ роз в лирике М. И. Цветаевой: семантико-стилистический анализ 77
Иванова Р. П. Когнитивная структура глагола слуховой перцепции *uhum* в якутском языке 87

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Ерохина Е. Л., Самолина А. В. Обучение текстовой деятельности на уроках русского языка: возможности использования текстов с дополненной реальностью. 97
Нгуен Ву Хьюнг Ти. Отношение вьетнамских студентов к развитию навыков устной и письменной речи русского языка при помощи социальных сетей: количественное исследование 106

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Сердюк А. М. Прошлое и будущее в Home Life in Russia: Чичиков и помещики 114
Юмашев В. В., Хатямова М. А. Предчувствие национальной катастрофы в публицистике и эго-документах Л. Андреева 1917–1919 гг. 123
Крикливец Е. В. Неомифологические способы воплощения темы наставничества в романах Мариам Петросян «Дом, в котором…» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» 132
Adriano de Paula Rabelo. Nelson Rodrigues and modern tragedy. 141

CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Orlova O. V., Wang Yuanying. Network diaspora discourse: definition of the concept 7
Banshchikov D. S. Conceptual modeling of the terminological system of urban planning 15
Gavrilyuk M. A. Plant Metaphor in Chinese: semasiological and cognitive aspects 23
Xie Shuang. Verbs of auditory perception in autobiographical prose (based on work of Irina Odoevtseva "On the banks of the Neva") 33
Cui Huiying. Internet revelation as a speech genre 41

COMPARATIVE LINGUISTICS

Reynbakh O. E., Kritskaya N. V. Features of "The golden calf" by I. Ilf and E. Petrov Russian-English translation 50
Davoudi A., Valipour A. Comparative study of actual division of the sentence in Russian and Persian languages 59

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Orlova N. V., Strekalov D. A. "Once again I say...": repetition of what has been said as a means of removing uncertainty 68
Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Image of a rose in the poetry by M I Tsvetaeva: Semantic and stylistic analysis 77
Ivanova R. P. The cognitive structure of the verb denoting auditory perception *Ihit* in the Sakha language 87

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Erokhina E. L., Samolina A. V. Teaching text activity in Russian language lessons: the possibilities of using texts with augmented reality . . . 97
Nguyen Vu Huong Chi. Reviews of Vietnamese students about the development of Russian speaking and writing skills using social networks: A quantitative research 106

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

Serdyuk A. M. Past and future in "*Home Life in Russia*": Chichikov and the landowner 114
Yumashev V. V., Khatyamova M. A. Premonition of the Civil War in the journalism of L. Andreev 123
Kriklivets E. V. Neo-mythological ways of embodying the theme of mentoring in the novels by Mariam Petrosyan "The Gray House..." and Victor Kozko "Chronicle of an orphanage garden" 132
Adriano de Paula Rabelo. Nelson Rodrigues and modern tragedy 141

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 7–14.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 7–14.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.42
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-7-14

Сетевой диаспоральный дискурс: определение понятия

Ольга Вячеславовна Орлова[1, 2], Ван Юаньин[3]

[1] Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия
[2] Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
[3] Хэйлунцзянский институт иностранных языков, Харбин, Китай
[1, 2] o.orlova13@yandex.ru
[3] wangyuanying823@yandex.com

Аннотация

Статья носит обзорно-теоретический характер и содержит анализ трудов языковедов и представителей других отраслей гуманитарного знания, внесших вклад в разработку проблематики существования языка и языкового существования личности, во-первых, в новом цифровом пространстве, а во-вторых, за пределами метрополии в поле сильного влияния иных лингвокультур. Цель работы – сформулировать дефиницию, наиболее релевантно характеризующую актуальное состояние такого объекта современных дискурсивных исследований, как сетевой диаспоральный дискурс. В разделе «Сетевой дискурс: подходы к исследованию» на фоне сопредельных терминов и понятий обосновывается выбор термина сетевой дискурс, описываются его широкое и узкое понимание. Узкое понимание термина свойственно собственно дискурсивному подходу к анализу речевой коммуникации с акцентом на следующие характеристики: реализацию в социальных сетях, неофициальность коммуникации пользователей, объединенных общим интересом, возможность свободного приобщения к ней. В разделе «Сетевой дискурс диаспоральных сообществ» формирование и поддержание сетевой коллективной идентичности обозначены как одна из приоритетных миссий любого интернет-комьюнити, определен такой феномен новейшей действительности, как цифровые диаспоры, а современная русскоязычная цифровая диаспора представлена как сетевое сообщество, объединенное русским языком и коллективной задачей социокультурной адаптации в новой стране. Сетевой диаспоральный дискурс – особая разновидность текстов сетевой коммуникации представителей диаспоральных сообществ, погруженных в ситуацию рецепции и интерпретации различных сторон иностранной реальности. Сетевой диаспоральный дискурс всегда имеет конкретное языковое воплощение (русскоязычный, франкоязычный и т. д.), может быть представлен и как универсалия в форме сетевого речевого взаимодействия глобального сообщества носителей языка вне метрополии, и как совокупность локальных вариантов-уникалий в форме сетевого речевого взаимодействия диаспоральных сообществ конкретных стран и регионов.

Ключевые слова: *сетевой диаспоральный дискурс, цифровая диаспора*

Для цитирования: Орлова О. В., Ван Юаньин. Сетевой диаспоральный дискурс: определение понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 7–14. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-7-14

© О. В. Орлова, Ван Юаньин, 2024

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Network diaspora discourse: definition of the concept

Olga V. Orlova[1, 2], Wang Yuanying[3]

[1] Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russian Federation
[2] Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
[3] Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, China
[1, 2] o.orlova13@yandex.ru
[3] wangyuanying823@yandex.com

Abstract

The article is of review-theoretical nature and contains an analysis of the works of linguists and representatives of other branches of humanitarian knowledge, who have contributed to the development of the problems of language and linguistic existence of personality, first – in the new digital space, and second – outside the metropolis in the field of strong influence of other linguocultures. The aim of this paper is to formulate a definition that most relevantly characterizes the current state of such an object of contemporary discursive research as network diaspora discourse. In the section «Network discourse: approaches to research» against the background of related terms and concepts the choice of the term *network discourse* is justified, its broad and narrow understanding is described. The narrow understanding of the term is characteristic of the discursive approach to the analysis of speech communication with the emphasis on the following characteristics: realization in social networks, informal communication of users united by a common interest, the possibility of free access to it. In the section "Network discourse of diaspora communities" the formation and maintenance of the network collective identity is outlined as one of the priority missions of any Internet community, such phenomenon of modern reality as digital diasporas is defined, and the modern Russian-speaking digital diaspora is presented as a network community united by the Russian language and the collective task of sociocultural adaptation in a new country. Network diaspora discourse is a special kind of texts of network communication of representatives of diaspora communities, immersed in the situation of reception and interpretation of various aspects of foreign reality. Diaspora network discourse always has a specific linguistic embodiment (Russian-speaking, French-speaking, etc.) and can be presented both as a universalia in the form of network speech interaction of the global community of speakers outside the metropolis, and as a set of local variants-uniques in the form of network speech interaction of diaspora communities of specific countries and regions.

Keywords: *network diaspora discourse, digital diaspora*

For citation: Orlova O. V., Wang Yuanying. Setevoy diasporal'nyy diskurs: opredeleniye ponyatiya [Network diaspora discourse: definition of the concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 7–14 (in Russian). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-7-14

Введение

Статья носит обзорно-теоретический характер и содержит анализ трудов языковедов и представителей других отраслей гуманитарного знания, внесших вклад в разработку проблематики существования языка и языкового существования личности, во-первых, в новом цифровом пространстве, а во-вторых, за пределами метрополии в поле сильного влияния иных лингвокультур. Цель работы – сформулировать дефиницию, наиболее релевантно характеризующую актуальное состояние такого объекта современных дискурсивных исследований, как сетевой диаспоральный дискурс.

Сетевой дискурс: подходы к исследованию

Киберпространство как новая коммуникативная сфера не могло не оказаться в центре внимания дискурсивных исследований, в которых текст, погруженный в ситуацию интернет-коммуникации, стал рассматриваться как современный, не существовавший ранее тип дискурса. Язык сети Интернет и интернет-дискурс стали центральными понятиями активно разрабатывающейся в настоящее время интернет-лингвистики как изначально комплексного научного направления «интегративного типа, которое должно соединять подходы и методологию различных лингвистических дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, лингвистики текста, при этом формируя и свой собственный исследовательский инструментарий» [1, с. 232].

Дискурс интернета понимается как виртуальное образование, обладающее набором специфических черт, виртуальность интернет-дискурса объясняется его глобальностью, условностью, домысливае-

мостью, необозримостью, бесконечностью [2], общими свойствами виртуальной реальности выступают «порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, иммерсивность», а виртуального дискурса – «гибкий и автономный хронотоп, относительная анонимность, возможность корректировать самопрезентацию, относительное равноправие коммуникантов, высокая степень зависимости от технических возможностей» [3, с. 9].

В отечественной лингвистике активно используются термины *интернет-дискурс*, *виртуальный дискурс*, *компьютерный дискурс*, *электронный дискурс, цифровой дискурс, сетевой дискурс*. Попытаемся с опорой на многочисленные труды, посвященные данной проблеме (так, на запрос *интернет-дискурс* в электронной библиотеке Elibrary.ru поисковая система выдает более 1000 наименований научных трудов, в названии которых имеется данный термин), дать свое видение соотношения данных понятий и аргументировать выбор термина *сетевой дискурс* в качестве основного в настоящей работе.

О. К. Мельникова дает следующую дефиницию: «Это особый вид коммуникации, осуществляемый посредством интернета, который является каналом связи и обмена информацией между участниками общения» и, констатируя множественность терминологических номинаций феномена, отдает предпочтение фигурирующей в названии статьи, поскольку «интернет вмещает в себя все оттенки смыслов, представленные в других вариантах термина» [4, с. 31–33].

Однако в настоящее время, особенно после пандемии коронавируса, стало очевидно, что практически все коммуникативные практики, вплоть до религиозных и поминальных, возможны и реализуемы в интернет-формате. Как пишет П. Колозариди, интернет стал «неотторжимой частью нашего быта и жизни» [5, с. 23], он «существовал и до пандемии, а во время локдауна стал во многих пользовательских практиках более очевидным», когда «приставки “онлайн” или “цифровой” потеряли свою эмансипаторную силу, которую имели когда-то. Сами по себе они значат лишь то, что нечто происходит с участием интернета» [там же, с. 13–14]. Как отмечают социологи, «пандемия лишь ускорила процесс цифровизации общества, дала толчок для ускоренного внедрения и улучшения различных возможностей использования интернета», а «интернет-пространство трансформирует привычные всем повседневные практики в нечто новое, и такая трансформация происходит во всех сферах жизни человека» [6, с. 189].

Исходя из данных наблюдений, правомерным становится вопрос о деактуализации бинарной оппозиции интернет-дискурс – не-интернет-дискурсы и выдвижение на первый план проблем трансформаций, происходящих с самыми разнообразными дискурсивными формациями (научным, деловым, спортивным и т. д. дискурсами), в том числе и с диаспоральным дискурсом, при их трансферте в сетевую форму существования.

Возвращаясь к вопросу о терминологической разноголосице, отметим, что в ряду первых в отечественной лингвистике его попыталась разрешить О. В. Лутовинова в докторской диссертации «Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса». Подразумевая под виртуальным дискурсом «текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности», она рассматривает гиперо-гипонимические отношения этого термина с другими смежными: «Термины “компьютерный дискурс” и “электронный дискурс” являются синонимичными и обозначают текст, погруженный в ситуацию общения посредством электронных средств связи, а точнее, посредством компьютера. “Интернет-дискурс” предполагает общение в глобальной сети, а “сетевой дискурс” – как общение в Интернете, так и в других сетях, в том числе и в локальных. <…> С другой стороны, виртуальный дискурс трактуется шире, чем компьютерный, поскольку для общения в виртуальной реальности может использоваться не только Интернет, но и другие средства связи, способные создать эту реальность, например, мобильный телефон с системой СМС-сообщений» [7, с. 8–9].

Как видно, буквально за последнее десятилетие технологические возможности столь преобразили системы наших коммуникаций (интернет-телефония, банкинг, образование, торговля, госуслуги, многочисленные социальные сети и мессенджеры и т. д.), что описываемые О. В. Лутовиновой соотношения понятий уже не отражают реального положения дел, а в лингвистических исследованиях описываемые термины фигурируют как синонимы.

Что касается термина *сетевой дискурс*, то в современной лингвистике сложилось два понимания этого термина – широкое и узкое. Для представления широкого и узкого трактовок термина целесообразно проанализировать контент современных лингвистических трудов по данной тематике.

Широкое понимание термина *сетевой дискурс* обусловлено определением интернета как глобальной сети. Приведем одно из таких определений: «Интернет – это глобальная социально-коммуникационная компьютерная сеть, предназначенная для удовлетворения личностных и коммуникационных социальных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий» [8, с. 108]. Популярно также метафорическое представление интернета как всемирной паутины. Е. Л. Яковлева, осуществляя философскую рецепцию этой мета-

форы, отмечает: «Всемирная паутина, олицетворяющая научно-технические достижения современности и мир новых медиа, представляет сеть со сложной модульной конструкцией, состоящей из нитей и узлов/веб-серверов» [9, с. 63]. Следуя данному широкому пониманию, многие исследователи отождествляют понятия *интернет-дискурс* и *сетевой дискурс*, используя их «для обозначения коммуникативного взаимодействия людей, осуществляемого через интернет» [10, с. 12].

Узкое понимание термина *сетевой дискурс* свойственно собственно дискурсивному подходу к анализу речевой коммуникации в социальных сетях. Здесь отдельной строкой стоит выделить работы последних лет одного из основателей отечественной дискурсивной лингвистики В. И. Карасика.

Развивая традиции виртуального жанроведения, ученый подразумевает под сетевым дискурсом «общение в социальных сетях», а под социальной сетью «общественную структуру взаимосвязанных субъектов, имеющих сходные интересы. Типы таких интересов разнородны – от обсуждения проблем со здоровьем до форумов любителей поэзии. Возникновение интернета позволило каждому пользователю стать участником той или иной сети и при этом в определенной мере сохранить конфиденциальность общения, используя ник вместо имени. Соответственно уточнилось понимание социальной сети – теперь это интернет-ресурс, обеспечивающий возможности общения субъектов» [11, с. 152–153].

К системообразующим признакам сетевого дискурса В. И. Карасик относит:

1) возможность установить дружеское общение с широким кругом людей, имеющих близкие интересы;

2) наличие единого электронного ресурса, позволяющего поддерживать интерактивное взаимодействие;

3) полимодальный характер сообщений, включающих визуальный и текстовый компоненты;

4) возможность получить немедленный отклик на размещаемую информацию;

5) сокращенную дистанцию общения, в котором стирается грань между приватной и публичной коммуникацией. Поэтому также значим обобщающий вывод о том, что «сетевой дискурс оказывает существенное воздействие на развитие современного общества и способствует перестройке сложившихся типов общения, в котором личностная и статусная самопрезентация приобретает новые способы выражения» [там же, с. 164], позволяющий предположить «новые способы выражения» самопрезентации диаспорального сообщества в условиях сетевой коммуникации.

Поскольку социальные сети объединяют коммуникантов в свободном общении на основе самых разнообразных интересов, в сетевой коммуникации реализуются самые разные дискурсивные формации и дискурсивные практики. По этой причине в научных штудиях к атрибутиву *сетевой* добавляются многочисленные уточняющие определения.

А. Б. Бушев [12], отмечая лично-массовый характер сетевого дискурса, предлагает классификацию его видов в зависимости от функции: академической, коммерческой, медийной, культурно-развлекательной, межличностного общения, автокоммуникации и психотерапевтической. О. А. Блинова [13, с. 80–81] квалифицирует политический сетевой дискурс как неинституциональный и подчеркивает, что он «реализуется на платформах новых медиа, прежде всего в блогах и социальных сетях. Его отличают неофициальность, стихийность, скорость реагирования на общественные вызовы (она значительно выше, чем у медийного или институционального политического дискурса) и многоголосие (коммуникация допускает и часто даже предполагает обратную связь, носит интерактивный характер)».

Сетевой дискурс диаспоральных сообществ

В последние годы в различных сферах гуманитарного знания усилился интерес как к дискурсу сетевых сообществ, так и к дискурсу сетевых диаспоральных сообществ как особым типам дискурса. С. В. Курушкин, исследующий ценностно-политический дискурс сетевых сообществ, полагает множественность ведущей характеристикой сетевых сообществ, которым присущ «поиск новых объединяющих механизмов» и в которых «реализуется своеобразная форма интерпретации», которую ученый называет «со-интерпретация» [14, с. 68–78].

Общими особенностями дискурса сетевых сообществ выступают включение их представителей «в режим беспрерывной публичной рефлексии» [15, с. 121] и объединение на основе «конструирования коллективной идентичности» [16, с. 305]. Формирование и поддержание сетевой коллективной идентичности – одна из приоритетных миссий любого интернет-комьюнити. Как отмечает В. Зверева [17, с. 11], конструируя себя в языке, «настраивая» язык для выражения значимых для себя смыслов, «группы вырабатывают свои конвенции в отношении того, каким способом допустимо и недопустимо говорить друг с другом, <...> как “правильно” комментировать тексты и писать свои сообщения».

Национально-культурная и языковая идентичности объединяют любое диаспоральное сообще-

ство как объединение носителей определенных этнокультурной традиции и языка вне их «материнских территорий». Именно национальную, культурную, языковую идентичности исследователи называют расширенными, то есть основными, ключевыми, вбирающими в себя все остальные формы самоопределения личности и детерминирующими их.

В то же время переход коммуникативных практик диаспоральных сообществ в интернет, цифровизация и дигитализация диаспорального общения порождают такой феномен, как так называемые цифровые диаспоры. Авторы введения к монографии томских ученых «Цифровые диаспоры мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс "воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей" констатируют «транзит офлайн-сетей мигрантов в формат виртуальных этнокомьюнити или цифровых диаспор» и тот факт, что «в контексте миграции Интернет означает "смерть расстояния"» [18, с. 9].

Цифровая диаспора (англ. digital diaspora) представляет собой «виртуальное сообщество мигрантов, взаимодействие которых происходит на основе информационно-коммуникационных технологий и является местом обмена новостями, идеями, местом публичных дискуссий и местом формирования отношений» [19, с. 105].

В современных работах, посвященных различным социально-культурным аспектам функционирования цифровых диаспор, дается наиболее распространенное определение данного термина, предложенное американским исследователем Дженнифер Брикерхофф: это «диаспора, организованная в интернете», «добровольное сообщество, определяющими условиями существования которого являются низкие барьеры для входа и выхода, отсутствие иерархичности и принуждения». Интернет-коммуникация в этих сообществах предназначена для «обсуждения идентичности и развития солидарности», а ее «интерактивные компоненты позволяют обмениваться идеями, дискутировать, формировать мнение, на основе которого возникают крепкие социальные связи и отношения» [20, с. 193].

Российский исследователь В. М. Пешкова, изучающая диаспоральные СМИ, также рассматривает онлайн-связи как новые пути для формирования диаспоральных сообществ, которые благодаря Интернету «через идентификацию с несколькими местами одновременно воспроизводят и изменяют существующие признаки пространства и места, что влияет и на повседневные практики членов диаспорных групп». Само же понятие цифровых диаспор, по мнению ученого, было введено именно для обозначения возрастающей роли информационно-коммуникативных технологий и интернета в жизни диаспоральных групп. Цифровые диаспоры, считает она, принципиально важны для политики идентичности, а также «для получения людьми опыта и знаний для жизни с высоким уровнем неопределенности и проблем в многокультурном <...> обществе» [21, с. 137].

Исследовательские проекты по изучению цифровой диаспоры описывает Е. В. Демченко. Среди них – «масштабный проект, являющийся частью исследований французского Дома наук о человеке, а точнее – его программы изучения электронных коммуникаций мигрантов "Атлас электронных диаспор". В рамках проекта было изучено и представлено в виде архива около 8000 мигрантских веб-сайтов» [22, с. 32].

Электронным картографированием русскоязычной диаспоры в данном проекте занималась О. А. Моргунова, и результаты ее работы позволили сделать выводы о моно- или би-/полилингвальности сетевых диаспоральных ресурсов в зависимости от того, какой характер имеет то или иное диаспоральное сообщество – глобальный (много стран и регионов, в которых проживают члены русскоязычной диаспоры), региональный (несколько стран) или локальный (одна страна). Исследование показало, что «глобальные узлы по преимуществу одноязычны, а локальные – по преимуществу дву- или многоязычны. Такое употребление языков в цифровом мире свидетельствует в пользу предположения, что узлы национального и локального уровня продвигают дискурсы коллективности, основывающиеся одновременно на «общих корнях» мигрантов (которые ассоциируются с русским языком) и на новой «коллективной задаче» (решаемой в новой стране, к которой эмигранту приходится приспособиться, ее обжить)» [23, с. 439].

Заключение

Таким образом, целесообразно выделение сетевого диаспорального дискурса как особой разновидности текстов сетевой коммуникации представителей диаспоральных сообществ, погруженных в ситуацию рецепции и интерпретации различных сторон иностранной реальности. Сетевой диаспоральный дискурс всегда имеет конкретное языковое воплощение (русскоязычный, франкоязычный и т. д.), может быть представлен и как универсалия в форме сетевого речевого взаимодействия глобального сообщества носителей языка вне метрополии, и как совокупность локальных вариантов-уникалий в форме сетевого речевого взаимодействия диаспоральных сообществ конкретных стран и регионов.

Список источников

1. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. 2007. № 5. С. 223–237.
2. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: На материале жанра компьютерных конференций: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.
3. Часовский П. В. Социопсихологический анализ компьютерно-игрового дискурса: дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2020. 233 с.
4. Мельникова О. К. К вопросу об определении термина «Интернет-дискурс» // Казанский вестник молодых ученых. 2018. Т. 2, № 4. С. 30–33.
5. Колозариди П. Руина и инфраструктура: как изменяется Интернет во время пандемии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 6 (140). С. 8–25.
6. Иванова В. В., Шишкин А. В. Изменение интернет-практик городской молодежи в условиях пандемии (на примере Новосибирска) // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21, № 4. С. 187–204.
7. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 39 с.
8. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. СПб., 2002. 461 с.
9. Яковлева Е. Л. Антиномичность электронного кочевника: опыт философской рецепции посредством метафор // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. № 1. С. 58–68.
10. Павлов М. А. Понятие сетевого дискурса в современной лингвистике // Наука и образование. Новое время. 2017. № 1 (2). С. 9–13.
11. Карасик В. И. Сетевой дискурс: жанровые характеристики // Язык. Текст. Дискурс. 2018. № 16. С. 152–166.
12. Бушев А. Б. Цели сетевого дискурса как основание его классификации // Человек: образ, сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 2 (50). С. 86–102.
13. Блинова О. А. Мультимодальность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии // Научный диалог. 2019. № 10. С. 79–93.
14. Курушкин С. В. Ценностно-политический дискурс сетевых сообществ (на материале Интернет-СМИ России): дис. … канд. полит. наук. СПб., 2017. 166 с.
15. Синицкая А. В. Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 4 (29). С. 120–127.
16. Юськаева Э. И. Коллективная идентичность в дискурсе сетевых сообществ // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всерос. научно-практ. конф. Ярославль, 2021. С. 304–308.
17. Зверева В. Сетевые разговоры: культурные коммуникации в Рунете. Bergen, 2012. 279 с.
18. Кужелева-Саган И. П., Глухов А. П., Ахметова Л. В. и др. «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск, 2016. 168 с.
19. Волков Ю. Г., Кривопусков В. В., Курбатов В. И. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции // Цифровая социология. 2021. № 4. С. 102–108.
20. Хохолькова Н. Е. Африканская цифровая диаспора // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 191–206.
21. Пешкова В. М. Диаспорные печатные издания как альтернативное медийное пространство для репрезентации этнокультурного разнообразия России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4. С. 124–141.
22. Демченко Е. В. К вопросу о формировании понятийного аппарата «цифровой диаспоры». Краткий историографический обзор // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 3. С. 29–35.
23. Моргунова О. А. Аспекты электронного картографирования русскоязычной диаспоры // Новое литературное обозрение. 2014. № 3 (127). С. 431–444.

References

1. Goroshko E. I. Lingvistika interneta: formirovaniye distsiplinarnoy paradigmy [Internet linguistics: forming a disciplinary paradigm]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse – Genres and types of text in scientific and media discourse*, 2007, no. 5, pp. 223–237 (in Russian).
2. Galichkina E. N. *Spetsifika komp'yuternogo diskursa na angliyskom i russkom yazykakh: Na materiale zhanra komp'yuternykh konferentsiy. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Specifics of computer discourse in English and Russian: On the genre of computer conferences. Abstract of thesis of cand. philol. sci]. Volgograd, 2001. 18 p. (in Russian).
3. Chasovskiy P. V. *Sotsiopsikhologicheskiy analiz komp'yuterno-igrovogo diskursa. Dis. ... kand. filol. nauk* [Sociopsychological analysis of computer-game discourse. Diss. ... cand. philol. sci]. Chelyabinsk, 2020. 233 p. (in Russian).
4. Mel'nikova O. K. K voprosu ob opredelenii termina «Internet-diskurs» [On the definition of the term «Internet discourse»]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh – Kazan bulletin of young scientists*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 30–33 (in Russian).

5. Kolozaridi P. Ruina i infrastruktura: kak izmenyaetsya Internet vo vremya pandemii [Ruin and infrastructure: how the Internet changes in a pandemic]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture – Untouchable stock. Debates on politics and culture*, 2021, no. 6 (140), pp. 8–25 (in Russian).
6. Ivanova V. V., Shishkin A. V. Izmeneniye internet-praktik gorodskoy molodezhi v usloviyakh pandemii (na primere Novosibirska) [Changing the Internet practices of urban youth in a pandemic (on the example of Novosibirsk)]. *Mir ekonomiki i upravleniya – World of economics and management*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 187–204 (in Russian).
7. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskiye kharakteristiki virtual'nogo diskursa. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Linguocultural characteristics of virtual discourse. Diss. ... doct. philol. sci.]. Volgograd, 2009. 39 p. (in Russian).
8. Sokolov A. V. *Obshchaya teoriya sotsial'noy kommunikatsii: uchebnoye posobiye* [General theory of social communication. Textbook]. Saint Petersburg, 2002. 461 p. (in Russian).
9. Yakovleva E. L. Antinomichnost' elektronnogo kochevnika: opyt filosofskoy retseptsii posredstvom metafor [The antinomianity of the electronic nomad: an experience of philosophical reception through metaphors]. *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya – The humanitarian: actual problems of humanitarian science and education*, 2019, no. 1, pp. 58–68 (in Russian).
10. Pavlov M. A. Ponyatiye setevogo diskursa v sovremennoy lingvistike [The notion of network discourse in modern linguistics]. *Nauka i obrazovaniye. Novoye vremya – Science and education. New times*, 2017, no. 1, pp. 9–13 (in Russian).
11. Karasik V. I. Setevoy diskurs: zhanrovye kharakteristiki [Network discourse: genre characteristics]. *Yazyk. Tekst. Diskurs – Language. Text. Discourse*, 2018, no. 16, pp. 152–166 (in Russian).
12. Bushev A. B. Tseli setevogo diskursa kak osnovaniye ego klassifikatsii [The notion of network discourse in modern linguistics]. *Chelovek: obraz, sushchnost'. Gumanitarnye aspekty – Man: image, essence. Humanitarian aspects*, 2022, no. 2, pp. 86–102 (in Russian).
13. Blinova O. A. Mul'timodal'nost' v setevom politicheskom diskurse: internet-memy o nezavisimosti Shotlandii [Multimodality in network political discourse: Internet memes on Scottish independence]. *Nauchnyy dialog – Scientific dialogue*, 2019, no. 10, pp. 79–93 (in Russian).
14. Kurushkin S. V. *Tsennostno-politicheskiy diskurs setevykh soobshchestv (na materiale Internet-SMI Rossii). Dis. ... kand. polit. nauk* [Values and political discourse of networked communities (on the material of Russian Internet media). Diss. of cand. polit. sci.]. Saint Petersburg, 2017. 166 p. (in Russian).
15. Sinitskaya A. V. Diskurs «zhertvy» i granitsy publichnoy refleksii v setevykh soobshchestvakh [The discourse of «victim» and the limits of public reflection in network communities]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International journal of cultural studies*, 2017, no. 4, pp. 120–127 (in Russian).
16. Yus'kayeva E. I. Kollektivnaya identichnost' v diskurse setevykh soobshchestv [Collective identity in the discourse of network communities]. *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the all-Russian scientific and practical conference]. Yaroslavl, 2021. P. 304–308 (in Russian).
17. Zvereva V. *Setevye razgovory: kul'turnye kommunikatsii v Runete* [Network conversations: cultural communications in Runet]. Bergen, 2012. 279 p. (in Russian).
18. Kuzheleva-Sagan I. P., Glukhov A. P., Akhmetova L. V. *«Tsifrovye diaspory» migrantov iz Tsentral'noy Azii: virtual'naya setevaya organizatsiya, diskurs «voobrazhaemogo soobshchestva» i konkurentsiya identichnostey* [Digital diasporas of Central Asian migrants: virtual Network organization, discourse of the imagined community, and competition of identities]. Tomsk, 2016. 168 p. (in Russian).
19. Volkov Yu. G., Krivopuskov V. V., Kurbatov V. I. Tsifrovye migranty i tsifrovaya diaspora: novye problemy i trendy mezhdunarodnoy migratsii [Digital migrants and digital diaspora: new problems and trends in international migration]. *Tsifrovaya sotsiologiya – Digital sociology*, 2021, no. 4, pp. 102–108 (in Russian).
20. Khokhol'kova N. E. Afrikanskaya tsifrovaya diaspora [African digital diaspora]. *Etnografiya – Ethnography*, 2021, no. 3, pp. 191–206 (in Russian).
21. Peshkova V. M. Diaspornye pechatnye izdaniya kak al'ternativnoe medijnoe prostranstvo dlya reprezentacii etnokul'turnogo raznoobraziya Rossii [Diasporic print media as an alternative media space for representing the ethnocultural diversity of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of sociology and social anthropology*, 2013, vol. 16, no. 4, pp. 124–141 (in Russian).
22. Demchenko E. V. K voprosu o formirovanii ponyatiynogo apparata «tsifrovoy diaspory». Kratkiy istoriograficheskiy obzor [On the formation of the conceptual apparatus of «digital diaspora». A brief historiographical review]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International journal of the humanities and natural sciences*, 2018, no. 3, pp. 29–35 (in Russian).
23. Morgunova O. A. Aspekty elektronnogo kartografirovaniya russkoyazychnoy diaspory [Aspects of electronic mapping of the Russian-speaking diaspora]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New literary review*, 2014, no. 3, pp. 431–444 (in Russian).

Информация об авторе

Орлова О. В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003); Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Ван Юаньин, преподаватель русского языка, Хэйлунцзянский институт иностранных языков (ул. Шида-наньлу, 1, Харбин, Китай, 150025).
E-mail: wangyuanying823@yandex.com

Information about the authors

Orlova O. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003); Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Wang Yuanying, Russian language teacher, Heilongjiang Institute of Foreign Languages (ul. Shida Nanlu, Harbin, China, 150025).
E-mail: wangyuanying823@yandex.com

Статья поступила в редакцию 03.05.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 03.05.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (231). С. 15–22.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2023, vol. 1 (231), pp. 15–22.

УДК 811.161.1'373.46:72:69
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-15-22

Понятийное моделирование терминосистемы градостроительства

***Дмитрий Сергеевич Банщиков*[1, 2]**

[1] *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*
[2] *Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия*
[1, 2] *komrad555@mail.ru*

Аннотация

Профессиональная сфера «Градостроительство» является одной из самых молодых, перспективных и быстро развивающихся отраслей строительства, что обусловливает необходимость изучения и систематизации данной терминосистемы в русском языке. Целью работы является построение понятийной модели терминосистемы «Градостроительство». Научная новизна исследования заключается в определении иерархической структуры данной терминосистемы на основе понятийного моделирования, а также в выявлении и анализе специальных единиц, не зафиксированных в словарях. Материалом для изучения послужили градостроительные термины, отобранные методом сплошной выборки из словарей, энциклопедий, научных статей, учебно-методической литературы строительных норм и правил, тематических сайтов, видеороликов, посвященных данной сфере деятельности. Анализ базируется на общенаучных методах, среди которых наблюдение, сравнение, анализ, обобщение, систематизация. Также основу исследования составляют лингвистические методы: дефиниционный и компонентный анализ, моделирование на базе понятийного подхода. Понятийная модель терминосистемы сферы «Градостроительство» отражает общую логическую связь всех терминологических единиц между собой. Составными элементами (от высшего к нижнему положению в иерархической системе) модели являются терминологические группы, подгруппы и микрогруппы, выделенные по тематическому основанию. В результате анализа исследуемого материала определены границы терминосистемы градостроительства и произведена ее систематизация. Определен многоуровневый иерархический конструкт терминологических единиц предметной области «Градостроительство», состоящий из следующих групп: «Основы и методика градостроительного проектирования», «Территориальное планирование», «Функционально-планировочная организация территории», «Архитектурно-строительное проектирование», «Благоустройство города», «Градостроительная реконструкция», «Градостроительная экология», «Урбанистика города», которые в свою очередь делятся на терминологические подгруппы и микрогруппы. Подробно проанализирована терминологическая группа «Основы и методика градостроительного проектирования». Изучено около 290 терминов градостроительства, среди которых 35 не зафиксировано в академических терминологических словарях. Понятийная схема данной терминосистемы имеет многоуровневую иерархическую структуру и состоит из 8 терминологических групп, 23 терминологических подгрупп, 9 терминологических микрогрупп, всего выделено 20 понятийных блоков. Также установлены отношения пересечения между структурными компонентами терминологической модели «Градостроительство», терминологических подгрупп в составе изучаемой терминосистемы.

Ключевые слова: *термин, терминоведение, терминосистема, градостроительство, понятийное моделирование терминосистемы, русский язык*

Для цитирования: Банщиков Д. С. Понятийное моделирование терминосистемы градостроительства // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 15–22. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-15-22

Conceptual modeling of the terminological system of urban planning

***Dmitry S. Banshchikov*[1, 2]**

[1] *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*
[2] *Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russian Federation*
[1, 2] *komrad555@mail.ru*

Abstract

The professional sphere "Urban planning" is one of the youngest, promising and rapidly developing branches of construction, which necessitates the study and systematization of this terminological system in the Russian language. Aim and objective of the work is to build a conceptual model of the terminological system "Urban planning". The sci-

© Д. С. Банщиков, 2024

entific novelty of the study lies in the definition of the hierarchical structure of this terminological system based on conceptual modeling, as well as in the identification and analysis of special units that are not recorded in dictionaries. The material for the study was urban planning terms selected by continuous sampling from dictionaries, encyclopedias, scientific articles, educational and methodological literature of building codes and regulations, thematic sites, videos dedicated to this field of activity. The analysis is based on general scientific methods, including observation, comparison, analysis, generalization, systematization. Also, the basis of the study is linguistic methods: definitional and component analysis, modeling based on the conceptual approach. The conceptual model of the term system of the sphere "Urban planning" is considered as a structured field, reflecting the general logical connection of all terminological units among themselves. The constituent elements (from the highest to the lowest position in the hierarchical system) of the model are terminological groups, subgroups and microgroups. As a result of the analysis of the studied material, the boundaries of the urban planning terminology system were determined and its systematization was carried out. A multilevel hierarchical construct of terminological units of the subject area "Urban planning" is defined, consisting of the following groups: "Fundamentals and methods of urban planning", "Territorial planning", "Functional and planning organization of the territory", "Architectural and construction design", "City improvement", "Urban reconstruction", "Urban ecology", "Urban studies of the city", which in turn are divided into terminological subgroups and microgroups. The terminological group "Fundamentals and methods of urban planning" was analyzed in details. About 290 terms have been studied, among which 35 are not recorded in academic terminological dictionaries. The conceptual scheme of this terminological system has a multi-level hierarchical structure and consists of 8 terminological groups, 23 terminological subgroups, 9 terminological microgroups, in total 20 thematic blocks are allocated]. The intersection relations of terminological subgroups as part of the studied terminological system are also established.

Keywords: *term, terminology, terminological system, urban planning, conceptual modeling of the terminological system, Russian language*

For citation: Banshchikov D. S. Ponyatiynoye modelirovaniye terminosistemy gradostroitel'stva [Conceptual modeling of the terminological system of urban planning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 15–22 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-15-22

Введение

Без владения специальной лексикой не представляется возможным развитие любой области знаний или сферы деятельности. В настоящее время терминоведение является одним из актуальных направлений лингвистики. Благодаря научно-техническому прогрессу и интернационализации сфер профессиональной деятельности образуются новые предметные области научных знаний, среди которых сфера «Градостроительство». Актуальность темы исследования обусловлена интенсивным развитием профессиональной сферы градостроительства, обусловливающим активное пополнение терминологии, в связи с чем возникает необходимость изучения и систематизации данного терминологического аппарата.

В аспекте моделирования рассмотрены терминосистемы строительства, строительных материалов, дизайна архитектурной среды [1–3], однако иерархическая структура терминосистемы профессиональной сферы «Градостроительство» изучается впервые.

Целью настоящей работы является построение понятийной модели терминосистемы «Градостроительство». Объектом изучения выступают русские градостроительные термины, функционирующие в данной предметной области в настоящее время. По мнению В. М. Лейчика, «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [4, с. 96]. Мы понимаем термин как «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание), принимаемую для точного наименования понятий» [5, с. 30], и считаем, что термин может обозначать не только теоретическое понятие, но и предметы, применяемые на практике в профессиональной деятельности.

В настоящее время изучение терминосистем различных сфер деятельности приобретает большое значение и становится актуальным как в отечественном терминоведении, так и в зарубежном, поскольку терминология является важнейшим показателем профессионального знания. Для формирования терминосистемы необходимы: 1) специальная область, имеющая четко определенные границы; 2) система общих понятий, которые относятся к этой области; 3) наличие теории/концепции, описывающей данную область (система понятий соответствует этой теории) [4, с. 119]. Каждый термин представляет собой самостоятельную единицу, которая характеризуется отношениями с другими единицами, находящимися на одной или разных уровнях языковой структуры.

Продуктивным методом изучения терминосистем предметных областей является понятийное моделирование, суть которого заключается в создании системной схемы, под которой подразумевается определенная закономерность, осуществляемая

по тематическому принципу. Систематизация терминов через создание понятийной модели позволяет подробно представить профессиональную сферу «Градостроительство» схематически. Под терминологическим полем понимается комплекс терминов, сочетаемых в рамках одной области знаний, основной характеристикой которого является экстралингвистическая обусловленность [6, с. 113]. Слова в русском языке можно объединять в терминологические группы (ТГ), представляющие собой совокупность слов, основанную на классификации предметов, концепций, технологий, процессов и др. (на основе общего понятийного признака) [7, с. 38]. Данные группы характеризуются наличием системных, в том числе иерархических, отношений и семантической общности всех составляющих. В состав ТГ входят единицы более низкого порядка – терминологические подгруппы (ТПг), которые могут делиться на терминологические микрогруппы (ТМг).

Градостроительство является одним из перспективных активно развивающихся сфер деятельности. Параллельно развитию данной индустрии расширяется понятийный и терминологический аппарат. Рассмотрим дефиниции термина *градостроительство*. В учебном пособии В. М. Груздева по основам градостроительства данный термин обозначает сложную и разностороннюю деятельность по формированию населенных мест и систем расселения [8, с. 6]. Согласно терминологическому словарю по градостроительству на 12 языках, *градостроительство* – это «теория и практика планировки и застройки населенных пунктов, охватывающие комплекс социально-экономических, санитарно-гигиенических, транспортных, инженерно-строительных и архитектурно-художественных мероприятий» [9, с. 485]. Самую точную дефиницию термина, по нашему мнению, обозначил И. М. Смоляр, который определяет *градостроительство* как «деятельность по пространственной организации размещения населения, проектированию и застройке населенных пунктов, которая опирается на градостроительное законодательство, строительные нормы и правила, систему научного знания, управление, художественные принципы» [10, с. 44].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили термины профессиональной сферы градостроительства, выделенные из следующих источников: 1) словарей [9–11]; 2) энциклопедий [12]; 3) строительных норм и правил (СНиП) [13–17]; 4) учебных пособий [7, 18–23]; 5) научных статей [24–31]; 6) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [32], используемого для верификации времени функционирования термина в русском языке.

Основу методологии данной работы составляют общенаучные и лингвистические методы и приемы исследования. К общенаучным относятся такие приемы, как наблюдение, сравнение, анализ, классификация, обобщение, а также системный подход [33, с. 18–25]. Частнонаучные методы представлены методом лингвистического моделирования, дефиниционным и компонентным анализом терминов. Классификация терминов по понятийному принципу сводится к определению совокупности обозначаемых ими понятий, а также указанию основных отношений между ними. Чтобы не допустить субъективности описания по данному принципу отношений терминов, необходимо использовать тексты с научными дефинициями терминов, так как в определениях раскрывается суть обозначенного термином понятия через его отношения со смежными, межнаучными и разноотраслевыми терминами. Классификация градостроительной специальной лексики основывается на существующем опыте систематизации терминологии в других областях деятельности. По мнению Д. С. Шелова, «понятийная структура терминологии – это совокупность всех понятийных полей (микрополей, субполей) ее терминов» [3, с. 59].

Результаты и обсуждение

В процессе понятийного моделирования предметной области «Градостроительство» была создана иерархическая структура, состоящая из терминологических групп (ТГ), разделенных на терминологические подгруппы (ТПг) и далее – на терминологические микрогруппы (ТМг) (рисунок).

Рассмотрим более детально одну из терминологических групп.

1. ТГ «**Основы и методика градостроительного проектирования**», теоретическая и практическая база которой представляет собой комплексную и многостороннюю область знаний. Данная группа состоит из следующих подгрупп: «Общее градостроительство», «Градостроительная документация», «Стадии градостроительного проектирования», «Типология городов».

1.1. ТПг «**Общее градостроительство**» содержит термины, которые являются первичными и основными в процессе теоретической подготовки и практической деятельности специалистов градостроения: *градостроительство*, *градостроительная* (далее – г.) *деятельность*, *г. доктрина*, *г. концепция*, *г. политика*, *г. система*, *г. экспертиза*, *г. исследование*, *г. освоение*, *г. регулирование*, *г. проектирование*, *Г. кодекс Российской Федерации*, *г. объект*, *г. регламент*, *г. устав*, *география городов*, *каркас градостроительной системы*, *теория градостроительного искусства*, *планировка*

населенных мест, *территориальное планирование* и др. Рассмотрим определение одного из терминов подгруппы: *градостроительная доктрина* (в НКРЯ с 2003 г.) – «подлежащая одобрению правительством РФ научно обоснованная концепция в области стратегии и тактики градостроительной деятельности, составляющая основу для текущей и долгосрочной градостроительной политики страны» [10, с. 12]. Контекст: «*В приведенном выше его определении градостроительной доктрины предложен и состав документа из трех разделов, раскрывающих социально-градостроительные, организационно-градостроительные и научно-градостроительные основы, а также этапы, приоритеты и ожидаемые результаты*» [27, с. 70].

1.2. ТПг «**Градостроительная документация**» складывается из обозначений систем документов, чертежей (и их составных элементов) и схем, а также участников разработки данных объектов, необходимых для принятия решений в процессе любой градостроительной деятельности на территории любого уровня, например федерального или муниципального. Данная подгруппа делится на три терминологические микрогруппы: «Планировочные документы и чертежи», «Структура чертежей», «Разработчики градостроительной документации».

1.2.1. ТМг «**Планировочные документы и чертежи**»: совокупность терминологических единиц, номинирующих документы и чертежи, используемые для выделения элементов при планировке структурной схемы города: *генеральный план города*, *градостроительный чертеж*, *государственный стандарт*, *опорный план*, *план благоустройства*, *план озеленения*, *пояснительная записка*, *проект застройки*, *проект планировки*, *рабочая документация*, *схема размещения объекта*, *ситуационный план, справка по экологическим характеристикам территории*, *чертежи индивидуальных объектов* и др. *Ситуационный план* (термин не зафиксирован в академических/профессиональных толковых словарях) (в НКРЯ с 1991 г.) – это карта местности земельного участка, изготовленная в масштабе 1:500 (1:1000, 1:2000) и привязанная к определенным точкам – населенному пункту, дороге, инженерным сетям [14]. Контекст: «*Строительство дома, газификация, прокладка системы водоснабжения, установка линий электропередачи и иных сооружений невозможна без ситуационного плана земельного участка или СПЗУ*» [15]. Некоторые термины данной ТМг, такие как *план благоустройства*, *план озеленения*, входят также в ТПг «Документация по благоустройству» в составе ТГ (5) «Благоустройство города».

1.2.2. ТМг «**Структура чертежей**»: *горизонталь*, *изогипса*, *изолиния*, *изохрона*, *изохронограмма*, *красные линии*, *красные отметки*, *отметки высот*, *роза ветров* и др. *Изохронограмма* (в НКРЯ не зафиксирован) – «изображение на плане города или района всей совокупности изолиний времени доступности какого-либо центра (или центров), проведенных через заданные временные интервалы» [10, с. 12]. Контекст: «*На первом этапе для определения общих очертаний территории объекта исследования по критерию транспортной доступности выполняется построение изохронограмм транспортной доступности города-центра от периферийных застроенных территорий на личном автомобиле с учетом среднестатистической скорости движения*» [29, с. 114].

1.2.3. ТМг «**Разработчики градостроительной документации**» состоит из терминов, обозначающих субъекты деятельности по проектированию городской среды: *заказчики градостроительной документации*, *пользователи объектов градостроительства*, *органы государственного управления архитектурой и градостроительной деятельностью*, *разработчики градостроительной проектно-планировочной документации* и др. *Заказчики градостроительной документации* (в НКРЯ не зафиксирован) – «органы государственной власти, органы местного самоуправления, физические и юридические лица, инициирующие разработку градостроительной документации соответствующего вида» [11, с. 61]. Контекст: «*Заказчик градостроительной документации осуществляет сбор исходных данных и требований для разработки раздела "ИТМ ГОЧС"*» [21, с. 118].

1.3. ТПг «**Стадии градостроительного проектирования**» образуют терминологические единицы, обозначающие этапы, которые последовательно осуществляются в градостроительной деятельности: *исходные данные для проектирования*, *архитектурно-планировочное задание*, *предпроектный анализ*, *детализация принятого варианта*, *оформление графических и текстовых материалов проектов* и др. *Архитектурно-планировочное задание* (термин не зафиксирован в терминологических академических словарях, в НКРЯ с 2006 г.) – «комплекс требований к назначению, основным параметрам и размещению архитектурного объекта на конкретном земельном участке, а также обязательные экологические, технические, организационные и иные условия его проектирования и строительства, предусмотренные законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации» [17]. Контекст: «*Как следует из ст. 3 данного Закона, архитектурно-планировочное задание выдается по заявке заказчика (застройщика) органом, ведающим вопросами ар-*

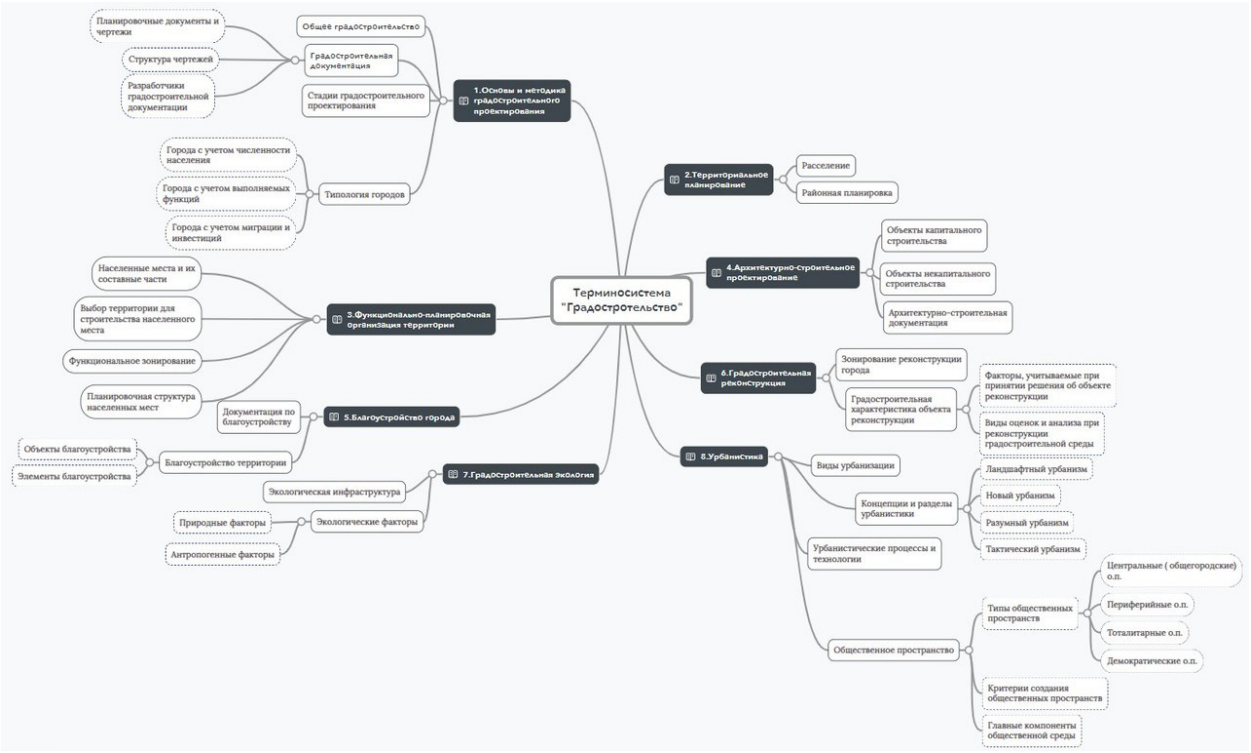


Рис. Понятийная модель терминосистемы «Градостроительство»

хитектуры и градостроительства в соответствии с законодательством РФ» [18].

1.4. ТПг «**Типология городов**» представляет собой совокупность обозначений типов городов по характерным признакам. Выделим следующие термины: *агломерация*, *город*, *большой город*, *город исторический*, *город-курорт*, *город-мегаполис*, *город-сад*, *город-спальня*, *город-спутник*, *групповой город*, *конурбация*, *кризисный город*, *крупнейший город*, *крупный город*, *малый город*, *новый город*, *тип города*, *типология городов*, *региональный город*, *средний город* и др. *Город-сад* (в НКРЯ не зафиксирован) – «малонаселенное и малоэтажное поселение, которое сочетает в себе преимущества города и деревни» [30]. Контекст: «*История пре-образования Омска в "город-сад" напрямую связана и с оригинальной концепцией Э. Говарда, и с особенностями управления озеленением, и с пропагандой "зеленого строительства"*» [31, с. 33]. Такие термины, как *крупнейший город*, *крупный город*, *малый город*, входят также в терминологическую подгруппу «Населенные места их и составные части» терминологической группы (3) «Функционально-планировочная организация территории». На основании данного и подобных примеров можем сделать вывод о пересечении терминологических подгрупп.

Заключение

В ходе исследования рассмотрено 286 терминологических единиц профессиональной сферы «Градостроительство», среди которых 35 не отмечено в академических терминологических словарях, 10 отсутствуют в профессиональных словарях и НКРЯ. Понятийная модель данной терминосистемы имеет многоуровневую иерархическую структуру и состоит из 8 терминологических групп, 23 терминологических подгрупп, 9 терминологических микрогрупп; всего выделено 20 понятийных объединений (см. рисунок). Также установлены отношения пересечения терминологических подгрупп в составе анализируемой терминосистемы.

Данная модель терминологии профессиональной сферы «Градостроительство» может стать основой систематизирующего словаря.

Результаты исследования представляют практический интерес для лингвистов-терминологов, специалистов, работающих в области градостроительства, и студентов, обучающихся по направлениям «Городское строительство и хозяйство», «Промышленное и гражданское строительство» и др.

Список источников

1. Абдурахманова А. З. Методика лингвистического моделирования предметной области «Строительство» (на материале английских и русских терминов) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12, № 3. С. 61–68.

2. Трофимова Н. А. Понятийная модель терминополя «Строительные материалы» в русском языке // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов VIII (XXII) Международной научно-практ. конф. молодых ученых (15–17 апреля 2021 г.). Томск, 2021. Вып. 22. С. 153–158.
3. Мацкевич Н. А. Моделирование терминологического поля «Дизайн интерьера»: логико-понятийный аспект // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2021. № 3 С. 58–68.
4. Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: ЛКИ, 2009. 256 с.
5. Гринёв-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 256 с.
6. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
7. Сарангова Т. А. Терминология Investor Relations в русском и английском языках. М.: Инфра-М, 2017. 126 с.
8. Груздев В. М. Основы градостроительства и планировка населенных мест: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. архит.-строит. ун-та, 2017. 105 с.
9. Беленький М. В., Визирян Г. В. и др. Терминологический словарь по строительству на 12 языках. М.: Русский язык, 1986. 1368 с.
10. Смоляр И. М. Терминологический словарь по градостроительству. М.: РОХОС, 2004. 160 с.
11. Крассов О. И., Тарло Е. Г., Петрова Т. В. Толковый словарь градостроительного законодательства. М.: Юридический центр, 2004. 199 с.
12. Российская архитектурно-строительная энциклопедия. Том № 10: безопасность строительства, надежность зданий и сооружений. М.: ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт проблем научно-технического прогресса и информации в строительстве», 2005. 388 с.
13. СНиП 2.07.01-89*. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. М.: ФГУП ЦПП, 2007. 56 с.
14. Ситуационный план земельного участка // Сайт муниципального унитарного предприятия «Архитектурно-планировочный центр». URL: http://arch174.ru/services/inzhenernye-seti/situatsionnyy-plan/ (дата обращения: 24.01.2023).
15. Ситуационный план земельного участка. Публичная кадастровая карта Российской Федерации. URL: https://kadastrmap.ru/kadastr/situatsionnyj-plan-zemelnogo-uchastka/ (дата обращения: 25.01.2023).
16. Градостроительный кодекс Российской Федерации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102090643 (дата обращения: 18.01.2023).
17. Федеральный закон № 169 «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» [принят Государственной Думой 18 октября 1995 года: одобрен Советом Федерации 17 сентября 1995 года]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDl5ODq9ujo&nd=102038230&page=1&rdk=4#I0 (дата обращения: 25.01.2023).
18. Градостроительный кодекс РФ. Статья 48. Архитектурно-строительное проектирование (последняя действующая редакция с комментариями). 2023. URL: https://www.gradkod.ru/statya-48 (дата обращения: 25.01.2023).
19. Авдотьин Л. Н. Градостроительное проектирование: учеб. для вузов. М.: Стройиздат, 1989. 432 с.
20. Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 325 с.
21. Груздев В. М. Территориальное планирование. Теоретические аспекты и методология пространственной организации территории: учеб. пос. для вузов. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. 146 с.
22. Кашкина Л. В. Основы градостроительства. М.: ВЛАДОС, 2005. 247 с.
23. Потаев Г. А. и др. Реконструкция части города: учебно-метод. пособие для студентов специальности 1-69 01 01 «Архитектура». Минск: Изд-во Белорус. нац. техн. ун-та, 2022. 44 с.
24. Чернявская Е. М. Реконструкция городской среды: учеб. пособие / 2-е изд., стереот. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. тех. ун-та, 2020. 82 с.
25. Pardelaa Ł., Lisa A., Zalewskaa K., Iwankowskib P. How vegetation impacts preference, mystery and danger in fortifications and parks in urban areas // Landscape and Urban Planning. 2022. V. 228. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0169204622002079?via%3Dihub (дата обращения: 19.01.2023).
26. Градостроительство: теория, практика, образование: материалы II Всерос. научно-практ. конф. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2020. 190 с.
27. Архитектурно-строительное проектирование: сб. студенческих и преподавательских научных статей. Ульяновск: Изд-во Ульян. гос. техн. ун-та, 2020. 148 с.
28. Любовный В. Я. О путях разработки градостроительной доктрины // Academy. Архитектура и строительство. 2012. № 4. С. 68–72.
29. Монастырская М. Е., Песляк О. А. Методика определения границ городских агломераций // Вестник Белгородского гос. технолог. ун-та им. В. Г. Шухова. 2019. № 2. С. 111–117.
30. Лобашова Е. С., Киреева Т. В. Концепция идеального города-сада // Студенческий научный форум. Москва, 2019. URL: https://scienceforum.ru/2019/article/2018010824 (дата обращения: 12.02.2023).

31. Котова Е. С. Город-сад: Альтернативная концепция формирования городской среды // Журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт». 2014. № 3. С. 32–38.
32. Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru/new/index.html (дата обращения: 22.01.2023).
33. Кузнецов И. Н. Научное исследование. Методика проведения и оформление. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и КО, 2006. 460 с.

References

1. Abdurakhmanova A. Z. Metodika lingvisticheskogo modelirovaniya predmetnoy oblasti «Stroitel'stvo» (na materiale angliyskikh i russkikh terminov) [Linguistic modeling methodology for the subject area «Construction» (based on English and Russian terms)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika» – Bulletin of the South Ural State University*, 2015, vol. 12, no. 3, pp. 61–68 (in Russian).
2. Trofimova N. A. Ponyatiynaya model' terminopolya «Stroitel'nye materialy» v russkom yazyke [Conceptual model of the term field «Building materials» in Russian]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sbornik materialov VIII (XXII) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh (15–17 aprelya 2021 g.)* [Actual problems of linguistics and literary criticism: collection of materials of the VIII (XXII) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (April 15–17, 2021)]. Tomsk, 2021, iss. 22, pp. 153–158 (in Russian).
3. Matskevich N. A. Modelirovaniye terminologicheskogo polya «Dizayn inter'era»: logiko-ponyatiynyy aspect [Modeling the terminological field «Interior Design»: logical and conceptual aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2021, no. 3, pp. 58–68 (in Russian).
4. Leychik V. M. *Terminovedeniye. Predmet, metody, struktura* [Terminology. Subject, methods, structure]. Moscow, LKI Publ., 2009. 256 p. (in Russian).
5. Grinyov-Grinevich S. V. *Terminovedeniye: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Terminology: textbook allowance for students in institutions of higher education]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 256 p. (in Russian).
6. Superanskaya A. V. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [Common therminology: Theory questions]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 248 p. (in Russian).
7. Sarangova T. A. *Terminologiya Investor Relations v russkom i angliyskom yazykakh* [Terminology Investor Relations in Russian and English languages]. Moscow, Infra-M Publ., 2017. 126 p. (in Russian).
8. Gruzdev V. M. *Osnovy gradostroitel'stva i planirovka naselennykh mest: uchebnoye posobiye* [Fundamentals of urban planning and planning of populated areas: textbook]. Nizhny Novgorod, NNGASU Publ., 2017. 105 p. (in Russian).
9. Belen'kiy M. V., Viziryan G.V. et al. *Terminologicheskiy slovar' po stroitel'stvu na 12 yazykakh* [Construction terminology dictionary in 12 languages]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986. 1368 p. (in Russian).
10. Smolyar I. M. *Terminologicheskiy slovar' po gradostroitel'stvu* [Terminological dictionary of urban planning]. Moscow, ROKHOS Publ., 2004. 160 p. (in Russian).
11. Krassov O. I., Tarlo E. G., Petrova T. V. *Tolkovyy slovar' gradostroitel'nogo zakonodatel'stva* [Explanatory Dictionary of Urban Planning Legislation]. Moscow, Yuridicheskiy tsentr Publ., 2004. 199 p. (in Russian).
12. *Rossiyskaya arkhitekturno-stroitel'naya entsiklopediya. Tom № 10: bezopasnost' stroitel'stva, nadezhnost' zdaniy i sooruzheniy* [Russian Architectural and Building Encyclopedia. V. 10: construction safety, reliability of buildings and structures]. Moscow, FGUP «Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut problem nauchno-tekhnicheskogo progressa i informatsii v stroitel'stve» Publ., 2005. 388 p. (in Russian).
13. SNiP 2.07.01-89*. *Gradostroitel'stvo. Planirovka i zastroyka gorodskikh i sel'skikh poseleniy* [Urban planning Planning and development of urban and rural settlements]. Moscow, FGUP TsPP Publ., 2007. 56 p. (in Russian).
14. *Situatsionnyy plan zemel'nogo uchastka. Sayt munitsipal'nogo unitarnogo predpriyatiya «Arhitekturno-planirovochnyy tsentr»* [Situational plan of the land plot. Website of the Municipal Unitary Enterprise «Architectural and Planning Center»] (in Russian). URL: http://arch174.ru/services/inzhenernye-seti/situatsionnyy-plan/ (accessed 24 January 2023).
15. *Situatsionnyy plan zemel'nogo uchastka. Publichnaya kadastrovaya karta Rossiyskoy Federatsii* [Situational plan of the land plot. Public cadastral map of the Russian Federation]. URL: https://kadastrmap.com/kadastr/situatsionnyj-plan-zemelnogo-uchastka/ (accessed 25 January 2023) (in Russian).
16. *Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Urban Planning Code of the Russian Federation] (in Russian). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102090643 (accessed 18 January 2023).
17. *Federal'nyy zakon № 169 «Ob arkhitekturnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii» [prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 18 oktyabrya 1995 goda: odobren Sovetom Federatsii 17 sentyabrya 1995 goda]* [Russian Federation. The laws. on architectural activities in the Russian Federation: Federal Law No. 169-FZ [adopted by the State Duma on October 18, 1995: approved by the Federation Council on September 17, 1995]] (in Russian). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDl5ODq9ujo&nd=102038230&page=1&rdk=4#I0 (accessed 25 January 2023).
18. *Gradostroitel'nyy kodeks RF. Stat'ya 48. Arkhitekturno-stroitel'noye proyektirovaniye (poslednyaya deystvuyushchaya redaktsiya s kommentariyami)* [Article 48. Architectural and construction design Urban Planning Code of the Russian Federation Last valid version with comments]. 2023 (in Russian). URL: https://www.gradkod.ru/statya-48 (accessed 25 January 2023).

19. Avdot'in L. N. *Gradostroitel'noye proektirovaniye: uchebnik dlya vuzov* [Urban design: a textbook for universities]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1989. 432 p. (in Russian).
20. Glazychev V. L. *Urbanistika* [Urbanism]. Moscow, Evropa Publ., 2008. 325 p. (in Russian).
21. Gruzdev V. M. *Territorial'noye planirovaniye. Teoreticheskiye aspekty i metodologiya prostranstvennoy organizatsii territorii: uchebnoye posobiye dlya vuzo*v [Territorial planning. Theoretical Aspects and Methodology of the Spatial Organization of the Territory: Textbook for Universities]. Nizhny Novgorod, NNGASU Publ., 2014. 146 p. (in Russian).
22. Kashkina L. V. *Osnovy gradostroitel'stva* [Fundamentals of urban planning]. Moscow, VLADOS Publ., 2005. 247 p. (in Russian).
23. Potayev G. A. et al. *Rekonstruktsiya chasti goroda: uchebno-metodicheskoye posobiye dlya studentov spetsial'nosti 1-69 01 01 «Arkhitektura»* [Reconstruction of a part of the city: a teaching aid for students of the specialty 1-69 01 01 «Architecture»]. Minsk, Belorussian National Technical University Publ., 2022. 44 p. (in Russian).
24. Chernyavskaya E. M. *Rekonstruktsiya gorodskoy sredy: uchebnoye posobiye* [Reconstruction of the urban environment: a study guide]. Voronezh, Voronezh State Technical University Publ., 2020. 82 p. (in Russian).
25. Pardelaa Ł., Lisa A., Zalewskaa K., Iwankowskib P. How vegetation impacts preference, mystery and danger in fortifications and parks in urban areas. *Landscape and Urban Planning*, vol. 228, 2022. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0169204622002079?via%3Dihub (accessed 19 January 2023).
26. *Gradostroitel'stvo: teoriya, praktika, obrazovaniye: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Urban planning: theory, practice, education: materials of the II All-Russian scientific practical conference]. Irkutsk, Irkutsk State Technical University Publ., 2020. 190 p. (in Russian).
27. *Arkhitekturno-stroitel'noye proyektirovaniye: sbornik studencheskikh i prepodavatel'skikh nauchnykh statey* [Architectural and construction design: collection of students and teaching scientific articles]. Ul'yanovsk, Ulyanovsk State Technical University Publ., 2020. 148 p. (in Russian).
28. Lyubovnyy V. Y. O putyakh razrabotki gradostroitel'noy doktriny [About the ways of developing urban planning doctrine]. *Academy, Arkhitektura i stroitel'stvo*, 2012, no. 4, pp. 68–72 (in Russian).
29. Monastyrskaya M. E., Peslyak O. A. Metodika opredeleniya granits gorodskikh aglomeratsiy [Methodology for determining the boundaries of urban agglomerations]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvenogo tekhnologicheskogo universiteta im. V. G. Spukhova – The Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 2019, no. 2, pp. 111–117 (in Russian).
30. Lobashova E. S., Kireyeva T. V. Kontseptsiya ideal'nogo goroda-sada [The concept of an ideal garden city]. *Studencheskiy nauchnyy forum* [Student Scientific Forum]. Moscow, 2019 (in Russian). URL: https://scienceforum.ru/2019/article/2018010824 (accessed 12 February 2023).
31. Kotova E. S. Gorod-sad: Al'ternativnaya kontseptsiya formirovaniya gorodskoy sredy [Garden City: An Alternative Concept for the Formation of the Urban Environment]. *Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy «Labirint»*, 2014, no. 3, pp. 32–38 (in Russian).
32. *Natsiona"nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus] (in Russian). URL: http://ruscorpora.ru/new/index.html (accessed 22 January 2023).
33. Kuznetsov I. N. *Nauchnoye issledovaniye. Metodika provedeniya i oformleniye.* 2-e izdaniye, pererabotannoye i dopolnennoye [Scientific research. Methodology and design. 2-nd ed., reworked and add.]. Moscow, Dashkov i KO Publ., 2006. 460 p. (in Russian).

Информация об авторе

Банщиков Д. С., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина 30, Томск, Россия, 634050).
E-mail: komrad555@mail.ru

Information about the author

Banshchikov D. S., post-graduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: komrad555@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 12.02.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 23–32.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 23–32.

УДК 811.581
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-23-32

Растительная метафора в китайском языке: семасиологический и когнитивный аспекты

Марина Александровна Гаврилюк

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, zhaolinna25@gmail.com

Аннотация

Исследуются когнитивные основы формирования метафорических значений фитонимической лексики в китайском языке. Данный пласт лексических единиц, фиксируя наиболее важные для носителей языка участки внеязыковой действительности, обладает высокой степенью релевантности для китайского национального языкового сознания, что обуславливает широкие возможности для его метафорического переосмысления. Возникающие в результате этого процесса вторичные образные номинации выполняют важную роль в концептуализации мира, выступая в качестве одного из основных средств реализации фитоморфного кода культуры. Целью данной работы является лингвокогнитивное описание образной лексики китайского языка, мотивированной наименованиями объектов и явлений растительного мира, и выявление запечатленного в ней фрагмента китайской языковой картины мира. Материалом исследования послужили данные толковых и фразеологических словарей, а также контексты использования фитоморфных номинаций, извлеченные из национальных корпусов китайского языка. Изучение фактического материала проводилось с использованием метода компонентного и контекстуального анализа, элементов лингвокогнитивного моделирования, а также приема лингвокультурологического комментирования. В результате проведенного анализа были определены денотаты фитонимических образных номинаций в китайском языке, а также выявлена система оснований метафорического уподобления и схемы прототипных метафорических переносов из сферы-источника «Растения», участвующие в концептуализации других понятийных областей. Исследование показало, что наименования растительных объектов используются для метафорического осмысления явлений таких сфер действительности, как «Человек», «Естественный мир», «Абстрактный мир» и «Социум». При этом большинство растительных метафор (68,7 %) в китайском языке принадлежит антропосфере, среди которых преобладают номинации характеристик внешности и нравственных качеств человека. Формирование переносных значений входящих в вышеперечисленные понятийные сферы фитонимических единиц осуществляется по определенным метафорическим моделям, характеризующимся общим основанием образной аналогии. В качестве таких оснований могут выступать различные свойства объектов растительного мира: форма, размер, цвет, особенности структуры и консистенции, стадия развития, вкус, общая оценка внешнего вида, реакция на воздействие факторов внешней среды, распространенность, пищевая и эстетическая ценность. Их выявление и последовательное описание позволило в определенной мере реконструировать соответствующий фрагмент китайской языковой картины мира.

Ключевые слова: *растительная метафора, метафорическая модель, фитонимическая лексика, фитоморфизм, языковая картина мира*

Для цитирования: Гаврилюк М. А. Растительная метафора в китайском языке: семасиологический и когнитивный аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 23–32. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-23-32

Plant Metaphor in Chinese: semasiological and cognitive aspects

Marina A. Gavrilyuk

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, zhaolinna25@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the cognitive foundations of the Chinese phytonymic vocabulary metaphorical meanings formation. This layer of lexical units, fixing the most important areas of non-linguistic reality for native speakers, has a high degree of relevance for the Chinese national linguistic consciousness, which provides wide opportunities for its metaphorical reinterpretation. Secondary figurative nominations arising as a result of this process play an important role in the conceptualization of the world, acting as one of the main means of implementing the phytomorphic code of culture. The purpose of this work is a linguocognitive description of the Chinese figurative vocabulary, motivated by the names of objects and phenomena of the plant world, and the identification of a fragment of the Chinese language picture of the world, which is imprinted in it. The research material was the data of

© М. А. Гаврилюк, 2024

explanatory and phraseological dictionaries, as well as the contexts of the use of phytomorphic nominations extracted from the national corpus of the Chinese language. The study of the factual material was carried out using the method of component and contextual analysis, elements of linguocognitive modeling, as well as the method of linguocultural commentary. As a result of the analysis, the denotations of the Chinese phytonymic figurative nominations were determined, as well as the system of bases for metaphorical assimilation and schemes of prototypical metaphorical transfers from the source sphere of "Plants" involved in the conceptualization of other conceptual areas were revealed. The study showed that the names of plant objects are used for metaphorical interpretation of phenomena in such spheres of reality as "Man", "Natural World", "Abstract world" and "Society". At the same time, the majority of plant metaphors (68.7%) in Chinese belong to the anthroposphere, among which prevail the nominations of the characteristics of appearance and moral qualities of a person. The formation of figurative meanings of phytonymic units included in the above-mentioned conceptual spheres is carried out according to certain metaphorical models characterized by a common basis of figurative analogy. It was also determined that various properties of objects of the plant world (such as shape, size, color, features of structure and consistency, stage of development, taste, general assessment of appearance, reaction to environmental factors, prevalence, nutritional and aesthetic value) can act as such common bases of figurative analogy. Their identification and consistent description made it possible to reconstruct to a certain extent the corresponding fragment of the Chinese language picture of the world.

Keywords: *plant metaphor, metaphorical model, phytonymic vocabulary, phytomorphism, linguistic picture of the world*

For citation: Gavrilyuk M. A. Rastitel'naya metafora v kitayskom yazyke: semasiologicheskiy i kognitivnyy aspekty [Plant Metaphor in Chinese: semasiological and cognitive aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 23–32 (in Russian). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-23-32

Введение

В настоящее время в лингвистике наблюдается значительный интерес к исследованиям, связанным с вопросами реализации языковой образности, выявлением особенностей когнитивных механизмов метафорического миромоделирования и национальной специфики языковых картин мираносителей разных языков и культур [1–5]. В работах отечественных лингвистов описаны метафорические модели и средства их языковой репрезентации, задействованные в образной концептуализации различных фрагментов объективной действительности и составляющие основу базовых кодов культуры – соматического, пространственного, временного, зооморфного, фитоморфного и других [6–11]. При этом фитоморфный код культуры признается одним из универсальных способов образного описания и символического переосмысления мира и его отдельных фрагментов [12, 13].

Языковые единицы, вербализующие фитоморфный код культуры, составляют один из древнейших пластов лексики, репрезентирующий жизненный опыт человека, связанный с удовлетворением его основных потребностей в пище, одежде, жилище и пр. и отражающий его индивидуальные наблюдения за окружающим миром живой природы [14, с. 180]. Фиксируя наиболее важные для носителей языка участки внеязыковой действительности, фитонимы обладают высокой релевантностью для национального языкового сознания, что обуславливает широкие возможности для их метафорического переосмысления и, как следствие, возникновения вторичных фитоморфных номинаций.

Целью данной работы является лингвокогнитивное описание образной лексики китайского языка, мотивированной наименованиями объектов и явлений растительного мира, и выявление запечатленного в ней фрагмента китайской языковой картины мира.

Исследование опирается на основные положения когнитивной лингвистики и теории когнитивной метафоры [15–19], а также базовые принципы лингвокультурологического подхода к изучению метафоры [20–23].

С позиций современной когнитивистики растительная метафора представляет собой устойчивую аналогию между нетождественными категориальными классами познаваемых явлений из различных сфер внеязыковой действительности, когда исходный образ сферы-источника «Растения», выраженный во внутренней форме фитонимической номинации, проецируется на концептуальную структуру называемого феномена из сферы-мишени, не связанного с растительным миром.

Схематически базовая модель фитоморфной метафоры, по которой осуществляется концептуализация полученных знаний об объекте познания, может быть выражена формулой «Нечто – это растение».

При этом функционирующие в рамках данной базовой модели частные метафорические модели осуществляются на основе признаков, которыми обладают растения, и представляют собой всевозможные смысловые проекции, различающиеся исходным образным представлением из сферы-источника и сферой-мишенью.

Материал и методы

Материалом исследования послужили 368 фитонимических единиц, развивающих переносные значения в китайском языке, извлеченных методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников: 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所. 7 版.北京, 2016 (Словарь современного китайского языка / Институт лингвистики, Академия общественных наук КНР. Изд-е 7-е. Пекин, 2016); 现代汉语成语词典 /吴光奇,吴明. 上海: 上海辞书出版社, 2009 (Фразеологический словарь современного китайского языка / под ред. У. Гуанци, У. Мин. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2009); 汉语惯用语词典/ 黄斌宏. 北京:商务印书馆, 2009 (Словарь привычных выражений китайского языка / под ред. Хуан Биньхун. Пекин: Коммерческое издательство, 2009).

К исследованию также привлекались контексты использования фитоморфных номинаций из национальных корпусов китайского языка BCC (URL: http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh) и CCL (http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/).

Изучение фактического материала проводилось с использованием методов: научного описания, включающего сбор, тематическую классификацию и систематизацию языковых единиц, количественные подсчеты; компонентного и контекстуального анализа (при выявлении коннотативных сем и оснований образной аналогии); элементов лингвокогнитивного моделирования как процедуры описания концептуальной образной системы, запечатленной в семантике растительных метафор, и средства реконструкции фрагмента языковой картины мира носителей китайского языка, а также приема лингвокультурологического комментирования.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ китайских лексических и фразеологических единиц со стержневым компонентом-фитонимом позволил определить денотаты фитонимических образных номинаций, а также выявить систему оснований метафорического уподобления и схемы прототипных метафорических переносов, участвующих в концептуализации определенных явлений действительности, в результате чего были выделены наиболее общие концептуальные сферы, объекты которых регулярно осмысляются в терминах растений. К ним относятся следующие сферы: 1) «Человек»; 2) «Естественный мир»; 3) «Абстрактный мир»; 4) «Социум».

Подавляющее большинство растительных метафор в китайском языке (253 образных единицы) используется в качестве средства вторичной номинации широкого спектра объектов антропосферы. Согласно выявленным тематическим группам денотатов референтного семантического поля и результатам анализа направлений метафорического переноса в рамках обширной когнитивной сферы, образно номинируемой **«Человек»**, можно выделить следующие концептуальные области-микросферы: «внешность» (куда входят анатомо-физические и физиолого-возрастные характеристики внешнего вида человека); «интеллектуальные качества и способности»; «нравственные качества»; «социальный статус и социальные взаимодействия»; «профессиональная деятельность», воплощающие базовую модель «Люди – это растение».

Фитоморфизмы в китайском языке могут характеризовать человека с точки зрения **общей оценки его внешности**. В рамках исследуемого материала встретились метафоры, в основном связанные с положительной оценкой внешнего вида, – «человек красивый, изящный, привлекательный». Например, женская красота описывается посредством фитоморфизмов: 花 ‘*цветок*’, 梅花 ‘*цветы сливы*’, 玫花 ‘*роза*’, 桃李 ‘*персики и сливы*’, 芙蓉 ‘*лотос*’. При этом эталоном яркой, заметной красоты в китайском языке являются 花 ‘*цветок*’ и 玫花 ‘*роза*’, а более нежной, свежей, уточенной – 芙蓉 ‘*лотос*’: 朵花 ‘*один цветок*’ в знач. ‘*красивая женщина*’; 花魁 ‘*лучший из цветов*’ – образно о молодой женщине потрясающей красоты; 校花 ‘*школьный цветок*’ – самая красивая девушка в школе, звезда школы; 花容月貌 ‘*лицо-цветок и внешний вид луны*’ – об очень красивой внешности; 刺玫花 ‘*цветок колючей розы*’– о красивой, но неприступной женщине; 出水芙蓉 ‘*только что поднявшийся из воды лотос*’ – образно в знач. ‘*свежий, прекрасный, изящный*’ о внешности девушки. Приведенные примеры отражают реализацию частной метафорической модели «Женщина – это цветок», где основанием для уподобления выступают типовые представления о привлекательном внешнем виде отдельных растений.

Представления **о росте и телосложении человека** в сознании носителей китайского языка ассоциативно связываются с формой, размерами и толщиной плодов, ростков или стеблей таких растений, как тыква, пророщенные ростки бобов, тростник и сосна. Для указания на низкий рост и полное телосложение в китайском языке задействован образ зимней тыквы, имеющий круглую или широкую цилиндрическую форму: 矮冬瓜 ‘*карликовая зимняя тыква*’– образно о невысоком и толстом человеке. Высокий рост и худоба метафорически выражаются в сравнении с растениями с сильно вытянутой (удлиненной) и относительно тонкой формой побегов, стеблей (стволов): например, фитоморфизм 豆芽菜 ‘*бобовый росток*’ применяется для образной характеристики высокого и худого человека, каланчи, а 松形鹤骨 ‘*фигура сосны, кости журавля*’ метафорически ассоциируется с си-

луэтом худого мужчины с благородной осанкой. Образ чересчур худых людей вызывает аналогию с образом тростниковой палки – 芦柴棒.

Растительная метафора в китайском языке может также выступать средством образной репрезентации данных **о возрасте человека**. Анализ фактического материала показал, что в концептосфере носителей китайского языка присутствует аналогия между стадиями развития растения и периодами жизненного цикла человека. Например, пора цветения растений ассоциируется с периодом наивысшего развития, расцвета человеческого организма, в то время как пора увядания и разрушения в жизни растений служит аналогией для восприятия процесса старения и нарастающей физической немощи как постепенного угасания человека, что нашло отражение в следующих метафорических выражениях: 含苞待放 '*цветочный бутон вот-вот раскроется*' – образно о взрослеющей девушке, юный возраст которой сравнивается со стадией предцветения растения; 花季 '*сезон цветения*' – 15–18-летний возраст, отрочество; 豆蔻年华 '*период расцвета ребристого амомума*' – метафорическое наименование девушки-подростка в возрасте от 13 до 16 лет; 枯木朽株 '*сухое дерево и трухлявый пень*' – о немощном человеке на склоне лет; 菊老荷枯 '*цветы хризантемы постарели и цветы лотоса засохли*' – о пожилой женщине, красота которой поблекла.

Концептуальная сфера «Растение» может способствовать не только осмыслению общих параметров внешности человека, но и характеристик **отдельных частей и органов его тела**. Функционирующие здесь модели фитоморфной номинации базируются на представлении об общности размера и формы элементов отдельных растений с частями человеческого тела. Так, например, лицо овальной формы метафорически уподобляется тыквенному семечку – 瓜子脸 '*лицо, как тыквенное семя*'; тонкие и изящные брови образно сравниваются с листьями ивы – 柳眉 / 柳叶眉 '*брови, как листья ивы*'; большие круглые глаза отождествляются с плодами или косточками абрикоса – 杏眼/ 杏核儿眼 '*абрикосовые глаза / глаза, как абрикосовые косточки*'; крупный нос округлой формы с широкими ноздрями ассоциируется с головкой чеснока – 蒜头鼻子 '*нос, как чесночная головка*'; изящная гибкая талия соотносится с представлениями о гибкости ивы – 柳腰 '*ивовая талия*'.

Окраска цветов, а также цвет поверхности плодов растений могут выступать основанием метафорического уподобления для образной характеристики **цвета кожи и губ человека**. При описании нежного, приятного оттенка кожи носители китайского языка обращаются к образам цветов лотоса и персика: 芙蓉面 '*лицо словно цветок лотоса*', 桃花脸/面如桃花 '*лицо словно цветок персика*'. Сочные розово-желтые плоды персика и абрикоса ассоциативно связываются с румяностью щек и цветом лица молодых девушек: 桃腮 '*персиковые щечки*', 桃杏腮 '*персиковые и абрикосовые щечки*', 杏脸桃腮 '*абрикосовое лицо и персиковые щечки*' и др. Для выражения оттенка цвета губ в китайском языке может использоваться метафорическое выражение 樱桃嘴/ 樱桃小嘴 '*вишневый ротик*', описывающее небольшой рот с алыми губами.

Растительные метафоры позволяют дать характеристику **интеллектуальным качествам и способностям человека**, причем чаще всего в негативном аспекте. В китайском языке фитообразом-эталоном, характеризующим глупого человека, выступает дерево, а также название видов деревьев или их отдельных частей. Основанием метафорического уподобления является представление о древесине как о материале, отличающемся особой прочностью, твердостью, негибкостью и неспособностью к активному восприятию внешних воздействий. Например, такие фитоморфизмы, как 木头 '*деревянная голова*', 木头人 '*человек с деревянной головой*', 木头疙瘩 '*древесные корни*', 榆木疙瘩 '*корни вяза*', 榆木脑袋/脑壳 '*башка из вяза*' употребляются для метафорической номинации человека твердолобого и упрямого, дурака, болвана, тупицы. Люди посредственные, заурядные, не наделенные какими-либо реальными способностями, могут уподобляться растениям с полой сердцевиной, а также определенному состоянию некоторых плодов: 空心萝卜 '*полая редька*', 竹竿子 '*бамбуковый шест*' – о тех, кто при наличии обнадеживающих внешних данных оказываются абсолютно никчемными, пустыми и непригодными ни к какому делу; 烂柿子 '*гнилая хурма*', 棉花胎子 '*ватная порода*' – о людях, не отличающихся особыми талантами или широкой эрудицией. Основу образной номинации здесь составляют представления об особенностях структуры растений и их консистенции.

Объектом образной номинации в данной микросфере также можно считать характеристику **речемыслительных способностей индивида**, т. е. умение внятно говорить и ясно излагать свои мысли. Человек, скупой на слова или не умеющий красиво и складно говорить, метафорически уподобляется необработанному плоду тыквы-горлянки, который издает характерный звук при встряхивании только во вскрытом (вычищенном изнутри) состоянии, например: 闷葫芦 '*закупоренная тыква-горлянка*', 扎嘴葫芦 '*тыква-горлянка с завязанным горлышком*', 闷嘴葫芦 '*тыква-горлянка с закупоренным горлышком*' и другие фитоморфизмы используются в качестве метафорической характеристики человека неразговорчивого или не обладающего талантом грамотно и последовательно излагать свои мысли.

К явлениям микросферы «нравственные качества», мотивированным названиями растений, относятся фитоморфные наименования **черт характера человека и особенностей его поведения**. Основанием образной номинации выступают размер, форма, вкус, а также реакции растений на воздействие факторов внешней среды. Так, например, в языковой картине мира носителей китайского языка вместилищем человеческой храбрости традиционно считается желчный пузырь: выражение 胆大 (букв. '*желчный пузырь большой*') употребляется в значении '*храбрый*', '*смелый*', и наоборот – 胆小 (букв. '*желчный пузырь маленький*') означает '*трусливый*', '*робкий*', '*пугливый*'. Данное стереотипное представление нашло свое отражение в семантике фразеологизма 胆小如芝麻 (букв. '*желчный пузырь размером с кунжутное семечко*'), где размеры желчного пузыря уподобляются крошечным размерам кунжутного семени, что подразумевает под собой чрезмерную трусость и подчеркивает высокую степень проявления этого качества в характере человека.

Особенности структуры и вкуса плодов растений также уподобляются качествам характера человека и особенностям его поведения. Например, основание ассоциативного переноса при развитии вторичной номинации фитонима 开心果 (букв. '*фисташка*' – веселый и открытый человек, приносящий радость другим, душа компании) лежит в сравнении строения зрелого плода ореха, имеющего слегка приоткрытую скорлупу, с формой рта улыбающегося человека. Острый, жгучий вкус перца или горчицы, воздействующий на вкусовые рецепторы, метафорически связывается с такими чертами характера, как сварливость, язвительность, вздорность: 小辣椒 '*маленький перчик*', 辣菜根子 '*горчичный корень*'– о грубой, сварливой или вздорной женщине.

Люди, не имеющие твердых убеждений, меняющие свое отношение по мере изменения ситуации, образно ассоциируются с травой, клонящейся в разные стороны под порывами ветра: 随风草 (букв. '*клонящаяся под ветром трава*') и 墙头草 (букв. '*трава на гребне стены*', часть *недоговорки* 墙头一棵草，风吹两边倒 '*трава на гребне стены – куда ветер подует, туда и она*'). В данном случае ситуация физического воздействия на растение такого фактора внешней среды, как ветер, уподобляется поведению беспринципного человека, выстраивающего свое поведение, мнение, принципы, в зависимости от окружения, в которое он попадает.

Объекты растительного мира могут служить основой и для образной характеристики человека с точки зрения его **социального статуса и осуществляемых им социальных взаимодействий**. Основанием для метафорического переноса здесь выступают представления о распространенности (доступности) пищевой или эстетической ценности растения. Незначительный по своему общественному положению человек уподобляется повсеместно встречающимся траве или редису, например, выражения 草根 '*корень травы*', 草民 '*травяной народ*', 小萝卜头 '*редискин сын*' употребляются для номинации простолюдина, выходца из простого народа. Бесполезный в обществе человек осмысливается как 草包 '*мешок с сеном*' (или '*охапка с сеном*'). Люди из высшего общества, обладающие высоким социальным статусом или авторитетом, соотносятся с образами цветов или цветущих деревьев: например, выражение 花花公子 '*цветущий сын влиятельного лица*' имеет переносное значение '*представитель золотой молодежи*'; а 金枝玉叶 '*золотые ветви и яшмовые листья*', изначально использовавшееся для описания цветущих ветвей редкой красоты, сейчас применяется для обозначения отпрысков богатых, аристократических семей.

Взгляд на межличностные взаимоотношения через призму растительной метафоры позволяет образно переосмыслить их участников как части одного растения или как отдельные растения с вьющимися или переплетающимися друг с другом побегами (корнями). Так, фитоморфизмы 双头花 '*двуглавый цветок*' (в знач. '*два цветка, распускающиеся бок о бок на одной ветке*'), 并蒂芙蓉 '*два цветка лотоса на одном стебле*' и 连理枝 '*растение с взаимно переплетающимися ветками или корнями*' используются для наименования любящей пары или супругов, живущих в любви и согласии; 同根生 '*происходить от одного корня*' употребляется в качестве образного синонима близких, тесных отношений. Фитонимы 瓜葛 '*тыква и пуэрария волосистая*' по причине того, что оба растения имеют ползучие побеги, которыми они могут цепляться за другие растения или предметы, также служат для обозначения родственных, дружеских или супружеских отношений: например, выражение 瓜长在秧上 '*вырастить тыкву из побега/уса*' означает '*быть неразрывно связанным*' и т. д.

Завершает обзор концептуальной сферы «Человек» одна из самых малочисленных по количеству образных наименований микросфера **«профессиональная деятельность»** (8 образных языковых единиц), что свидетельствует о достаточно низкой продуктивности растительной метафоры в категоризации данного отрезка внеязыковой действительности. Например, в ходе анализа были выявлены фитонимические единицы 芝麻官 букв. '*кунжутный чиновник*' и 绿豆芝麻官 букв. '*фасолево-кунжутный чиновник*', имеющие значение '*мелкий чиновник; мелкая сошка; канцелярская крыса*'. В основе метафорического переноса лежит образ-

ное сравнение ограниченного объема властных полномочий и низкого служебного положения должностного лица с размерами семян зеленой фасоли или кунжута. Следует отметить, что обратная последовательность сочетания этих фитонимов – 芝麻绿豆 ‘*кунжут и зеленая фасоль*’ также используется в качестве самостоятельной образной единицы в значении ‘*мелкий, мелочь, пустячный, пустяк*’ и основывается на схожих метафорических аналогиях.

Следующую **концептосферу «Естественный мир»** (62 образных единицы) можно подразделить на микросферы: **«артефакты»** (объекты, созданные человеком), **«натурфакты»** (природные объекты) и **«животные»**. Понятийная **микросфера «артефакты»** в китайском языке представлена образными единицами, в которых реализуется уподобление между предметами и растениями на основании общности их типологических свойств или цвета. В основе большинства наименований артефактов, мотивированных объектами растительного мира, лежит характеристика формы и размеров растений или их отдельных частей. Данные образные аналогии отражены в семантике следующих лексических единиц: 萝卜裤 ‘*брюки-редьки*’ (ср. с рус. ‘*брюки-бананы*’), 吃黑枣 ‘*съесть черный финик*’ (в знач. ‘*словить пулю в лоб*’), 铁西瓜 ‘*железный арбуз*’ (в знач. ‘*мина, фугас*’), 莲蓬头 ‘*семенная коробочка лотоса*’ (в знач. ‘*душ, насадка на душ, душевой рожок*’), 叶片 ‘*листовая пластинка*’ (в знач. ‘*лопасть, лопатка*’), 百叶窗 ‘*окно из сотни листьев*’ (в знач. ‘*жалюзи*’) и др. Например, языковая метафора 萝卜裤 ‘*брюки-редьки*’ именует фасон штанов свободного кроя, зауженных к низу, которые своей вытянутой формой напоминают носителям китайского языка продолговатые корнеплоды редьки. Реже в основе уподобления лежат цветовые характеристики растения. Например, пестрый цвет или яркая окраска предметов могут быть выражены в следующих языковых метафорах, содержащих лексему 花 ‘*цветок*’: 花花绿绿 ‘*пестрый, цветастый, красочный*’, 花红柳绿 ‘*цветы – красны, ива – зелена*’ (обр. в знач. ‘*яркий, свежий цвет*’), 花哨 ‘*броский, яркий, пестрый*’, 花里胡哨 ‘*(слишком) яркий, пестрый*’.

Наименования растений, входящие в микросферу «артефакты», также могут репрезентировать **параметрические свойства материальных объектов**: форму, размер, физическое состояние и т. д.: сравнительные обороты 像叶子的 ‘*похожий на листья*’, 样子像豆子 ‘*внешним видом походить на бобы*’ указывают на сходство формы предметов с формой частей растений или их плодов; выражение 残花败絮 ‘*завядший (опадающий) цветок, лохмотья, очески ваты*’ используется для описания ветхого, одряхлевшего состояния вещей.

Понятийная **микросфера «натурфакты»** представлена фитоморфными метафорами, называющими материальные объекты естественного мира и явления природы. Основаниями образного уподобления здесь так же, как и в случае с «артефактами», чаще всего выступают форма и размер исходного объекта растительной сферы. При этом образы растений, как правило, задействованы для наименования объектов усложненных форм и конфигураций. Например, в семантике таких лексических единиц, как 火花 букв. ‘*огненный цветок*’ (в знач. ‘*искра*’), 雪花 букв. ‘*снежный цветок*’ (в знач. ‘*хлопья снега, снежинка*’), 霜花 ‘*инеевые цветы*’ (в знач. ‘*узоры инея, морозный узор*’), 灯花儿 ‘*ламповые цветы*’ (в знач. ‘*нагар*’), отражена образная аналогия обозначенных явлений со сложной конфигурацией цветка. Языки пламени по своей форме метафорически уподобляются всходам (побегам) растения – 火苗儿 (букв. ‘*огненные побеги*’). Облако, возникающее после ядерного взрыва – 蘑菇云 (букв. ‘*грибовидное облако*’), ассоциируется с образом гриба, поскольку оно имеет узкое длинное основание, резко расширяющееся кверху, визуально напоминая шляпку гриба. Сходство формы также легло в основу образной единицы 石笋 ‘*сталагмит*’ (букв. ‘*каменный росток бамбука*’), где форма побега молодого бамбука (笋) ассоциативно связывается с формой пещерного известкового образования.

Растительная метафора в китайском языке может использоваться и для обозначения **представителей животного мира**. Так, лексема 苗 в результате ассоциативного развертывания исходной семы ‘*побег, росток*’ приобрела вторичное значение ‘*отпрыск, потомок, молодь*’ и употребляется для наименования потомства некоторых видов животных: 鱼苗 ‘*малёк (личинка) рыбы*’, 蟹苗 ‘*молодь краба*’, 鸭苗 ‘*утята*’, 猪苗 ‘*поросята*’ и др. Фитообразы также могут быть задействованы и при характеристике окраски животного. Например, пятна на шерсти животных могут образно ассоциироваться с цветами: 梅花鹿 ‘*пятнистый олень*’ (букв. ‘*олень в цветах сливы*’).

Следующая **концептуальная сфера «Абстрактный мир»** представлена растительными метафорами (32 единицы), которые могут выступать в качестве эталонов-классификаторов для характеристики нерастительных объектов с точки зрения таких общих категорий, как количество, размер, оценка, причинность и интенсивность протекания процессов. Использование растительных объектов в качестве таких эталонов связано с их доступностью постоянному наблюдению, а также устойчивостью их собственных характеристик, обусловивших стабильность исходного прототипа в сознании носителей языка.

Анализ языкового материала показал, что растительные метафоры в китайском языке способны выражать представления о количестве вещества. Например, идея малого количества может передаваться с помощью образных выражений 仨瓜俩枣 ‘*три тыквы да пара фиников*’ или 仨核桃俩枣 ‘*три грецких ореха и два финика*’, употребляемых для обозначения небольшой суммы (количества) денег или мизерного дохода.

Проанализированный материал также свидетельствует о том, что выражение категорий размера и оценки в растительных метафорах часто реализуется синкретично, при этом малые размеры исходного денотата, как правило, служат источником отрицательного оценочного значения. В основе данной аналогии лежит когнитивная схема «Мало – это плохо», которая и определяет отрицательное отношение носителей языка к небольшим размерам. В силу этого небольшие по своим размерам растительные объекты образно ассоциируются с чем-то незначительным, несущественным, не заслуживающим внимания, например: 草刺儿 (букв. ‘*травяная колючка*’) ‘*мелочь, пустяк, безделица*’, 草芥 (букв. ‘*былинка*’) ‘*незначительный, ничтожный*’, 枝节 (букв. ‘*ветви и сучья*’) ‘*несущественное, не основное, мелочи*’, 枝叶 (букв. ‘*ветви и листья*’) ‘*несущественное; мелочи, детали*’, 芝麻粒大 (букв. ‘*большой как семя кунжута*’) ‘*маленький и незначительный, не заслуживающий упоминания*’, 太仓一粟 (букв. ‘*зернышко проса в большом амбаре*’) ‘*чрезвычайно маленький, незначительный*’ и др.

Процесс естественного развития растительного организма может служить аналогом осмысления цепочек причинно-следственных связей между различными явлениями и объектами. Так, представления о причине какого-либо явления в китайском языке образно ассоциируются с основой появления и источником развития большинства растений – корнем 根/本: 祸根 ‘*корень зла, источник беды*’, 根源 ‘*источник возникновения; начало, основа*’, 根由 ‘*причина, основание, мотив*’, 根苗 (букв. ‘*побеги от корня*’) ‘*источник возникновения, причина*’, 木本水源 (букв. ‘*корень дерева и источник воды*’) ‘*первооснова, корень всего сущего*’ и др. Представления о следствии, наоборот, ассоциативно связываются с естественным результатом жизнедеятельности растения – плодом 果:后果 ‘*последствия, результаты*’, 结果 ‘*результат, итог, следствие*’, 果实 ‘*плоды, результат*’, 成果 ‘*результаты, плоды, успехи*’, 效果 ‘*результат, успех, эффект*’, 苦果 ‘*плохие последствия*’, 恶果 ‘*плачевные результаты, дурные последствия*’, 未果 ‘*бесплодный, безрезультатный*’, 没有好果子吃 (букв. ‘*нет хорошего плода, чтобы съесть*’) ‘*не достичь хорошего результата*’ и др. Способность данного фитонима метафорически переосмысливаться как следствие, результат также отражена и в его словарной дефиниции: 果：事情的成效或结局 (‘*плод: следствие или исход дела*’) [24].

Кроме того, растительные метафоры в китайском языке могут выступать средством характеристики интенсивности и скорости протекания какого-либо процесса. В основе такого рода аналогий лежит представление о способности некоторых растений быстро увеличиваться в размере или количестве. Например, активное строительство, развитие производства, появление большого числа фирм, предприятий, определенных групп людей образно ассоциируются с ростками молодого бамбука, которые при благоприятных условиях могут вырастать до одного метра в течение суток – 雨后春笋 ‘*как молодой бамбук после дождя*’ (ср. с рус. выражением «как грибы после дождя»): 近年来, 伴随着经济的迅速发展, 各大中城市高层建筑如雨后春笋般拔地而起 (‘*В последние годы, в связи с бурным развитием экономики, в крупных и средних городах как ростки молодого бамбука после дождя выросли высотные здания.*’) (CCL); 所以, 法律的分工愈来愈细密, 各色专家像雨后春笋般冒出来, 忙着把我们的日常生活搞得愈来愈复杂 <…> (‘*Таким образом, области специализации в юриспруденции становятся все уже и уже, а эксперты всех мастей, появляющиеся как ростки молодого бамбука после дождя, заняты тем, чтобы как можно больше усложнить нам жизнь* <…>.’) (BCC).

Наконец, последняя **концептосфера «Социум»** (21 образная единица) отражает взгляд на социальные явления и представления о социальной структуре общества, структурированные посредством образных аналогий с концептами из сферы «Растение». В китайском языке растительные метафоры оказываются задействованными при создании представлений о воздействии на социальные явления, позволяя осмыслить процессы внедрения и искоренения различных проявлений социальной активности человека: 根植/扎根 ‘*пустить корни, укорениться; прочно встать на ноги* (*напр. экономически*)’, 树立 ‘*установить, учредить, утвердить, сформировать*’, 根绝/ 根除 / 根治 ‘*пресечь в корне, ликвидировать, искоренить, покончить с чем-либо*’. В терминах растений также происходит осмысление социальных общностей или кругов, которые метафорически уподобляются совокупности большого количества деревьев, произрастающих на одной территории, т. е. лесу – 林: 儒林 ‘*конфуцианские круги; конфуцианцы*’,艺林 ‘*художественные и литературные круги*’, 士林 ‘*ученые (научные) круги*’, 翰林 ‘*литературная элита*’, 武林 ‘*сообщество спортсменов ушу*’ и др.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показывает высокую активность растительных метафор в

структурировании представлений носителей китайского языка о познаваемых ими явлениях из различных сфер внеязыковой действительности. Систематизация образных слов и выражений, мотивированных объектами растительного мира, в категориально-образные парадигмы по принципу общности сферы референции и основания образного уподобления позволила установить, что большинство растительных метафор (68,7 %) в китайском языке принадлежит антропосфере. Антропоцентрическая растительная метафора широко используется носителями китайского языка для репрезентации различных сторон человеческой личности, среди которых преобладают номинации характеристик внешности и нравственных качеств человека.

Кроме того, растительная метафора задействована в образной концептуализации объектов естественного (материального) мира (16,8 % от общего количества рассмотренных языковых единиц). Она участвует в выражении отдельных категорий абстрактного мира (8,7 % языковых единиц), функционирующих в качестве эталонов-классификаторов по различным параметрам, а также выступает средством номинации отдельных явлений сферы «Социум» (5,7 % языковых единиц). В основе метафорического уподобления рассмотренных образных единиц лежат различные свойства объектов растительного мира: форма, размер, цвет, особенности структуры и консистенции, стадия развития, вкус, общая оценка внешнего вида, реакция на воздействие факторов внешней среды, распространенность, пищевая и эстетическая ценность.

Представленное последовательное описание вышеперечисленных понятийных сфер и транслируемых ими метафорических моделей позволило в определенной мере реконструировать соответствующий фрагмент китайской языковой картины мира, связанный с образной интерпретацией действительности посредством аналогий с концептуальной сферой «Растение».

Список источников

1. Толстая С. М. «Человек живет, как трава растет»: вегетативная метафора человеческой жизни // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 685–693.
2. Трофимова Е. Б. Образность в межъязыковом пространстве. Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности // Тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. Калуга: Эйдос, 2006. С. 302.
3. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 282 с.
4. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2010. 321 с.
5. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты: «Язык глазами человека». URSS, 2021. 302 с.
6. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 39–50.
7. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 2. С. 60–65.
8. Сьянова Е. И. Растительный мир в ономастической картине мира диалектоносителя (на материале смешанных русских и украинских говоров Воронежской области) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвист. исследований. 2010. № 1. С. 78–100.
9. Захарова М. А. Реализация соматического, зооморфного и фитоморфного культурных кодов в донских фразеологизмах, характеризующих трудовую деятельность // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2013. № 2 (54). С. 191–194.
10. Фаттахова Н. Н., Власова К. А. Зооморфный код культуры в наименованиях кондитерских изделий // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 127–132.
11. Клименко Г. В. Соматический код русской культуры (на примере лексемы «лицо») // Верхневолжский филол. вестник. 2019. № 4. С. 222–230.
12. Карпун М. А. Элементы растительного кода, характеризующие человека, в традиционной культуре донского казачества // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвист. исследований. 2017. Т. 13, № 2. С. 221–238.
13. Ли Ю., Васильева Г. М. Вербальные коды культуры в лексике языка. Вып. 1: Растительный код культуры в лексике языка (фитонимы): учебный словарь. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2020. 67 с. URL: https://www.iprbookshop.ru/104442.html (дата обращения: 30.08.2023).
14. Бабина Л. В., Дементьева А. Г. Метафорические модели, определяющие формирование переносных значений фитонимических единиц (на материале английского, русского и французского языков) // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та имени К. Л. Хетагурова. 2011. № 2. С. 180–185.
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
16. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

17. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001. 123 с.
18. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
19. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
20. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 271 с.
21. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
22. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. 216 с.
23. Шерина Е. А. Собственно образное слово как носитель лингвокультурной информации о восприятии человека и социума в русской и английской языковых картинах мира // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 361. С. 30–34.
24. 在线新华字典 (Онлайн-словарь иероглифов Синьхуа). URL: http://zidian.aies.cn/OTgzMQ==.htm (дата обращения: 03.09.2023).

References

1. Tolstaya S. M. «Chelovek zhivet, kak trava rastet»: vegetativnaya metafora chelovecheskoy zhizni ["A person lives like grass grows": vegetative metaphor of human life]. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura: sbornik statey v chest' N. D. Arutyunovoy* [Hidden senses. Word. Text. Culture: collection of articles in honor of N.D. Arutyunova]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004, pp. 685–693 (in Russian).
2. Trofimova E. B. Obraznost' v mezh''yazy'kovom prostranstve. Rechevaya deyatel'nost'. Yazykovoye soznaniye. Obshchayushchiyesya lichnosti [Imagery in the interlanguage space. Speech activity. Language consciousness. Communicating personalities]. *Tezisy dokladov XV Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Moskva, 30 maya – 2 iyunya 2006 g.* [Abstracts of the XVth International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Moscow, May 30 – June 2, 2006]. Kaluga, Eydos Publ., 2006, p. 302 (in Russian).
3. Mishankina N. A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk, TSU Publ., 2010. 282 p. (in Russian).
4. Ilyukhina N. A. *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoy interpretatsii* [Metaphorical image in semasiological interpretation]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 321 p. (in Russian).
5. Blinova O. I. *Motivologiya i eye aspekty: «Yazyk glazami cheloveka»* [Motivology and its aspects: "Language through human eyes"]. Moscow, URSS Publ., 2021. 302 p. (in Russian).
6. Gudkov D. B. Edinitsy kodov kul'tury': problemy semantiki [Units of culture codes: problems of semantics]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey* [Language, consciousness, communication: a collection of articles]. Issue 26. Moscow, MAKS Press Publ., 2004, pp. 39–50 (in Russian).
7. Kovshova M. L. Analiz frazeologizmov i kody' kul'tury' [Analysis of phraseological units and cultural codes]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 60–65 (in Russian).
8. S'yanova E. I. Rastitel'nyy mir v onomasticheskoy kartine mira dialektonositelya (na materiale smeshanny'kh russkikh i ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti) [The plant world in the onomastic picture of the dialect-carrier world (based on the material of mixed Russian and Ukrainian dialects of the Voronezh region)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 2010, no. 1, pp. 78–100 (in Russian).
9. Zakharova M. A. Realizatsiya somaticheskogo, zoomorfnogo i fitomorfnogo kul'turnykh kodov v donskikh frazeologizmakh, kharakterizuyushchikh trudovuyu deyatel'nost' [Somatic, zoomorphic and phitomorphic cultural codes in phrasemes describing labour activity in the Don cossack dialect]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 2 (54), pp. 191–194 (in Russian).
10. Fattakhova N. N., Vlasova K. A. Zoomorfnyy kod kul'tury v naimenovaniyakh konditerskikh izdeliy [The zoomorphic code of culture in the names of confectionery]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2016, no. 1 (43), pp. 127–132 (in Russian).
11. Klimenko G. V. Somaticheskiy kod russkoy kul'tury (na primere leksemy «litso») [Somatic code of Russian culture (on the example of the lexeme «face»)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik – Verhnevolzhski philological bulletin*, 2019, no. 4, pp. 222–230 (in Russian).
12. Karpun M. A. Elementy rastitel'nogo koda, kharakterizuyushchiye cheloveka, v traditsionnoy kul'ture donskogo kazachestva [Elements of the plant code that characterize a person in the traditional culture of the Don Cossacks]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 2017, vol. 13, no. 2, pp. 221–238 (in Russian).
13. Li Yu., Vasil'eva G. M. *Verbal'nye kody kul'tury v leksike yazyka. Vypusk 1. Rastite'nyy kod kul'tury v leksike yazyka (fitonimy): uchebnyy slovar'* [Verbal codes of culture in the vocabulary of the language. Issue 1. Plant code of culture in the vocabulary of the language (phytonyms): educational dictionary]. Saint Petersburg, Herzen University Publ., 2020. 67 p. (in Russian). URL: https://www.iprbookshop.ru/104442.html (accessed 30 August 2023).

14. Babina L. V., Dementyeva A. G. Metaforicheskiye modeli, opredelyayushchiye formirovaniye perenosnykh znachenij fitonimicheskikh edinits (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov) [Metaphorical models of figurative meaning formation of plant names (based on the material of English, Russian and French)]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova – Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 2011, no. 2, pp. 180–185 (in Russian).
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 242 p. (Russ ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Moscow, LKI Publ., 2008. 256 p.).
16. Kubryakova E. S. *Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
17. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics: A course of lectures on English philology]. Tambov, 2001. 123 p. (in Russian).
18. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 238 p. (in Russian).
19. Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2003. 248 p. (in Russian).
20. Alefirenko N. F. *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]. Moscow, Elpis Publ., 2008. 271 p. (in Russian).
21. Krasnykh V. V. *«Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'?* ["One's own" among "strangers": myth or reality?]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 375 p. (in Russian).
22. Teliya V. N. Metaforizatsiya i eye rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and the picture of the world]. Moscow, 1988. 216 p. (in Russian).
23. Sherina E. A. Sobstvenno obraznoye slovo kak nositel' lingvokul'turnoy informatsii o vospriyatii cheloveka i sotsiuma v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira [Actually figurative word as a carrier of linguistic and cultural information about the perception of man and society in the Russian and English language pictures of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 361, pp. 30–34 (in Russian).
24. 在线新华字典 (Xinhua Online Dictionary of Characters) (in Chinese). URL: http://zidian.aies.cn/OTgzMQ==.htm (accessed 3 Sptember 2023).

Информация об авторе

Гаврилюк М. А., доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003).
E-mail: zhaolinna25@gmail.com

Information about the author

Gavrilyuk M. A., Associate Professor, Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).
E-mail: zhaolinna25@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 20.09.2023; accepted for publication 04.12.2023

УДК 811.581
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-33-40

Глаголы слухового восприятия в автобиографической прозе (на материале произведения Ирины Одоевцевой «На берегах Невы»)

Се Шуан

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, xy131521@yandex.ru

Аннотация

Перцептивная лексика занимает особое место в автобиографическом тексте, поскольку через нее автор передает свои вспоминания и впечатления от описываемых событий. Лексика слухового восприятия в автобиографических произведениях позволяет расширить понимание специфики перцептивных лексических репрезентаций в художественных произведениях и исследуется через пропозицию восприятия, основу которой составляют предикаты, выраженные глаголами. Целью статьи является анализ семантики и функционирования лексики слухового восприятия в автобиографическом тексте. Материал представлен в виде 189 высказываний из произведения Ирины Одоевцевой «На берегах Невы», содержащих глагольные лексемы с семантикой слухового восприятия. В качестве основного метода используется метод научного описания, реализуемый посредством приемов контекстуального анализа, а также наблюдения, сравнения, анализа, синтеза и обобщения. Определено, что глаголы слухового восприятия выполняют разные роли в семантической организации высказывания. Рассмотрены глаголы с семантикой активного и пассивного слухового восприятия субъектной и объектной направленности. Сделан вывод о том, что в произведении «На берегах Невы» содержится больше глаголов активного восприятия, чем пассивного. Это связано со спецификой произведения – таким образом автор передает свое стремление услышать и воспринять как можно больше звучащей информации (прослушивания стихов, докладов, лекций и дискуссий), передать атмосферу того периода времени, свидетелем которого он был. И. В. Одоевцева косвенно раскрывает характер, мировосприятие, внутреннее состояние героев и особенности взаимоотношений людей при помощи высказываний со значением слухового восприятия. Восприятие как часть воспоминания передает то, что автор и другие герои произведения видели и слышали в прошлом. Кроме того, лексика слухового восприятия углубляет понимание произведения и возвращает читателя в то время, которое помнит автор, погружая его в автобиографический дискурс. В результате анализа определено, что глаголы с семантикой слухового восприятия выполняют функцию воссоздания воспоминаний в автобиографическом тексте.

Ключевые слова: *автобиография, глаголы слухового восприятия, семантическая модель, активное и пассивное восприятие*

Для цитирования: Се Шуан. Глаголы слухового восприятия в автобиографической прозе (на материале произведения Ирины Одоевцевой «На берегах Невы») // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 33–40. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-33-40

Verbs of auditory perception in autobiographical prose (based on work of Irina Odoevtseva “On the banks of the Neva”)

Xie Shuang

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, xy131521@yandex.ru

Abstract

Perceptive vocabulary holds a special place in autobiographical text, as it is through this that the author conveys their memories and impressions of the events described. The lexicon of auditory perception in autobiographical works allows for an expanded understanding of the specifics of perceptive lexical representations in literary works. The lexicon of auditory perception is examined through the proposition of perception, the basis of which consists of predicates expressed by verbs. The purpose of the article is to analyze the semantics and functioning of auditory perception vocabulary in autobiographical text. The material is presented in the form of 189 statements from Irina Odoevtseva’s work “On the Banks of the Neva,” containing verbal lexemes with the semantics of auditory perception. The primary method used is the scientific description method, implemented through techniques of contextual analysis, as well as observation, comparison, analysis, synthesis, and generalization. It has been determined that verbs of

© Се Шуан, 2024

auditory perception perform various roles in the semantic organization of statements. Verbs with the semantics of active and passive auditory perception of both subjective and objective orientation have been examined. The conclusion is made that in the work "On the Banks of the Neva," there are more verbs of active perception than passive. This is related to the specifics of the work – in this way, the author conveys their eagerness to hear and perceive as much audible information as possible (listening to poems, reports, lectures, and discussions), to transmit the atmosphere of that time period, of which they were a witness. I. V. Odoevtseva indirectly reveals the character, worldview, inner state of the characters, and the nuances of human relationships through statements with the meaning of auditory perception. Perception, as part of memory, conveys what the author and other characters of the work saw and heard in the past. Moreover, the lexicon of auditory perception deepens the understanding of the work and takes the reader back to the time remembered by the author, immersing them in the autobiographical discourse. As a result of the analysis, it has been determined that verbs with the semantics of auditory perception perform the function of recreating memories in autobiographical text.

Keywords: *autobiography, verbs of auditory perception, semantic model, active and passive perception*

For citation: Xie Shuang. Glagoly slukhovogo vospriyatiya v avtobiograficheskoy proze (na materiale proizvedeniya Iriny Odoevtsevoy «Na beregakh Nevy») [Verbs of auditory perception in autobiographical prose (based on work of Irina Odoevtseva "On the banks of the Neva")].*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 33–40 (in Russian). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-33-40

Введение

Автобиография все чаще становится предметом исследования в разных гуманитарных науках: истории, психологии, лингвистике, культурологии. По Ф. Лежену, «автобиография является ретроспективным прозаическим повествованием реального человека, рассказывающего о собственном существовании. В текстах этого жанра люди делают особый акцент на истории своей личности» [1, с. 261–262].

И. В. Одоевцева является одной из известных российских биографов. В своих произведениях она не только пишет о целой эпохе, жизни в эмиграции и известных писателях, но и воссоздает особую атмосферу предреволюционной русской жизни, в которой развивалась русская культура. И. В. Одоевцева является автором многих произведений. Однако наибольшую известность автору принесли мемуарные книги «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1983)».

О. А. Лекманов отмечает, что произведение «На берегах Невы» – богатый источник информации о культурной жизни начала XX в., исследование, основанное на изучении мемуаров, писем, современных аналитических работ [2, с. 4]. Произведение не только является историческим документом в виде мемуаров, но и относится к художественному автобиографическому тексту. И. В. Одоевцева обращается к воссозданию подлинных событий XX в., рассказывает о литературной, музыкальной и художественной жизни в Петрограде в страшные, переломные, трагические времена Октябрьской революции и послереволюционные годы, участником и свидетелем которых она была [3, с. 159]. О себе автор пишет очень мало, поскольку видит свою задачу в сохранении памяти, выражая таким образом свое кредо: «глаза – видевшие, уши – слышавшие». В предисловии И. В. Одоевцева отмечает: «Я пишу не о себе и не для себя, а о тех, кого мне было дано узнать "На берегах Невы". Я пишу о них и для них. О себе я стараюсь говорить как можно меньше и лишь то, что так или иначе связано с ними. Я только глаза, видевшие их, только уши, слышавшие их. Я одна из последних, видевшая и слышавшая их, я только живая память о них» [4, с. 11]. Таким образом, для лучшего понимания автобиографического текста необходимо проанализировать лексику восприятия, ведь произведение «На берегах Невы» основано на том, что автор слышит, видит и думает. Реальные события отражаются в восприятии автора и других героев.

Проблема восприятия рассматривается в современной лингвистике в разных аспектах и на разном материале, что отражено в серии работ российских исследователей: С. А. Моисеева (2005), О. А. Мещерякова (2011), О. Ю. Авдевнина (2014) и др. [5–7]. На материале художественных текстов ситуация восприятия анализируется в работах Л. Б. Крюковой (2003), В. К. Харченко (2012) [8, 9] и других. На диалектном материале изучается в трудах Т. А. Демешкиной (2000), С. С. Земичевой (2016) [10, 11].

План содержания категории восприятия базируется на инвариантной семантической структуре соответствующей ситуации, включающей три основных компонента: субъект восприятия, объект восприятия и их перцептивное взаимодействие [12, с. 48].

В анализируемом тексте наиболее частотными являются глаголы с семантикой слухового восприятия, выступающие в роли предиката при формировании семантической организации предложения. Это связано с тем, что автор рассказывает о поэтах и о том, как они читают свои стихи своим собратьям по перу, объединенным любовью к поэзии, поэтому в произведении основным является актив-

ный вид слушания. Именно этим фактом обусловлен выбор объекта нашего анализа: глаголов, обозначающих слуховое восприятие.

Основной целью статьи является описание семантики и функционирования глаголов слухового восприятия, обусловленное типом автобиографического дискурса. Актуальность работы определяется постановкой в ней вопроса об актуализации семантики восприятия в автобиографическом дискурсе и о взаимодействии в нем перцептивного и ментального модуса. Эта проблема является актуальной в рамках таких наук, как языкознание, психология, философия, когнитивные науки.

Материал и методы

В качестве материала выступают 189 высказываний из произведения И. В. Одоевцевой «На берегах Невы», содержащих глаголы «слушать» и «слышать».

В данной работе применяется метод научного описания, реализуемый посредством приемов контекстуального анализа, а также наблюдения, сравнения, анализа, синтеза и обобщения.

Методика анализа предполагала несколько этапов: 1. Выявление высказываний, в которых присутствуют глаголы с семантикой слухового восприятия. 2. Распределение единиц на подгруппы в зависимости от активности/пассивности восприятия и выражения субъектной или объектной сферы. 3. Анализ частотности употребления выявленных единиц. 4. Описание семантики высказываний с семантикой слухового восприятия, обусловленных типом автобиографического дискурса. 5. Выявление функций лексики слухового восприятия в произведении «На берегах Невы».

Результаты и обсуждение

Исследователи классифицируют лексику восприятия по разным признакам. Одним из них является признак активности или пассивности. Так, С. А. Моисеева выделяет 4 группы глаголов восприятия [5, с. 104–105]: «1) группа глаголов субъектно-активного восприятия, обозначающих применение чувствительной способности (слушать). К этой группе относится подгруппа со значением «активное применение слуховой способности»; 2) группа глаголов субъектно-пассивного восприятия, обозначающих восприятие, в процессе которого субъект «пассивно воспринимает что-либо»; 3) группа глаголов объектно-пассивного восприятия, указывающих на свойство предмета воздействовать на органы чувств человека, когда объект находится в поле слушания субъекта; 4) группа глаголов объектно-активного восприятия, воздействие предмета на органы чувств вхождением в активную зону восприятия.

С опорой на классификацию С. А. Моисеевой в работе выделены следующие группы глаголов с семантикой слухового восприятия, зафиксированные в тексте «На берегах Невы»:

I. ГЛАГОЛЫ СУБЪЕКТНО-АКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ: *слушать, прослушать, прислушиваться, вслушаться – вслушиваться, подслушать, послушать, выслушать.* В зависимости от толкования лексического значения и семантики глаголов выявляются следующие подгруппы:

1) восприятие субъектом звука:

Слушать: «обращать внимание, направлять слух на какие-л. звуки, чтобы услышать» [13] – 70 раз. Глаголы слухового восприятия подчеркивают тишину окружающей среды: «*И вдруг я **слышу** легкое жужжание. Что это? Неужели книги жужжат?»* [4, с. 139].

*«Я глубоко вздыхаю, прижимая руки к груди, и **слушаю. Я слушаю** эти так хорошо знакомые строки – ведь я давно знаю их наизусть, – **слушаю** как в первый раз»* [4, с. 174]. В структуру пропозиции входит субъект (я), объект (жужжание, строки), предикат с семантикой активного слушания. Внешнее описание передает внутреннее состояние автора, напряженное, активное слушание через невербальное подведение субъекта (*вздыхаю, прижимаю руки*), а также через трехкратный повтор глагола «слушать».

Активное слушание передается также лексикой со значением времени, числительными, наименованием времени суток и т. д.: «*О, я дала бы пять, десять лет своей жизни, чтобы так идти с ней и **слушать** ее **всю ночь**, **до утра***» [4, с. 310].

Морфологические формы выражения ситуации слухового восприятия включают квалификативные компоненты, характеризующие внешнее и внутреннее состояние субъекта восприятия:

а) индикатив + сущ. в творительном падеже (*слушать как*). С помощью творительного падежа в описание ситуации восприятия включаются маркеры проявления душевного состояния: *«Гумилев **слушает с благодушно-снисходительной улыбкой**. И значит, все в порядке»* [4, с. 90]. Внешним проявлением восприятия и оценки творческих способностей автора стихов является описание улыбки. «*Я **с замиранием сердца слушаю** глухой, однотонный голос Блока, скандирующий*» [4, с. 103]. Глагол «слушать» в тексте употребляется вместе с фразеологизмом «с замиранием сердца», что обозначает душевное состояние человека – сильное волнение и тревогу;

б) императивная форма глагола. Используется в качестве призыва к слушанию, выражает требование или просьбу, чтобы человек начал слушать. Встречается императивное употребление глагола в прямом перцептивном значении направленного

внимания на какой-либо объект (звуки природы, речь и т. п.) [7, с. 363]. *«Нет, лучше позанимаемся, садитесь,* ***слушайте*** *и отвечайте»* [4, с. 81]. В данном произведении в большинстве случаев объектом восприятия является речь человека – собеседника автора, который призывает к внимательному, активному слушанию содержания речи;

в) неизменяемая глагольная форма (деепричастие). Для конструирования ситуации восприятия в тексте также сочетается описание слухового восприятия со зрительным, выраженным деепричастием: «***Слушая*** *его,* ***глядя*** *на его закинутое, мучительно-вдохновенное лицо с закрытыми глазами, я испытываю что-то похожее на священный страх»* [4, с. 125].

В произведении «На берегах Невы» высокочастотными являются приставочные глаголы слухового восприятия.

Прослушать: воспринять слухом (слова, текст, звуки) [13] – 1 раз. *«– Вот у кого надо учиться! – воскликнул Гумилев, впервые* ***прослушав*** *его. – Краткость газетного происшествия и трагизм Эсхила! И какая динамика в развитии темы. Скажите, как вы это делаете? Научите!»* [4, с. 190]. Глагол «*прослушать*» дополняет основное действие «воскликнуть». Выражение эмоции удивления сочетается с глаголом слухового восприятия, поскольку удивление является результатом этого восприятия.

Можно сделать вывод о том, что семантика слухового восприятия передается разными морфологическими формами глагола. В некоторых высказываниях отражена мультимодальность восприятия, что проявляется в перечислительном ряде форм, которые отображают различные виды восприятия. Напряженность восприятия подчеркивается автором через введение в структуру высказывания квалификативных элементов;

2) указание на степень внимания, напряжения, концентрации и усилий субъекта для эффективного восприятия звучания:

Прислушиваться: «напрячь слух, внимание, чтобы расслышать (к кому-чему)» [13] – 6 раз (предикаты с преф. при- и постфиксом -ся имеют знач. восприятия, обращенного к объекту восприятия [14, с. 386]). Глагол «прислушиваться» подчеркивает внимательное отношение героя к звучащему миру вокруг: «*Я иду и* ***прислушиваюсь*** *к легкому волшебному шуму деревьев. Нигде в мире так легко, так волшебно не шумят деревья, как в Летнем саду»* [4, с. 218]. Автор чувствует звук при воздействии ветра. Благодаря употреблению лексемы «прислушиваться» деревья как будто оживают.

Сочетание описаний слухового восприятия и действий, его сопровождающих, делает образ более наглядным: «*Он* ***замолкает*** *и* ***наклоняет голову*** *набок, будто* ***прислушивается*** *к чему-то»* [4, с. 156].

Вслушаться (2 раза) – **вслушиваться** (1 раз): «напрячь слух и внимание, чтобы расслышать и понять что-л.» [13] – 3 раза (глаголы с префиксом в- и постфиксом -ся имеют знач. «углубиться, вникнуть во что-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, или свыкнуться, освоиться с этим действием» [14, с. 383]). Слуховое восприятие оказывает воздействие на эмоциональную сферу человека, что приводит героя (Кузмин) к другим реакциям: «*Я* ***вслушиваюсь****. И вот мне уже кажется, что именно так, с придыханиями, захлебываниями и заиканиями, и надо читать его стихи»* [4, с. 104].

Многократное использование императива глагола слухового восприятия служит для переключения внимания слушателя на то, что сейчас будет сказано: «*Он весь приходит в движение. Его глаза сверкают. Голос звенит: – Инструментовка... Аллитерация...* ***Вслушайтесь, вслушайтесь!*** *«Всегда всему я». Ведь это а-у-я. А-у-я!»* [4, с. 85];

3) направление усилий субъекта на получение информации, не предназначенной для распространения, путем слухового восприятия:

Подслушивать: «тайком прислушиваясь, услышать что-л. сказанное другим, для других (что)» [13] – 2 раза (префикс -под: тайно, скрытно совершить действие [14, с. 365–366]). Глагол «подслушать» показывает позицию автора – нежелание нарушать этические нормы коммуникации: «*Я, как тень, металась по коридору мимо класса, где вел занятия Гумилев, и только из остатка самоуважения не* ***подслушивала*** *у дверей»* [4, с. 31]. В данном случае глагол «подслушивать» раскрывает тонкие изменения в отношениях между И. В. Одоевцевой и Н. С. Гумилевым.

«Всюду враги, шпионы. – Он испуганно ***оглядывается****. И за статуей никто не* ***подслушивает****? Ведь они выслеживают меня, ходят за мной по пятам»* [4, с. 233]. Сочетание слухового и зрительного восприятия не только характеризует внутреннее состояние героя, но и перекликается с эмоциональным напряжением;

4) временная характеристика процесса слухового восприятия:

Послушать: «перех. и без доп. Слушать некоторое время» [13] – 9 раз (по-: совершить действие в течение некоторого времени [14, с. 365–366]). Глаголы слухового восприятия используются в сочетании с глаголом движения, что подчеркивает целевую семантику (пришел с целью послушать) и усилия субъекта, прилагаемые для того, чтобы у него была возможность осуществить процесс восприятия: «***Послушать пришла*** *стишки. Только и всего»* [4, с. 67].

Выслушать: «прослушать все, до конца (кого-что)» [13] – 7 раз (префикс вы-: завершение действия) [14, с. 57]). *«Пять очень медленно прочитанных строф. И я их все **выслушиваю**»* [4, с. 25]. Этот глагол употребляется Одоевцевой в сочетании (их все), чтобы подчеркнуть интерес и внимание к поэме.

Прослушать: «слушать в течение какого-л. времени (что)» [13] – 1 раз (префикс про-: совершить действие в течение какого-н. времени [14, с. 368]). *«Я с удовольствием **прослушаю** еще раз вашу "Балладу о толченом стекле"»* [4, с. 100]. Сирконстанты квалифицирующего характера (с удовольствием) подчеркивают слитность перцептивного и эмоционального восприятия;

5) слушать с целью обучения чему-либо:

Слушать: «изучать что-л., посещая лекции» [13] – 9 раз.

*«Но Гумилев начинает подробно и методично излагать историю обоих Дон Жуанов, и мне ничего не остается, как **слушать**»* [4, с. 176]. Большая часть жизни И. В. Одоевцевой связана со стихами, лекциями, и в этом случае восприятие является активным: *«Я стала ревностно обучаться у Кони ораторскому искусству, **слушала** лекции Луначарского, Энгельгардта и самого Всеволодского, мне ставили голос»* [4, с. 30].

Прослушать: «пройти курс какой-л. науки, слушая лекции» [13] – 1 раз. «*Все это он проделал медленно, очень медленно, с явным расчетом на эффект. – Господа, – начал он **гулким**, **уходящим в небо голосом**, – я предполагаю, что большинство из вас поэты. Или, вернее, считают себя поэтами. Но я боюсь, что, **прослушав** мою лекцию, вы сильно поколеблетесь в этой своей уверенности»* [4, с. 17]. По мнению Н. С. Гумилева, если люди внимательно слушают его лекции от начала и до конца, то понимают, что «*поэзия совсем не то, что вы думаете, и то, что вы пишете и считаете стихами, вряд ли имеет к ней хоть отдаленное отношение»* [4, с. 17]. Прилагательное *гулкий* выражает громкость звучания, высоту звука, используется автором, чтобы привлечь внимание слушателя. Эта семантика усиливается оборотом «уходящим в небо голосом». Здесь автор передает свое впечатление от речи Н. С. Гумилева и обращает внимание на средства (вербальные и невербальные), которые тот применяет для воздействия на публику.

II. ГЛАГОЛЫ СУБЪЕКТНО-ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ.

В тексте встречаются следующие глаголы субъектно-пассивного восприятия: ***слышать, услышать, услыхать, ослышаться, расслышать.*** Эти глаголы могут обозначать:

1) обладание способностью к слуховому восприятию.

Слышать: «обладать слухом (в 1 знач.)» [13] – 2 раза. Чрезмерные эмоции также могут повлиять на эффективность слушания: «*– Сумасшедшая! Спину сломаешь. Довольно, довольно!.. Успокойся!.. Но я ничего не **слышу**. Я в экстазе, в пароксизме радости»* [4, с. 47]. Расстояние также влияет на слуховое восприятие: «*Я стою одна, совсем близко от двери. Шаг, и я уже за порогом. Я бегу. Я уже далеко. Я уже не **слышу** голосов»* [4, с. 201];

2) результат восприятия.

Услышать (9 раз**) – слышать** (35 раз): «воспринять слухом какие-л. звуки» [13]: *«– Все мы страшно, абсолютно одиноки. Каждый замурован в себе. Стучи не стучи, кричи не кричи, никто не **услышит»*** [4, с. 70].

«Слышать» характеризуется намерением субъекта заставить объект обратить на себя внимание громкостью и четкостью своей речи: «*Он отчетливо произносит каждое слово. Мне кажется, что он умышленно говорит так **громко**, чтобы все **слышали**»* [4, с. 100].

Поскольку глагол «слышать» является многозначным и выражает различную семантику при описании в одной и той же ситуации, необходимо определить конкретное значение перцептивного глагола. С этой целью проанализируем его в контексте: «*Я растерянно **гляжу** на Гумилева. Острое разочарование – Гумилев первый поэт, первый живой поэт, которого я **вижу** и **слышу**, и до чего же он непохож на поэта! Впрочем, **слышу** я его плохо. Я сижу в каком-то бессмысленном оцепенении. Я **вижу**, но не **слышу**. Вернее, **слышу**, но не понимаю»* [4, с. 17]. Приведенный контекст показывает, что восприятие не является отдельным процессом, а является результатом взаимодействия различных сенсоров с ментальными процессами. В данном высказывании присутствуют маркеры визуального (*гляжу, вижу*) и слухового восприятия (*слышу*), а также элементы ментального процесса (*до чего же он не похож на поэта, но не понимаю*), что создает целостную и многогранную картину восприятия.

Слыхать: «перех. То же, что услышать» [13] – 1 раз. В начале диалогического общения задействован глагол слухового восприятия. Он выполняет функцию установления эффективной коммуникационной связи между участниками: «*Встречаясь на улице, два гражданина из "недорезанных" шептали друг другу, пугливо оглядываясь: – **Слыхали**? Гумилев-то! Так и заявил матросне с эстрады: "Я монархист, верен своему государю и ношу на сердце его портрет"»* [4, с. 67];

3) ясность/неясность воспринимаемой речи и степень понимания информации.

Ослышаться: «недослышав, неверно понять сказанное» [13] – 2 раза.

Глагол *«ослышаться»* выражает сильное потрясение автора через использование в вопросительном предложении: «*И вдруг совершенно неожиданно добавляет: – Из вас выйдет толк. Вы очень серьезно занимаетесь, и у вас большие способности. Неужели я не* ***ослышалась****?»* [4, с. 46]. И. В. Одоевцева настолько поражена, что ей не верится, что она услышала правильно.

Расслышать: «хорошо, ясно услышать» [13] – 1 раз. (префикс рас-: воспринять или объяснить, что-н. во всех подробностях [14, с. 368–369]). «Расслышать» выражает степень восприятия звука: «*– Повтори, Коленька, какое твое любимое блюдо. Я не* ***расслышала****. – Канандер, – важно ответил я»* [4, с. 55];

4) указание на источник информации.

Услышать (1 раз) **— слышать** (19 раз): узнать, получить сведения о ком-, чем-л. из сообщения, разговоров и т. п. [13]: «*И никогда не узнать бы всего того, что мне сегодня посчастливилось* ***услышать*** *от Андрея Белого»* [4, с. 231].

В автобиографической прозе XIX–XX вв. фиксируются различные детали внешнего облика повествователя в разные временные отрезки. Они вводятся четырьмя основными способами, одним из которых является описание портрета или фотографии [15, с. 248]: «*Сколько раз мне впоследствии приходилось читать и* ***слышать*** *описание его карикатурной внешности – маленький, “щуплый с тощей шеей, с непомерно большой головой”»* [4, с. 122].

«Я как будто в первый раз ***слышу*** *эту трагедию “станционной барышни”, не только* ***слышу****, но и переживаю ее»* [4, с. 103]. В данном предложении выражено отношение и неразрывная связь между внешним и внутренним состоянием. В качестве обозначения внешнего восприятия выступает предикат *«слышу»*, а в качестве внутреннего – предикат *«переживаю»*.

Услыхать (2 раза**) – слыхать** (7 раз): «разг. то же, что слышать (3 знач.). Иметь какие-л. сведения, знать (по разговорам, слухам и т. п.)» [13].

АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ СУБЪЕКТНО-АКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ И КОЛИЧЕСТВО (109 раз)	**ПЕРЕДАЧА СЕМАНТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**
слушать (70 раз) прослушать (1 раз)	1) восприятие субъектом звука
прислушиваться (6 раз) вслушаться (2 раза) — вслушиваться (1 раз)	2) указание на степень внимания, напряжения, концентрации и усилий субъекта для эффективного восприятия звучания
подслушивать (2 раза)	3) направление усилий субъекта на получение информации путем слухового восприятия, не предназначенной для распространения
послушать (9 раз) выслушать (7 раз) прослушать (1 раз)	4) временная характеристика процесса слухового восприятия
слушать (9 раз) прослушать (1 раз)	5) слушать с целью обучения чему-либо
АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ СУБЪЕКТНО-ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ И КОЛИЧЕСТВО (79 раз)	**ПЕРЕДАЧА СЕМАНТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**
слышать (2 раза)	1) обладание способностью к слуховому восприятию
услышать (9 раз) – слышать (35 раз) слыхать (1 раз)	2) результат восприятия
ослышаться (2 раза) расслышать (1 раз)	3) ясность/неясность воспринимаемой речи и степень понимания информации
услышать (1 раз) – слышать (19 раз) услыхать (2 раза) – слыхать (7 раз)	4) указание на источник информации
АКТУАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ОБЪЕКТНО-ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ И КОЛИЧЕСТВО (1 раз)	**ПЕРЕДАЧА СЕМАНТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**
послышаться (1 раз)	1) начать слышаться

Глагол *«слыхать»* часто используется с отрицательными местоимениями, чтобы выразить незнание ситуации. Отрицательная форма *«не слыхать»* акцентирует внимание на то, что у воспринимающего ранее не было такого опыта: «*не знаю, стала ли Леночка поэтом. Ни о ней, ни о ее матери, Ане Энгельгардт (ее, несмотря на то, что она вышла замуж за Гумилева, в литературных кругах продолжали называть Аня Энгельгардт), я за все годы эмиграции ничего* ***не слыхала»*** [4, с. 118].

Вопрошающая модель «слыхали?» выполняет функцию установки на дальнейший диалог и выяснение общей базы знания: *«– Нет, совсем нет! Это Ада Оношкович написала. А Ирина Одоевцева – это "Лошадь поднимет ногу одну"... "Баллада об извозчике". **Слыхали**, конечно? Но Маяковский, "конечно", не **слыхал**. Он пожимает плечами»* [4, с. 43].

Глагол «услыхать» отражает, насколько известен поэт и насколько И. В. Одоевцева его знает: *«И я в четверг уже сидела в классе, когда вошел Гумилев. В тот день я узнала, что такое амфибрахий. И даже впервые* ***услыхала*** *имя Георгия Иванова»* [4, с. 32].

III. ГЛАГОЛЫ ОБЪЕКТНО-ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ.

В тексте встречается следующий предикат субъектно-активного восприятия – ***послышаться.***

Послышаться: «начать слышаться, стать слышным» [13] – 1 раз. «*Но с той минуты, как мне* ***послышалось*** *"Николай" вместо "Михаил", все не по себе»* [4, с. 112].

Заключение

В произведении «На берегах Невы» встречаются следующие группы глаголов: а) субъектно-активного слухового восприятия (109 случаев актуализации)*: слушать, прослушать, прислушиваться, вслушаться – вслушиваться, подслушать, послушать, выслушать*; б) глаголы субъектно-пассивного восприятия (79 раз)*: услышать – слышать, ослышаться, расслышать, услыхать – слыхать;* в) глагол объектно-пассивного восприятия (1 раз): *послышаться*.

Таким образом, результаты анализа показали, что наиболее частотными являются глаголы субъектно-активного восприятия, что отражает желание автора воспринять с помощью слуха максимум информации от окружающих его людей, преимущественно поэтов, которых он специально приходит послушать. Глаголы субъектно-пассивного восприятия структурируют ситуации, в которых автор и герои занимаются воссозданием подлинных событий начала XX века. И. Одоевцева раскрывает особенности человеческих взаимоотношений и характеры таких личностей, как Н. Гумилев, Харитон и других, которые оказали на нее большое влияние. Проанализированные контексты показывают, что в ряде случаев слуховое восприятие тесно сопряжено со зрительными восприятием и внутренними переживаниями автора и героев, что позволяет создать «живую» картину воспоминаний о далекой эпохе.

Список источников

1. Лежен Ф. Когда кончается литература? // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 261–275.
2. Лекманов О. А. «Жизнь прошла. А молодость длится…» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». М.: АСТ, 2020. 970 с.
3. Голубева И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы): дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 2002. 308 с.
4. Одоевцева И. В. На берегах Невы. М.: Худ. литература, 1988. 333 с.
5. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород.: БелГУ, 2005. 248 с.
6. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина: дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2011. 457 с.
7. Авдевнина О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке: дис. … д-ра филол. наук. М., 2014. 1065 с.
8. Крюкова Л. Б. Ситуация восприятия и способы ее репрезентации в поэтическом тексте: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2003. 210 с.
9. Харченко В. К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком, 2012. 216 с.
10. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
11. Земичева С. С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.
12. Крюкова Л. Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2019. № 447. С. 47–54. doi: 10.17223/15617793/447/6
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 01.03.2023).
14. Русская грамматика. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология: 1 т. / под гл. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 792 с.
15. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие. М.: Флинта, 2002. 423 с.

References

1. Lezhen F. *Kogda konchayetsya literatura?* [When does literature end?]. Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii. Ed. K. V'olle, E. Grechanoy. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006. Pp. 261–275 (in Russian).
2. Lekmanov O. A. *«Zhizn' proshla. A molodost' dlitsya…» Putevoditel' po knige Iriny Odoevtsevoy «Na beregakh Nevy»* [«Life is gone. And youth lasts...» Guide to Irina Odoevtseva's book «On the Banks of the Neva».]. Moscow, AST Publ., 2020. 970 p. (in Russian).
3. Golubeva I. V. *Opyt sozdaniya kollektivnogo rechevogo portreta (na materiale ekspressivnogo sintaksisa memuarnoy prozy). Dis. ... dokt. filol. nauk* [Experience of creating a collective speech portrait (on the material of expressive syntax of memoir prose). Diss. ... doct. philol. sci.]. Krasnodar, 2002. 308 p. (in Russian).
4. Odoevtseva I. V. *Na beregakh Nevy* [On the banks of the Neva]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 333 p. (in Russian).
5. Moiseyeva S. A. *Semanticheskoye pole glagolov vospriyatiya v zapadno-romanskikh yazykakh* [The semantic field of verbs of perception in Western Romance languages]. Belgorod, BelGU Publ., 2005. 248 p. (in Russian).
6. Meshcheryakova O. A. *Semantika pertseptsii v aspekte khudozhestvennoy kognitsii I. A. Bunina. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Semantics of perception in the aspect of artistic cognition by I. A. Bunin. Diss. ... doct. philol. sci.]. Elets, 2011. 457 p. (in Russian).
7. Avdevnina O. Yu. *Kategoriya vospriyatiya i sredstva eye vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke. Dis. ... dokt. filol. nauk* [The category of perception and means of its expression in the modern Russian language. Diss. ... doct. philol. sci.]. Moscow, 2014. 1065 p. (in Russian).
8. Kryukova L. B. *Situatsiya vospriyatiya i sposoby eye reprezentatsii v poeticheskom tekste. Dis. ... kand. filol. nauk* [Situation of perception and ways of its representation in the poetic text. Diss. ... cand. philol. sci.]. Tomsk, 2003. 210 p. (in Russian).
9. Kharchenko V. K. *Lingvosensorika. Fundamental'nye i prikladnye aspekty* [Linguosensorics. Fundamental and applied aspects]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 216 p. (in Russian).
10. Demeshkina T. A. *Teoriya dialektnogo vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [A theory of dialectal utterance. Aspects of semantics]. Tomsk, TSU Publ., 2000. 190 p. (in Russian).
11. Zemicheva S. S. *Pertseptivnaya kartina mira dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Perceptual picture of the world of dialect linguistic personality]. Tomsk, TSU Publ., 2016. 208 p. (in Russian).
12. Kryukova L. B. Pertseptivnyy stroy poeticheskogo teksta: k voprosu o terminologicheskom apparate issledovaniya [The perceptual structure of a poetic text: a question about the terminological apparatus of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2019, no. 447, pp. 47–54. doi: 10.17223/15617793/447/6 (in Russian).
13. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Ed. A. P. Evgen'eva. Moscow, Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 1. A–J (in Russian). URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (accessed 01 March 2023).
14. *Russkaya grammatika. Fonetika, fonologiya, udareniye, intonatsiya, slovoobrazovaniye, morfologiya: 1 tom* [Russian grammar. Phonetics, phonology, accent, intonation, word formation, morphology: in 1 volume]. Ed. N. Ju. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 792 p. (in Russian).
15. Nikolina N. A. *Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy: uchebnoye posobiye* [Poetics of Russian autobiographical prose: textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2002. 423 p. (in Russian).

Информация об авторе

Се Шуан, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: xy131521@yandex.ru

Information about the author

Xie Shuang, postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: xy131521@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 12.09.2023; accepted for publication 04.12.2023

УДК 811.161.1
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-41-49

Интернет-откровение как речевой жанр

Цуй Хуэйин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, cuihuiying1990@gmail.com

Аннотация

Описан речевой жанр (РЖ) интернет-откровения и выявлены его основные жанрообразующие признаки и особенности языкового воплощения. Новизна исследования определяется тем, что впервые подвергаются системному описанию тексты, функционирующие в интернет-коммуникации и содержащие анонимные выражения своих историй, секретов и эмоций. Актуальность работы обусловлена растущей популярностью подобных ресурсов и недостаточной представленностью лингвистических работ по их изучению. Исследование РЖ интернет-откровения выполнено на материале текстов, опубликованных на сайте «Подслушано», а также «Подслушано у учителей» в соцсети «ВКонтакте». Работа выполнена в русле коммуникативной лингвистики. При анализе материала были использованы методы лингвистического описания, дискурсивного анализа, включающего характеристику экстралингвистических факторов и отражающих функционирование изучаемого РЖ в интернете. При описании РЖ интернет-откровения рассмотрены прагматические, медийные, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры. Категориальными признаками РЖ интернет-откровения выступают: анонимность, повествование от первого лица, виртуальное пространство общения, направленность на большую аудиторию, посредственность и асинхронность коммуникации. Тексты выполняют информационную функцию и характеризуются тематическим разнообразием. Коммуникативная цель изучаемого жанра – получение или предъявление информации, содержащей откровение автора, анонимно перед огромной аудиторией. Описаны средства языкового воплощения, относящиеся к фонетическому (использование звукоподражания для выражения эмоции), графическому (повтор букв и знаков препинания, использование заглавных букв и многоточия, смайлов), лексическому (разговорная, сниженная, просторечная, оценочная лексика, образные слова и выражения) и грамматическому уровню (глаголы прошедшего времени, наречия меры и степени, восклицательные и вопросительные предложения и др.), выявлены стилистические особенности текстов (повествование от первого лица, разговорно-письменный стиль, имеющий характеристики интернет-дискурса, нарратива и автобиографии). Доказано, что интернет-откровение представляет собой уникальное жанровое образование, обладающее определенной композицией, собственной стилистикой, особым языковым воплощением. Предложенная методика анализа РЖ интернет-откровения может быть использована при описании других информативных речевых жанров интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *речевой жанр, интернет, откровение, интернет-откровение, подслушано*

Для цитирования: Цуй Хуэйин. Интернет-откровение как речевой жанр // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 41–49. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-41-49

Internet revelation as a speech genre

Cui Huiying

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, cuihuiying1990@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the description of the speech genre (hereinafter referred to as the SG) of Internet revelation and the identification of its main genre-forming features and features of the language embodiment. The novelty of the study is determined by the fact that for the first time the texts functioning in Internet communication and containing anonymous expressions of their revelations, secrets and emotions are subjected to a systematic description. The relevance of the work is due to the growing popularity of such resources and the lack of representation of linguistic works on their study. The study of the SG of Internet revelation was carried out on the material of texts published on the website "Overheard", as well as "Overheard from teachers" in the social network "VKontakte". The work is done in line with communicative linguistics. When analyzing the material, the methods

© Цуй Хуэйин, 2024

of linguistic description, discursive analysis were used, including the characteristics of extralinguistic factors and reflecting the functioning of the studied SG in the Internet. Pragmatic, media, structural-semantic and stylistic-linguistic parameters are considered in the description of SG Internet-revelation. The categorical features of the Internet Revelation SG are: anonymity, first-person narration, virtual space of communication, focus on a large audience, mediocrity and asynchrony of communication. The texts perform an informational function and are characterized by thematic diversity. The communicative goal of the studied genre is to receive or present information containing the author's revelation anonymously in front of a huge audience. The means of linguistic embodiment are described, related to phonetic (onomatopoeic literal combination for expressing emotions), graphic (repetition of letters and punctuation marks, use of capital letters and dots, adding emoticons), lexical (colloquial, reduced, colloquial, evaluative vocabulary; figurative words and expressions) and grammatical level (past tense verbs; adverbs of measure and degree; exclamatory and interrogative sentences, etc.), stylistic features of the texts (first-person narration; colloquial and written style that has the characteristics of Internet discourse, narrative and autobiography) are revealed. It has been proven that Internet revelation is a unique genre formation that has a certain composition, its own style, and a special linguistic embodiment. The proposed methodology for analyzing the speech language of Internet revelation can be used to describe other informative speech genres of Internet communication.

Keywords: *speech genre, Internet, revelation, Internet revelation, overheard*

For citation: Cui Huiying. Internet-otkroveniye kak rechevoy zhanr [Internet revelation as a speech genre]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 41–49 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-41-49

Введение

С возникновением интернета социальная жизнь человека изменилась. Общение в сети стало доминирующим способом коммуникации в современной жизни. Пользователи интернета могут не только получать необходимую информацию, но и создавать собственные сайты, регистрироваться в социальных сетях, делиться знаниями, идеями, новостями, фотографиями, видео, обсуждать собственные посты и тексты других пользователей. С появлением особой коммуникативной среды формируется и новое направление лингвистического исследования, изучающее особенности функционирования языка в интернете с позиций лингвистического знания, в том числе теории речевых жанров (РЖ) [1, с. 226]. Одной из нерешенных проблем в теории РЖ является проблема их типологизации. М. М. Бахтин выделил два вида РЖ: первичные (в условиях непосредственного речевого общения) и вторичные (сложные и связанные воедино первичные жанры) [2, с. 159–206]. К. Ф. Седов в системе РЖ выделяет субжанры, жанры, гипержанры: 1) субжанры – минимальные единицы типологии речевых жанров; 2) речевые жанры – словесное выражение интеракции, социально-коммуникативного взаимодействия индивидов; 3) гипержанры – речевые формы, объединяющие в своем составе несколько жанров [3, с. 34]. Т. В. Шмелева выделяет четыре типа РЖ в зависимости от коммуникативной цели: информативные, императивные этикетные и оценочные [4, с. 91].

В последние десятилетия появляется все больше исследований отдельного интернет-жанра: чата [5], форума [6], интернет-комментария [7] и др. Н. Б. Рогачева считает все эти жанры (чат, блог, форум и др.) вторичными речевыми жанрами, в которых могут выделяться субжанры (вопрос, приветствие, просьба и т. д.) [8]. По таким критериям выделены исследования субжанров: эпистолярные жанры интернет-коммуникации [9], анонс в интернет-дискурсе [10] и др.

Распространение в интернете сайтов и групп в социальных сетях, которые предназначены для анонимного выражения своих откровений, секретов и эмоций, позволяет выделить новый РЖ – интернет-откровение. Возникновение этого жанра связано с созданием проекта «Подслушано» [11].

Откровение как междисциплинарный феномен в основном изучался на материале религиозного дискурса наравне с молитвой и проповедью [12, с. 228]. Так, задачей откровения является передача божественного сообщения, в основе которого лежит некое «событие», переживание, духовный опыт, который расценивается как исходящий от Бога и фиксируется ради пользы ближнего [13, с. 78]. В настоящей работе откровение рассматривается в следующем значении: «откровенное признание, сообщение» [14].

Термин «интернет-откровение» был впервые упомянут А. В. Колмогоровой, которая описала тексты данной группы как нарративный жанр, определяя его как «сложное взаимодействие личностного “я” индивида и коллективного человеческого “я”, разворачивающееся в поле притяжения двух полюсов – откровения и стыда, результатом которого становится воссоздаваемый индивидом образ себя, достойный самопринятия» [15, с. 76]. Ранее Т. В. Янкина в своей дипломной работе описала модель этого жанра, определив его как речевой жанр откровения в интернет-дискурсе [16, с. 24–52]. В то же время такой формат выражения мыслей и эмоции автора не был подвернут систем-

ному анализу, что определяет новизну настоящего исследования.

При исследовании интернет-откровения как РЖ мы опираемся на идею М. М. Бахтина, в соответствии с которой под речевым жанром понимаются относительно устойчивые типы высказывания, обладающие единством тематического содержания, стилистической организации и композиции. М. М. Бахтин отмечает, что использование особых форм высказывания – РЖ – обеспечивает возможность речевой коммуникации [2, с. 159].

Целью статьи является в описании РЖ интернет-откровения на примере проекта «Подслушано», функционирующего в интернет-среде, выявление его основных жанрообразующих признаков и особенностей языкового воплощения.

Следует отметить, что тексты речевого жанра интернет-откровения могут встретиться не только в группе «Подслушано», но и во многих подобных группах в сетевом пространстве.

Актуальность работы обусловлена растущей популярностью интернет-ресурсов, в которых люди делятся своими откровениями, а также недостаточной представленностью лингвистических работ по их изучению, необходимостью комплексного описания этого жанра и выделения его основных жанрообразующих признаков.

Материал и методы

Исследование РЖ интернет-откровения выполнено на материале текстов, опубликованных на сайте «Подслушано», а также «Подслушано у учителей» в соцсети «ВКонтакте». Было проанализировано более 1 500 постов. Материал был собран методом сплошной выборки.

Исследование выполнено в русле коммуникативной лингвистики. При анализе материала были использованы методы лингвистического описания, дискурсивного анализа, включающего характеристику экстралингвистических факторов и отражающего функционирование изучаемого РЖ в интернете.

В данной работе при характеристике жанра мы опираемся на параметры, разработанные Т. В. Шмелевой и дополненные Л. Ю. Щипициной.

Одной из наиболее известных и востребованных моделей анализа РЖ является описательная модель, предложенная Т. В. Шмелевой и включающая 7 параметров для описания моделей РЖ: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания и языковое воплощение [4, с. 88–98]. Данные параметры ориентируются на все виды РЖ, но это не учитывают технической составляющей интернет-общения, поэтому нуждаются в дополнении. В данной работе мы опираемся на модель описания жанра, предложенную Л. Ю. Щипициной, которая при анализе компьютерно-опосредованной коммуникации выделяет медийные, прагматические, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры [17, с. 20].

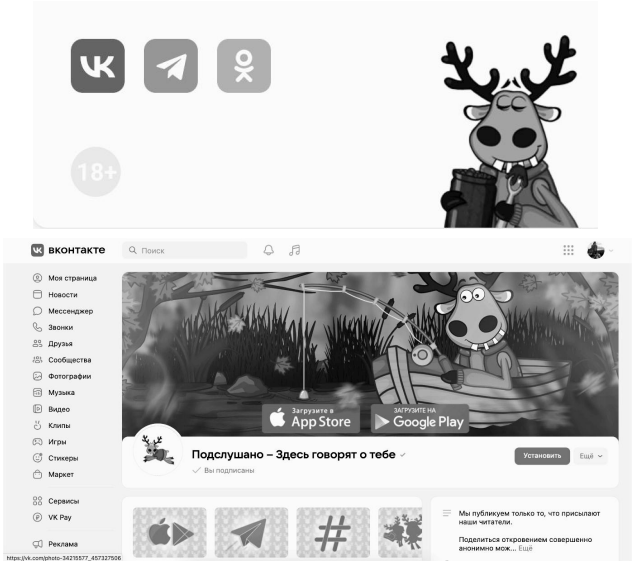
Результаты и обсуждение

Рассмотрим основные параметра РЖ интернет-откровения:

1. Медийные параметры

Тексты интернет-откровения публикуются в виртуальном пространстве без ограничения доступа. Проект «Подслушано» появился в виде паблика в социальной сети «ВКонтакте», а затем развивался как мобильное приложение [18]. У «Подслушано» есть собственный сайт и множество последователей в соцсетях «ВКонтакте», «Telegram» и «Одноклассники». Группа проекта «ВКонтакте» имеет самую большую аудиторию. Ср: *Вконтакте – 4 млн, Telegram – 56,1 тыс., Odnoklassniki – 157,4 тыс.*

Логотипом проекта «Подслушано» служит «жизнерадостный и очень любопытный олень» [11]:



У платформы «Подслушано» есть администратор, который устанавливает правила публикации текстов и обеспечивает их анонимность, играет роль третьего коммуникативного лица между аудиторией и авторами. Тексты публикуются в авторской редакции, определение типа текста авторами происходит стихийно, наивно, исходя из общих соображений, и постепенно становится устойчивым высказыванием по тематике, стилистике, композиции.

2. Прагматические параметры

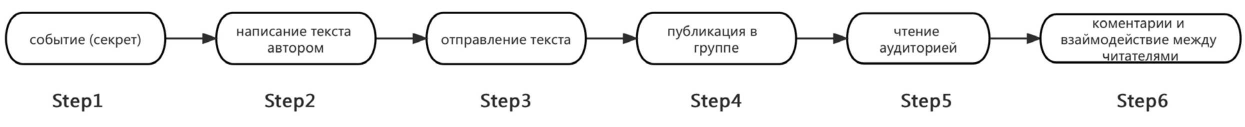
Коммуникативная цель изучаемого жанра – получение или предъявление информации, содержащей откровение автора, анонимно перед огромной аудиторией. Эти откровения выражают **эмоции**: *<...> Стыдно. Бросаю курить*; *Ненавижу, просто ненавижу свою 19-летнюю дочь. Тупое, ленивое, жирное, наглое существо*; **переживания**: *Папе 56, у него онкология, с которой он борется уже второй год. <...>. Стал замкнут, перестал брать трубку на звонки, пишет только смс. Очень за него переживаю, но не знаю, чем помочь*; **жалобы**: *Имеет ли она право рассказывать третьим лицам о моих покупках в секс-шопе? И куда вообще жаловаться, если она совершит подобные правонарушения?*; **благодарности**: *Я попросила у нее за все прощение, сказала, как мы все ее любим и ждем, гладила ее, поцеловала! А на следующий день ее не стало... И я благодарю того врача, который, несмотря на запрет посещения, пустил меня к ней!*; **рассуждения о жизни**: *Что такое хороший Новый год для меня в этом году? Нет, не семейное застолье, не вписка с друзьями и не Таиланд. Хороший Новый год для меня – это виски, распитое с тремя бомжами в парке, когда <...>.*

Приоритетной функцией текста является информативная. В представлении Т. В. Шмелевой информативная цель – предъявление или операции с информацией [4, с. 91]. Коммуникативная цель исследуемого текста – предъявление секрета или откровенной истории. Кроме того, в текстах может присутствовать оценочная функция: люди оценивают себя или свои поступки. Таким образом, данный РЖ мы относим к информативному типу, включающему в себя элементы оценочных РЖ.

Все рассматриваемые тексты анонимны. **Образ автора** создается с помощью упоминания о поле автора, его профессии, возрасте, внешности, статусе в браке и некоторых фактах биографии: *Мне 18 лет, и я очень стесняюсь того, как моя мама ведет себя на улице, в магазинах – в любых общественных местах; Я стройная девушка, говорят, что даже красивая. Обожаю встречать поезда.* В некоторых случаях тексты могут не содержать данной информации. Автор практически всегда выражен при помощи личного местоимения 1 л. ед. ч. – «я». На основании эмоционального посыла текста можно выделить психологические типы авторов, определить характер и принципы человека: *Сегодня мне уже почти 30, я успешно вышла замуж, позади 3 пластики и багаж комплексов, которые умело скрываю и стараюсь компенсировать другими хорошими качествами; Обычно стараюсь придерживаться правил этикета, быть вежливой.*

Адресат в РЖ интернет-откровения не определен, но на стене группы представлен комментарий автора проекта: *«Если вы впечатлительны и высокоморальны, просим вас не читать контент, который можно увидеть на стене сообщества»*. Для выражения своего мнения в группе в социальных сетях есть возможность оставлять комментарии, лайки или другие смайлы ( ).

Образ прошлого и образ будущего. Общение автора и аудитории оказывается опосредованным и несинхронным. Правила, установленные создателем проекта, и линия времени представлены следующим образом:



Образ будущего, по мнению Т. В. Шмелевой, связан с местом анализируемого речевого жанра в речевой цепи [4, с. 94], т. е. отмечают предшествующий и последующий за речевым жанром эпизоды общения. В случае с речевым жанром интернет-откровения в текстах находит отражение ситуация, которая побудила автора написать текст. Образ будущего – это знакомство читателей группы с текстом и их реакция на него, выражаемая лайками, репостами или комментариями.

3. Структурно-семантические параметры

Диктумное содержание. За основу описания диктумного содержания взята типология пропозиций, предложенная Т. В. Шмелевой [4, с. 94]. Анализ материала позволил выявить 59 тем (данные на 02.05.2023). Стоит отметить, что тексты публикуются в авторской редакции, определение темы текста происходит редакторами паблика.

Охарактеризуем наиболее многочисленные группы с точки зрения тематики:

1) ***тексты, рассказывающие о событиях, которые провоцируют внутренние эмоции автора, чаще всего негативные:*** *бесит, ненависть, одиночество, пиздец, провал, страшное, стыдно, счастье;*

2) ***тексты, содержащие положительные или отрицательные оценки происходящих событий:***

алчность, добро, жестокость, лень, наблюдения, отзыв, похоть, пошлый, разное, смешное, успех, фууу, чернуха; советы для жизни; лайфхак;

3) ***откровения, связанные с отношениями между близкими людьми или животными:*** *дружба, любовь, семья, предательство; бабушка, соседи; коты, собаки;*

4) о***писание состояния или времени, когда люди делают забавные или постыдные поступки:*** *детство, пьянство;*

5) ***тексты, рассказывающие о работе:*** *работа.*

В социальной сети проекта «Подслушано» темы постов обозначены с помощью хэштега (символ «решетка» (#)), который описывается И. А. Ильиной как достаточно простой способ в социальной сети категоризировать, найти и присоединиться к обсуждениям по определенной тематике [19, с. 55]. По классификации типов хэштег в изучаемом материале относится к категории, характерной особенностью которой является «четкая направленность на целевую аудиторию с возможностью таргетинга» [там же].

Все посты, независимо от темы хэштега, опубликованы анонимно, что помогает авторам преодолеть стыд и страх перед аудиторией и позволяет делиться своими откровениями вопреки взглядам окружающих людей.

Композиция. Исследуемые тексты включают следующие элементы: *Представление себя или героев истории (вступительное слово); событие (история); рефлексия (рассуждение) автора: Живу в Кизляре. На окраине города часто встречаю пастуха с козами. В очередной раз, когда ехал из города, сбил одну козу. Недолго думая, решил погрузить тело в багажник, и вдруг сзади меня что-то острое впилось. А после этого мгновенно последовал удар по голове чем-то тяжелым. Оказалось, это был пастух с козой. Теперь в больнице (Стыдно... #Подслушано_страшное@overhear)*.

Следует отметить, что в некоторых текстах может отсутствует какой-либо элемент. Например, представление себя: *Однажды я напилась, как и много раз до этого. Пришли в гости к суровым алкашам, там собака была, я по пьяни ее забрала. Потом она пожила у нас два дня (я жила с родителями). Вышла гулять с ней и просто ушла без нее... Мне очень жаль. Я заперла ее в соседнем подъезде и ушла. До сих пор это мучает меня (#Подслушано_страшное@overhear).*

В некоторых случаях меняется порядок компонентов. Так, в следующем примере в начале приведена история, а только после нее рассказывается об авторе этой истории: *Ехала с мужем на машине, с работы забирал. Он ушел за дочкой в садик, а я осталась на заднем сиденье и уснула. Тут я слышу, как открывается дверь и кто-то садится. Я подумала, что муж так рано вернулся, открываю глаза, а там мужчина какой-то сидит, пытается машину завести. Я в шоке стукаю ему по спине и говорю: «Мужчина, что вы думаете о новом торговом центре?» Вор в недоумении выскакивает из машины. Я журналист (# Подслушано_жестокость@overhear).*

В некоторых текстах отсутствует история, но есть рассуждение или выражение сомнений и эмоции: *Вот ходишь ты такой счастливый, читаешь книги по мотивации и саморазвитию, проводишь тренинги по этому саморазвитию. И вроде все круто. Но когда наступает вечер и ты остаешься один на один с собой, то приходят эти сраные мысли. И ты думаешь: «А хрен ли я такой одиноки?». Хочется обычного человеческого тепла. А где его взять?.. (#Подслушано_одиночество@overhear).*

Тексты не сопровождаются фотографиями и этикетными приветствиями. В конце поста расположен хэштег, маркирующий тему текста.

4. Языковое воплощение

Выделим средства лексического, морфологического и синтаксического уровней, вербализующие речевой жанр интернет-откровения и его коммуникативную цель:

1) **стилистические особенности:** повествование происходит от первого лица в рамках разговорно-письменного стиля. Изучаемые тексты имеют характеристики интернет-дискурса, нарратива и автобиографии. Преобладает повествование с элементами рассуждения и описания;

2) на **фонетическом уровне** используется звукоподражание для выражения эмоции автора: *Но парень, о чем ты, думал? И сколько вас таких тупых еще,* ***ААА?!;*** *А что вам, отвечать-то?* ***Ахахах?****; А родители теперь молча каждый месяц выделяют мне неплохую сумму, лишь бы просто училась и ни во что подозрительное больше не совалась.* ***Хи***;

3) **на графическом уровне** отмечены следующие приемы:

– ***повтор букв и знаков препинания:*** *Приехала оттуда комиссия, всех проверяют, летом обещали поставить камеры и турникеты.* ***Нееееееет...;*** *<...> пришла домой от парня, колени красные. мама увидела и серьезно спрашивает «это тебя так комары покусали, аллергия пошла?», а я сижу киваю, и* ***стыыдно)****; Ждать ребенка и совершать такие мерзкие и бесчеловечные поступки****!!!***

– ***использование заглавных букв:*** *Меня всегда интересовало, как* ***ТАКОЙ*** *мужчина мог влюбиться в маму <...>; Да волнуются, но как бы это ответственность* ***ДВУХ*** *людей. И она явно не против воли ложится в постель.; Ч****ТО*** *это было?! Ты* ***БЫВШАЯ*** *жена моего* ***ЖЕНАТОГО*** *второй раз брата!*

– ***использование многоточия:*** *А рядом с диваном стоит горшок, на диване сестренка содержимым своего горшка расписывает стену! Ну, вымыли, побелили заново...; Моя зараза перешла на сестренку, теперь мы ржали вдвоем... Идем и ржем, просто жесть, остановиться не можем. Прошло более 20 лет, мне так стыдно…*

– **добавление смайлов***: И эта хрень у меня с детства. Без понятия, откуда это все:* ***(****В нашей жизни потом произошло много всяких событий, но почему-то этот момент я помню ярче, чем даже свадьбу****));*** *Мне кажется, что даже если мне понадобится срочная операция, то бабушка настоит на том, чтобы ее сделали моей сестре, а мне «как-нибудь в следующий раз»****:((***

4) на **лексическом уровне** тексты характеризуются большим количеством:

– **разговорной, сниженной, просторечной, оценочной лексики:** *А я-то думал, что я ее наказываю. Чувствую себя полным* ***придурком;*** *Моя бабушка отбила мужика у своей родной сестры и родила от него 10 детей; И еще сказала, что друг-то, епты, мертвый уже, че слезы лить три дня на могиле, я-то вот тут, живая, да не друг, а дочь твоя. Короче,* ***пиздец!;*** *Мама постоянно жрет. Временно живем вместе. Продукты и готовка на мне*;

– **образных слов и выражений:** ***Лень – двигатель всего!*** *Я курильщица, покупала сразу по 5–10 пачек сигарет, чтобы впрок запастись. И когда у меня закончилась последняя пачка сигарет, идти за новой стало лень; Спокойно закрывает дверь, мы одеваемся, и он меня,* ***красную как рак,*** *идет знакомить с мамой и пить чай.*

В текстах частотно использование приема лексического повтора: *Бабы –* ***самые*** *неадекватные создания на свете.* ***Самые****; Ужасно, когда человек, которого ты любишь* ***больше всего****,* ***больше всего*** *любит самого себя, а с тобой ему удобно. И не уйти, и жить с этим уже слез не хватает*;

5) **грамматический уровень**.

С точки зрения частеречной принадлежности тексты характеризуются большим количеством:

– **глаголов прошедшего времени:** *На днях отравили мою собаку. Живу в доме, собака находилась в вольере рядом с забором, неагрессивная, милая. На мимо проходящих пес не* ***кидался****, никому вреда не причинил. <...>#Подслушано_собака@ overhear; Утром* ***проснулась, побежала*** *на работу. Муж в отпуске, спит.* ***Прибежала*** *на работу – хвать! –* ***забыла*** *телефон. Ничего, живу рядом, побежала за телефоном.* ***Прибежала*** *к подъезду – ключи от дома* ***забыла*** *на работе на столе! <...>* ***Вернулась*** *за ключами – телефона дома нет! И мужа нет. Видно,* ***проснулся****, увидел телефон и* ***решил*** *мне отнести. #Подслушано_провал@ overhear*;

– **наречий меры и степени:** ***очень, сильно, намного, безумно, жутко*** (в значении много) и т. д.: *В детстве была* ***жутко*** *застенчивой; Я* ***очень*** *заволновалась, но постеснялась попросить вызвать скорую; Ее* ***очень*** *люблю, но и жену так и не смог забыть; В детстве* ***безумно*** *нравилось разглядывать разные узоры на шторах, коврах, обоях, тени от деревьев на стене.*

Вместо собственных имен с целью сохранения анонимности используются **личные местоимения**: *Поехали в горы отдыхать. ...* ***Мы*** *пошли искать, наткнулись на огромную паутину, на которой сидел здоровенный черный* ***паук.*** *Эта* ***дура*** *сказала, что* ***он*** *очень милый, и решила палочкой* ***его*** *потыкать.* ***Я*** *ничего не успела сделать, как* ***он*** *прыгнул* ***ей*** *на лицо. Как же* ***я*** *орала!* ***Он*** *в размерах занимал почти все* ***ее*** *лицо.* ***Я*** *ничего умнее не придумала, как треснуть по* ***нему*** *палкой.* ***Он*** *отскочил, у* ***девочки*** *синяк. Больше в горы не поеду. #Подслушано_провал@overhear*

На синтаксическом уровне тексты характеризуются небольшим размером, чаще всего включают один или два абзаца: *Вчера разбил стекло на айфоне. Сходил к мастеру и поменял его, пришел уставший и лег спать, телефон положил рядом с собой. Просыпаюсь уже утром, спросонья не могу найти телефон, запутался в одеяле, оказывается. В мою голову не пришло ничего лучше кроме как хорошенько встряхнуть одеяло. В итоге еду снова менять стекло, но уже, пожалуй, к другому мастеру... #Подслушано_провал@overhear*

Частотны **восклицательные и вопросительные предложения**: *Коллектив – просто ад на Земле.* ***И это учителя!*** *Надеюсь, та школа такая одна; Есть у меня сосед, общаемся довольно-таки долго.* ***Но не следит за собой вообще!****; Я беременная и он так со мной,* ***а что дальше будет?;*** *Прошло с тех пор уже 25 лет, а я все понять не могу:* ***зачем он нам звонил столько времени и за что мне все это?;*** **риторические вопросы**: *Вдруг мужчина моей мечты у меня в постели и я занята****?!;*** *Чувак, кто твой оператор****?!?!*** *У меня в Китае на земле сеть хуже ловила!*

С целью пояснения или дополнения высказанной мысли и/или замечания, синтаксически не связанного с предложением, в текстах используются скобки или тире: *Если бы она позвонила в дороге и сказала, что она едет, во сколько она приедет и попросила пустить переночевать – ноу проблем; Идешь, а они подсвечиваются в толпе: вот эта 11-летняя кудрявая школьница – мой будущий инструктор по йоге; вон тот долговязый худой грустный подросток – мой будущий директор; о, а вот этот скромный пацан со смешными усиками – мой будущий муж; Однажды в такую дурацкую ночь-утро (время 04:10), я зашел в ВК и уви-*

дел, что она онлайн; Когда родила, довольно сильно поправилась (16 кг) и заметила, что муж стал тихонько хрюкать мне на ушко.

Разумеется, изучаемый РЖ не ограничен текстами только одной группы. В России на основе этого проекта появляется множество подобных групп. Эти проекты в целом имеют те же характеристики, что и «Подслушано», но отличаются наличием или отсутствием некоторых компонентов, ограниченностью определенной темы, связанной с профессией или регионом проживания авторов. Например, тексты в публичной группе «Подслушано у учителей» [20] в социальной сети «Вконтакте» (*215,8 тыс. подписчиков)* имеют характеристики **этикетного обращения в начале текстов:** *Здравствуйте, уважаемые коллеги! Коллеги,... Добрый вечер и другие; характеризуются* **использованием жаргонизмов профессиональной сферы:** *Добрый день, коллеги! Хотела узнать ваше мнение по одному вопросу. Анонимно, пожалуйста! Я* ***МС*** *(нагрузка-20 часов, веду русский язык и литературу); Помогите, пожалуйста, советом.* ***МС****, работаю меньше года. Сейчас веду математику в двух классах +* ***индивидуальников****; Знаю, что всегда есть коллеги, которых все устраивает в работе, но хочу услышать и другие мнения. Как вообще справляетесь на* ***экз-х?***

Хэштег и логотип не являются необходимыми составными компонентами речевого жанра интернет-откровения, посты в публичной группе «Подслушано у учителей» могут сопровождаться фотографиями и видео.

Заключение

Таким образом, изучение РЖ интернет-откровения весьма актуально в настоящее время. Это вторичный, информативный РЖ с элементами оценочного. Данный жанр представляет собой уникальное жанровое образование, обладающее определенной композицией, собственной стилистикой, особым языковым воплощением. Категориальными признаками интернет-откровения выступают: анонимность, повествование от первого лица, виртуальное пространство общения, направленность на большую аудиторию, посредственность и асинхронность коммуникации. Тексты характеризуются относительно стабильной композицией и содержанием.

Изучение отдельных РЖ представляется перспективным в плане создания энциклопедии речевых жанров. Предложенная методика анализа РЖ интернет-откровения может быть использована при описании других комплексных информативных речевых жанров интернет-коммуникации.

Список источников

1. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сб. науч. тр. Орел.: Орловский гос. ин-т культуры, 2007. С. 223–237.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.
3. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникации. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
4. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.
5. Рыжков М. С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2010. 273 с.
6. Патрушева Л. С. Форум как речевой жанр интернет-дискурса: на материале русско- и англоязычных чатов: дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 183 с.
7. Дахалаева Е. Ч. Интернет-комментарий и интернет-отзыв: параметры жанрового разграничения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1299.
8. Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.
9. Кожеко А. В. Эпистолярные жанры интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 328 с.
10. Ковальчукова М. А. Анонс как речевой жанр (на материале интернет-дискурса) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. № 30. С. 54–57.
11. Официальный сайт проекта «Подслушано». URL: https://vk.com/overhear (дата обращения: 02.05.2023).
12. Блувберг С. В. Религиозный дискурс. Структура и специфические признаки протестантской проповеди как разновидности религиозного дискурса // Социальная политика и социология. 2007. № 2. С. 223–235.
13. Топорова А. В. «Книга» Анджелы да Фолиньо как образец жанра откровений // Вестник КГУ. 2007. № 1. С. 78–82.
14. Грамота.ру. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=откровение&all=x&lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x (дата обращения: 15.09.2023).
15. Колмогорова А. В. Использование текстов жанра «Интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2019. Т. 17, № 3. С. 71–82.

16. Янкина Т. В. Речевой жанр откровения в Интернет-дискурсе (на материале текстов группы «Подслушано» социальной сети «Вконтакте»): выпускная бакалаврская работа. Филология. 2017. 60 с.
17. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 40 с.
18. Загадочный автор знаменитого паблика во «ВКонтакте» вышел из тени и дал интервью. URL: https://lenta.ru/news/2020/12/25/public_vk/ (дата обращения: 10.05.2023).
19. Ильина И. А. Хэштег как лингвистический феномен // Ученые записки Санкт-Петербургского ун-та технологий управления и экономики. 2016. № 3. С. 41–44.
20. «Подслушано у учителей» // Публичная группа соцсети ВКонтакте. URL: https://vk.com/secrets_of_teachers (дата обращения: 10.05.2023).

References

1. Goroshko E. I. Lingvistika Interneta: formirovaniye distsiplinarnoy paradigmy [Linguistics of the Internet: the formation of a disciplinary paradigm]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Genres and types of text in scientific and media discourse: interuniversity collection of scientific papers]. Orel, Orel State Institute of Culture Publ., 2007. pp. 223–237 (in Russian).
2. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy: v 7 tomakh.* Tom 5 [Collected works: in 7 volumes. Vol. 5]. Moscow, Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., 1996. P. 159–206 (in Russian).
3. Sedov K. F. Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoy kommunikatsii [Man in the genre space of everyday communication]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnaya kommunikatsii* [Anthology of speech genres: everyday communications]. Moscow, Labirint Publ., 2007. P. 7–38 (in Russian).
4. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Speech Genre Model]. *Zhanry rechi*, 1997, no. 1, pp. 88–98 (in Russian).
5. Ryzhkov M. S. *Rechevyye strategii uchastnikov sinkhronnogo internet-diskursa. Dis. … kand. filol. nauk* [Speech strategies of participants in synchronous Internet discourse. Diss. ... cand. philol. sci.]. Yelets, 2010. 273 p. (in Russian).
6. Patrusheva L. S. *Forum kak rechevoy zhanr internet-diskursa: na materiale russko- i angloyazychnykh chatov. Dis. … kand. filol. nauk* [Forum as a speech genre of Internet discourse: on the material of Russian and English chats. Dis. ... cand. philol. sci.]. Izhevsk, 2015. 183 p. (in Russian).
7. Dakhalayeva Y. C. Internet-kommentariy i internet-otzyv: parametry zhanrovogo razgranicheniya [Internet Commentary and Internet Review: Parameters of Genre Discrimination]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*, 2014, no. 6, pp. 1299 (in Russian).
8. Rogacheva N. B. *Struktura i funktsionirovaniye vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov). Dis. … kand. filol. nauk* [The structure and functioning of secondary speech genres of Internet communication (on the basis of Russian and English languages). Diss. ... cand. philol. sci.]. Saratov, 2011. 23 p. (in Russian).
9. Kozheko A. V. *Epistolyarnyye zhanry Internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskiy i lingvostilisticheskiy aspekty. Dis. … kand. filol. nauk* [Epistolary genres of Internet communication: linguo-pragmatic and linguo-stylistic aspect. Diss. ... cand. philol. sci.]. Krasnoyarsk, 2020. 328 p. (in Russian).
10. Koval'chukova M. A. Anons kak rechevoy zhanr (na materiale internet-diskursa) [Announcement as a speech genre (on the material of Internet discourse)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 30, pp. 54–57 (in Russian).
11. *Ofitsial'nyy sayt proyekta "Podslushano"* [Official site of the project "Overheard"]. URL: https://vk.com/overhear (accessed 02 May 2023).
12. Bluvberg S. V. Religioznyy diskurs. Struktura i spetsificheskiye priznaki protestantskoy propovedi kak raznovidnosti religioznogo diskursa [Religious discourse. Structure and specific features of Protestant preaching as a type of religious discourse]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, 2007, no. 2, pp. 223–235 (in Russian).
13. Toporova A. V. «Kniga» Andzhely da Folin'o kak obrazets zhanra otkroveniy ["The Book" of Angela da Foligno as an example of the genre of revelations]. *Vestnik KGU – Vestnik of Kostroma State University*, 2007, no. 1, pp. 78–82 (in Russian).
14. *Gramota.ru.* URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=откровение&all=x&lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x (accessed 15 September 2023)
15. Kolmogorova A. V. Ispol'zovaniye tekstov zhanra «Internet-otkroveniye» v kontekste resheniya zadach sentiment-analiza [Using Texts of the "Internet Revelation" Genre in the Context of Solving the Problems of Sentiment Analysis]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NSU*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 71–82 (in Russian).
16. Yankina T. V. *Rechevoy zhanr otkroveniya v Internet-diskurse (na materiale tekstov gruppy «Podslushano» sotsial'noy seti «Vkontakte»): vypusknaya bakalavrskaya rabota. Filologiya* [The Speech Genre of Revelation in Internet Discourse (Based on the Texts of the Overheard Group of the VKontakte Social Network): bachelor's thesis. Philology]. 2017. 60 p. (in Russian).
17. Shchipitsina L. Y. *Kompleksnaya lingvisticheskaya kharakteristika komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii (na materiale nemetskogo yazyka). Avtoref. dis. … dokt. filol. nauk* [Complex linguistic characteristics of computer-mediated communication (based on the German language). Abstract of thesis ... doc. philol. sci.]. Voronezh, 2011. 40 p. (in Russian).

18. *Zagadochnyy avtor znamenitogo pablika vo "VKontakte" vyshel iz teni i dal interv'yu* [The mysterious author of the famous public on VKontakte came out of the shadows and gave an interview]. URL: https://lenta.ru/news/2020/12/25/public_vk/ (accessed 10 May 2023).
19. Il'ina I. A. Kheshteg kak lingvisticheskiy fenomen [Hashtag as a linguistic phenomenon]. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki – Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 2016, no. 3, pp. 41–44 (in Russian).
20. «Podslushano u uchiteley» ["Overheard from teachers"]. *Publichnaya gruppa sotsseti VKontakte* [Public group of the Vkontakte social network]. URL: https://vk.com/secrets_of_teachers (accessed 10 Мая 2023).

Информация об авторе

Цуй Хуэйин, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: cuihuiying1990@gmail.com

Information about the author

Cui Huiying, postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: cuihuiying1990@gmail.com

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 07.06.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 50–58.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 50–58.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81’255.2
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-50-58

Особенности перевода безэквивалентной лексики в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» на английский язык

Ольга Евгеньевна Рейнбах[1], Надежда Вадимовна Крицкая[2]

[1, 2] Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
[1] oe.reynbakh@gmail.com
[2] nadia66@mail.ru

Аннотация

Термин «безэквивалентная лексика» (БЭЛ) объединяет культурно-специфичные единицы, которые невозможно выразить на иностранном языке с помощью точного соответствия. Вместе с тем существует ряд приемов, позволяющих приблизить понимание иностранным реципиентом таких единиц. Соотнесение приемов перевода со стратегиями доместикации или форенизации позволяет оценить воспроизведение национально-культурного компонента в конкретном переводном тексте. Актуальность работы определяется важностью адекватной передачи безэквивалентной лексики при переводе текстов художественных произведений. Цель – выявление особенностей перевода безэквивалентной лексики на материале переводов романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» на английский язык. Материалами исследования послужил оригинальный текст романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», а также четыре его англоязычных перевода (1931–2009). В качестве методов применялись общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также частнонаучные методы описания и сопоставления, наряду с методом стилистического анализа текста. Безэквивалентная лексика в романе «Золотой теленок», действие которого происходит в период интенсивного формирования лексикона новой формации на фоне еще незабытых реалий царской России, представлена классами советизмов, наименований предметов и явлений традиционного быта, слов нерусского происхождения, историзмов, лексики фразеологических единиц, жаргонизмов и диалектизмов, фольклоризмов, а также авторских неологизмов. Сопоставительный анализ передачи данных групп БЭЛ в четырех англоязычных версиях позволяет говорить о методах, преимущественно использованных каждым из переводчиков для передачи культурной-исторической привязки исследуемого текста. Наиболее частотными оказались приемы описательного и приближенного перевода; далее следуют приемы гипонимического перевода и калькирования, а наименее популярным оказался прием перераспределения значения. Опущения в основном присущи ранним переводам романа (Ч. Маламут, Дж. Ричардсон); в версии К. Гуревича и Х. Андерсон преобладают приемы приближенного, описательного и гипонимического перевода; Э. Фишер, наряду с вышеописанным, также использует калькирование и дополняет текст переводческими комментариями. Соотнесение использованных приемов перевода БЭЛ со стратегиями форенизации и доместикации позволяет говорить о преобладании последней во всех изученных текстах; наиболее культурно-специфичной («форенизированной») оказалась версия Э. Фишер, а наиболее приближенным к реципиенту («доместицированным») – перевод К. Гуревича и Х. Андерсон.

Ключевые слова: *безэквивалентная лексика, «Золотой теленок», приемы перевода, доместикация, форенизация*

Для цитирования: Рейнбах О. Е., Крицкая Н. В. Особенности перевода безэквивалентной лексики в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» на английский язык // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 50–58. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-50-58

© О. Е. Рейнбах, Н. В. Крицкая, 2024

COMPARATIVE LINGUISTICS

Features of “The golden calf” by I. Ilf and E. Petrov Russian-English translation

Olga E. Reynbakh[1], Nadezhda V. Kritskaya[2]

[1, 2] Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
[1] oe.reynbakh@gmail.com
[2] nadia66@mail.ru

Abstract

The notion of in-equivalent vocabulary stands for culture-specific lexicon units in a source text considered impossible to render into target language without more or less significant losses. Although, there exist a number of translation techniques aimed to facilitate understanding of such words for foreign readers. Each of such techniques can be correlated to two opposite strategies of domestication and foreignization, thus enabling to measure the degree to which translators managed to recreate culture-specific component in translated text. The purpose of the research is to analyze the specific features of in-equivalent lexicon units translation in four English versions of “The Golden Calf” novel by I. Ilf and E. Petrov. The research is based on 320 in-equivalent lexicon units in five text sources: 1) И. Ильф, Е. Петров. «Золотой телёнок» (1931), 2) The Little Golden Calf (transl. Ch. Malamut, 1932), 3) The Complete Adventures of Ostap Bender (transl. J.H.C. Richardson, 1961), 4) The Little Golden Calf (transl. A. Fisher, 2009), 5) The Golden Calf (transl. K. Gurevich, H. Anderson, 2009). The methods applied are general scientific (observation and description) and linguistic (text analysis, comparative analysis). In-equivalent lexicon units in “The Golden Calf” novel, set against the background of intensive formation of new Soviet lexicon, includes several classes such as sovietizms (32% of all in-equivalent units), objects and phenomena of everyday life (18%), words of foreign origin (14%), historical words (12%), phraseological units (10%), jargon and dialect words (10%), folklore words (3%), and nonce-words (1%). The comparative study of translation of the given classes of in-equivalent vocabulary in analysed English versions of “The Golden Calf” reveals the methods preferred by each interpreter. More often the authors used the techniques of description and approximate translation; less popular were the methods of hyponymic translation and calque, with the restribution of meaning as the least favorable method. Matching the techniques of in-equivalent lexical units translation to foreignization and domestication strategies makes it possible to declare that the most foreignized is Ann Fisher’s version while the most domesticated one – the translation by K. Gurevich and H. Anderson.

Keywords: *in-equivalent lexicon units, “The Golden Calf”, translation techniques, domestication, foreignisation*

For citation: Reynbakh O. E., Kritskaya N. V. Osobennosti perevoda bezekvivalentnoy leksiki v romane I. Il’fa i E. Petrova «Zolotoy telyonok» na angliyskiy yazyk [Features of “The golden calf” by I. Ilf and E. Petrov Russian-English translation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 50–58 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-50-58

Введение

Термин «безэквивалентная лексика» имеет ряд дефиниций. Мы ориентируемся на определение Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, относивших к БЭЛ единицы языка, которые невозможно «сопоставить с какими-нибудь иноязычными лексическими понятиями» и «выразить на иностранном языке с помощью точного соответствия»; отражая специфику национальной культуры, они являются «хранителями национально-культурной семантики» [1, с. 7; 2, с. 22].

Современные классификации БЭЛ базируются на различных критериях. В качестве основной в данной работе выбрана классификация Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, включающая такие классы БЭЛ, как демократизмы, советизмы, наименования предметов и явлений традиционного быта, историзмы, лексику фразеологических единиц, фольклоризмы, а также слова нерусского происхождения. Кроме того, поскольку в силу многообразия БЭЛ ни одна классификация не способна вместить в себя весь спектр безэквивалентных единиц конкретного литературного текста, мы расширили ее на основе собранного материала, выделив еще две группы – жаргонизмы и авторские неологизмы.

Теоретики, занимавшиеся проблемой иноязычного воспроизведения БЭЛ, выдвигают схожие концепции относительно ее передачи, хотя количество и наименования предлагаемых переводческих приемов могут варьироваться.

Обобщая работы в области перевода БЭЛ, можно выделить следующие способы иноязычной передачи ее единиц: транслитерация/транскрипция, калькирование, приближенный перевод, гипонимический перевод, описательный перевод, перераспределение

значения, примечания переводчика, опущение [3, с. 92; 4, с. 152]. В свою очередь, каждый из приемов можно соотнести с одной из противоположных переводческих стратегий – доместикации или форенизации, что позволит оценить конкретный текст с точки зрения точности передачи в нем национально-культурной составляющей [5].

Материал и методы

Материалом исследования послужили 320 единиц БЭЛ в текстах:

1. И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок» (1931) [6].
2. The Little Golden Calf (пер. Ch. Malamut, 1932) [7].
3. The Complete Adventures of Ostap Bender (пер. J. H. C. Richardson, 1961) [8].
4. The Little Golden Calf (пер. A. Fisher, 2009) [9].
5. The Golden Calf (пер. K. Gurevich, H. Anderson, 2009) [10].

Использовались общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также частнонаучные методы описания и сопоставления, наряду с методом стилистического анализа текста.

Результаты и обсуждение

Роман «Золотой теленок» – второй в дилогии о похождениях великого комбинатора Остапа Бендера – был впервые опубликован в 1931 г., и уже в следующем году появились его первые переводы на европейские языки. Роман, сатирически изображающий социально-политические события в СССР 1920–30-х гг., часто называют энциклопедией советской жизни конца нэпа и начала пятилеток [11, с. 7], поскольку в нем упоминаются типовые ситуации и события эпохи: кадровые чистки, бюрократизм, «коммуналки», дефицит товаров, строительство Турксиба и др. Для передачи турбулентной атмосферы описываемого времени в «Золотом теленке» содержится значительное количество лексики, характерной для ранней советской эпохи.

Методом сплошной выборки в тексте романа выявлено 320 единиц БЭЛ, состав которой представлен на рис. 1.

В составе БЭЛ доминируют *советизмы* (32 %). Описываемый период характеризовался интенсивным формированием советского лексикона, когда, наряду с возникновением неологизмов, устоявшиеся лексемы приобретали новые общественно-политические смыслы. Кратко прокомментируем значения рассмотренных в статье единиц этого класса. *Рвачество* – поведение и поступки *рвача*, который в ущерб общему делу стремится извлечь как можно больше личных выгод и часто меняет работу в погоне за выгодными условиями; *обезличка* – распорядок, при котором отсутствует личная ответственность за порученную работу, механизмы и инструменты [12, с. 379]; *переверзевщина* – идеологический ярлык по имени В. Ф. Переверзева, основателя литературоведческой школы 1929–1930-х гг., позже разгромленной по обвинению в ревизионизме, отрицании классовой борьбы и проч. [13, с. 552]; *жакт* (от *жилищно-арендное кооперативное товарищество*) – добровольное объединение граждан для совместного использования жилого фонда.

К *наименованиям предметов/явлений традиционного быта* (18 % БЭЛ), в частности, относятся: *каравай* – обрядовое хлебобулочное изделие круглой формы, обычно выпекаемое по торжественному случаю; *смотрины* – обряд знакомства жениха и его родственников с невестой.

Рассмотрим значения проанализированных в рамках статьи *историзмов* (12 % БЭЛ): *мещанин* – представитель сословия в дореволюционной России, состоявшего из мелких торговцев, ремеслен-

Рис. 1. БЭЛ в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»

ников и низших служащих; *саженный* – от *сажени*, старорусской единицы измерения длины (2,13 м, упразднена с введением метрической системы мер).

Лексика фразеологических единиц (10 % БЭЛ) представлена, в частности, следующими единицами: *кукиш* – жест, демонстрирующий отказ в грубой форме; *рыть носом землю* – усердствовать в достижении цели.

Наиболее интересными из разряда *фольклоризмов* (3 % БЭЛ) мы посчитали композиты *старичок-боровичок* – безвредный лесной дух в образе седого старичка с шляпкой гриба на голове и *гуси-лебеди* – слуги Бабы Яги в одноименной сказке.

В качестве примера *жаргонизмов* и *диалектизмов* (10 % БЭЛ) отобраны единицы *шляпа* – рассеянный, глупый, доверчивый человек и *гусь* – бутылка объемом 3,075 л (*четверть*), по форме напоминавшая крупную птицу с длинной шеей.

В качестве иллюстрации передачи слов *нерусского происхождения* (14 % БЭЛ) интерес представляют лексемы *доха́* (от калмык. daχə) – длинная просторная шуба, надеваемая поверх другой верхней одежды, и *духанщик* – хозяин небольшого трактира на Кавказе и Ближнем Востоке.

Из *авторских неологизмов* (1 % БЭЛ) будут рассмотрены лексемы *Галантпром* (от *галантерейная промышленность*) и *Канцбум* (от *канцелярские товары и бумага*) – названия вымышленных предприятий, а также *милиция-троеручица* – аллюзия на икону Божией Матери «Троеручица».

На настоящий момент известны четыре перевода «Золотого теленка» на английский язык. Первый из них (1932), принадлежащий американцу русского происхождения, переводчику и журналисту Ч. Маламуту, выполнен на основе журнальной публикации романа и содержит фрагменты, не вошедшие в последующую книжную версию. Перевод Маламута является, с одной стороны, неполным (например, отсутствует комичная пишущая машинка с турецким акцентом), а с другой – частично искажающим авторские смыслы (так, странный гражданин, в оригинале загорающий на пляже полностью одетым, из *ополоумевшего холостяка* трансформировался в *onanistic bachelor*) [14, с. 63].

Второй перевод (1961) выполнен оксфордским профессором Дж. Ричардсоном, который, как и его предшественник, не избежал соблазна облегчить задачу, исключив труднопереводимые моменты текста. Помимо опущений перевод Ричардсона содержит ряд неточностей: отсутствуют отчества персонажей, англицированы имена Шура (*Alex*), Коля (*Nicky*) и пр.

Третий и четвертый переводы появились практически одновременно (2009), однако их авторы преследовали разные цели. Энн О. Фишер – литературный переводчик и преподаватель перевода – имела задачей максимальное приближение к оригиналу и исправление недостатков первых двух переводов [15], поскольку «маламутский перевод яркий и живой, но неровный, местами непонятный, а перевод Ричардсона более читаемый и плавный, однако теряет яркий юмор и живость» [14, с. 64].

К. Гуревич и Х. Андерсон, перевод которых выполнен в рамках проекта, направленного на расширение доступа англоязычных читателей к мировой литературе, также стремились восполнить пробелы своих предшественников, восстановив опущенные фрагменты текста; в предисловии авторы поясняют, что их перевод нацелен на максимально широкую англоязычную аудиторию, в силу чего некоторые из труднопереводимых пассажей были упрощены.

Рассмотрим результаты анализа переводов перечисленных выше единиц БЭЛ (подчеркнуты в тексте):

а) *советизмы.*

Придется поставить вопрос о рвачестве [6, с. 14]. Рассматриваемый пример взят из эпизода, в котором инженер Талмудовский покидает рабочее место в связи с неудовлетворенностью условиями проживания и размером зарплаты: «квартира – свинюшник, театра нет, оклад…» [там же]. Ч. Маламут использует лексему *graft* [7, p. 6], означающую в варианте английского языка незаконную деятельность, связанную с нечестным использованием власти и денег; таким образом, инженера обвиняют в коррупции и взяточничестве, что не соответствует описанной в оригинале ситуации (приближенный перевод). В последующих переводах Талмудовский обличается в излишнем эгоизме (*being too selfish* [8, p. 6]), корыстном отношении (*self-serving attitude* [9, с. 40]) и чрезмерной жадности (*excessive greed* [10, p. 9]) (описательный перевод). Э. Фишер также приводит комментарий, поясняющий, что частая смена рабочего места в поисках более высокой оплаты была проблемой для экономики СССР первых пятилеток и нередко высмеивалось в прессе [9, p. 424] (описательный перевод + послетекстовый комментарий).

Обезличка и *переверзевщина* присутствуют в эпизоде, призывающем к борьбе с *головотяпством, хулиганством, пьянством, обезличкой, бесхребетностью и переверзевщиной* [6, p. 219]. В переводе Ч. Маламута обе рассматриваемые лексемы опущены. У Дж. Ричардсона отсутствует только *переверзевщина*; *обезличка* передана описательно при помощи словосочетания *shirking of responsibility* (уклонение от ответственности) [8, p. 220]. Э. Фишер воспользовалась различными приемами для передачи каждой из лексем: *обезличка* переведена описательно – *indifference to personal responsibility* (безразличие к личной ответственности),

переверзевщина калькирована при помощи неологизма *Pereverzevism* и дополнена послетекстовым комментарием [9, pp. 250, 434]. Гуревич и Андерсон в обоих случаях используют описательный перевод: *avoidance of responsibility* (избегание ответственности) и *anti-marxist distortions* (антимарксистские искажения) [10, p. 182].

Аббревиатуру *жакт* (*В один жакт явилась старушка и говорит* <…>) [6, с. 353] Ч. Маламут передал описательно при помощи расшифровки *house tenant's cooperative association* (корпоративное товарищество арендаторов дома) [7, p. 373]; Э. Фишер также воспользовалась приемом описательного перевода (*apartment co-op office* – офис квартирного кооператива [9, p. 396]); Гуревич и Андерсон удовлетворились словосочетанием *rental office* (офис по сдаче квартир в аренду) [10, p. 304], что соотносится с приближенным переводом. Наиболее интересен описательный перевод Дж. Ричардсона, являющийся примером переводческой ошибки на основе неверной расшифровки исходной аббревиатуры, в результате чего *жилищно-арендный кооператив* трансформировался в *Women's Loan Co-operative* (женский ссудный кооператив) [8, p. 363];

б) *наименование предметов и явлений традиционного быта*.

Лексему *каравай*, от которого Паниковский *все время отщипывал кусочки и в конце концов проделал в нем мышиную дыру* [6, с. 76], Ч. Маламут, как и Дж. Ричардсон, опускает; Э. Фишер, К. Гуревич и Х. Андерсон применяют описательный перевод, заменив *каравай* словосочетаниями *round, decorated loaf* (круглая, украшенная буханка) [9, p. 106] и *round loaf* (круглая буханка) [10, p. 62].

Единица *смотрины* фигурирует в эпизоде, в котором советские люди и иностранцы, сидя в купе порознь, рассматривают друг друга; слово используется метафорически и создает комический эффект: *Тут же, за ужином, состоялись смотрины* [6, с. 290]. В двух из четырех переводов применен прием перераспределения значения: Ч. Маламут заменяет словосочетание *состоялись смотрины* на *they appraised each other* (они оценили друг друга) [7, p. 301]; в переводе К. Гуревича и Х. Андерсон *the two sides sized each other up quietly* (обе стороны молча оценили друг друга) [10, p. 245]. Смысл рассматриваемой лексемы во обоих случаях передан адекватно, однако потеряны культурная и ироническая составляющие. Э. Фишер воспользовалась описательным переводом – *ritual viewing of the marriageable girls* (ритуальный смотр девушек на выданье), сделав акцент на комическом [9, p. 326]; Дж. Ричардсон предпочел опустить предложение целиком;

в) *историзмы.*

Лексема *мещанин* (*В 1915 году мещанин Саша Корейко был двадцатитрехлетним бездельником* <…>) [6, с. 54] у Ч. Маламута опущена. Дж. Ричардсон, К. Гуревич и Х. Андерсон используют современное словосочетание *middle class*, не имеющее исторических коннотаций, благодаря чему их решения можно соотнести с приближенным переводом [8, p. 50; 10, p. 44]. Э. Фишер передала историзм при помощи прилагательного *petty bourgeois* (мелкобуржуазный; маркировал принадлежность к низшему среднему классу, со временем приобретя негативные коннотации мелочности, дурновкусия и ограниченности взглядов) [9, p. 82], что можно отнести к приближенному переводу с сохранением исторической и оценочной составляющих.

Для перевода историзма *саженные* в предложении *Солнце прыгало по саженным стеклам вертящейся двери* <…> [6, с. 118] Ч. Маламут, К. Гуревич и Х. Андерсон использовали прилагательные *enormous* (гигантские) и *huge* (огромные), не имеющие исторических коннотаций [7, p. 113; 10, p. 98]; Э. Фишер воспользовалась приближенным переводом, конвертировав русские сажени в английские футы (*seven-foot*) [9, p. 149]; Дж. Ричардсон ошибочно связал прилагательное *саженные* с существительным *сажа,* переведя *саженные* как *sooty* (закопченные) [10, p. 117];

г) *лексика фразеологических единиц*.

Словосочетание *показывать кукиш* появляется в рамках одного эпизода несколько раз: *Седок* <…> *время от времени показывал своему собеседнику кукиш.* <…> *крикнул длиннополый, отводя от своего лица инженерский кукиш.* <…> *ответил Талмудовский, стараясь вернуть кукиш на прежнюю позицию.* <…> *кричал инженер, взволнованно описывая кукишем всевозможные кривые. Тут инженер Талмудовский быстро разжал кукиш* <…> [6, с. 14]. В первом случае Ч. Маламут воспроизводит идиому при помощи *thumbed a fig* [7, p. 6], что на русский можно перевести как «показал большим пальцем фигу» (в англоязычных культурах – грубый жест, схожий с выставлением среднего пальца); в дальнейшем переводчик ограничивается словосочетанием *thumbing gesture* [7, p. 6]. Дж. Ричардсон сначала воспользовался описательным переводом – *making a rude sign with his fingers* (делая пальцами грубый знак) [8, p. 6], а далее использовал гипонимический перевод. Э. Фишер калькировала исходное словосочетание при помощи *giving the fig*, пояснив значение жеста в послетекстовом комментарии, что позволило ей в дальнейшем обходиться одним лишь словом *fig* [9, p. 40, 424]. К. Гуревич и Х. Андерсон в первом случае перевели словосочетание описательно (*shook a finger in vehement disagreement* – потряс пальцем в неистовом несогласии), в последующем заменив *кукиш*

на *finger* (палец) и *hand* (рука) [10, p. 9] (гипонимический перевод).

Фразеологизм *рыть носом землю* (*Как же Бубешко, Иван Николаевич? <…> Наверное, землю носом роет?*) [6, с. 354] Ч. Маламут перевел буквально (*he's digging the ground with his nose*) [7, p. 374], что выглядит комично на фоне отсутствия данной идиомы в английском языке; Дж. Ричардсон использовал словосочетание *having an easy time* (легко проводит время, прохлаждается) [8, p. 364], тем самым исказив смыл оригинала на противоположный; Э. Фишер предпочла выражение *to pull one's hair out* (выдергивать волосы) в значении «быть очень обеспокоенным чем-л.» в [9, p. 397]. К. Гуревич и Х. Андерсон перевели идиому при помощи фразеологизма *dig in one's heels* (упереться пятками) в значении *сохранять бескомпромиссную позицию, несмотря на возражения* [10, p. 305]. Выбор Э. Фишер, К. Гуревич и Х. Андерсон соотносится с приближенным переводом;

д) *фольклоризмы*.

Лексему *старичок-боровичок* в пассаже *Остаются трое: красномордый подхалим с белыми глазами, старичок-боровичок в железных очках и толстый барбос серьезнейшего вида* [6, с. 127] Ч. Маламут переводит описательно – *little old man who looks like a mushroom* (старичок, похожий на гриб) [7, p. 122]. Дж. Ричардсон неверно истолковал корень исходного слова, перепутав *боровика* с *боровом*, в результате чего лесной дух трансформируется в *свинолицего старика* (*pig-faced old man*) [8, p. 125], что можно соотнести с приемом калькирования. Э. Фишер использует композит *geezer-Ebenezer* [9, p. 157], где *geezer* обозначает старого чудака, а *Ebenezer* является отсылкой к диккенсовскому скупердяю Скруджу; таким образом, приближенный перевод приводит к трансформации оригинального образа. К. Гуревич и Х. Андерсон переводят фольклоризм словосочетанием *little old man* (старичок) [10, p. 105], что можно соотнести с гипонимическим переводом.

Фольклоризм *гуси-лебеди* (*Ну, гуси-лебеди, что поделывали?*) [6, с. 251] Ч. Маламут воспроизводит при помощи *swan-brothers* – аллюзии к заколдованным принцам в сказке Андерсена «Дикие лебеди» [7, p. 257], в результате чего изначально отрицательная идиома приобретает положительную коннотацию (приближенный перевод). Дж. Ричардсон использует словосочетание со словом *fellow* [8, p. 254], что можно соотнести с гипонимическим переводом, а Э. Фишер – лексему *henchmen* (некто, делающий что-л. неприятное/незаконное за влиятельного человека), что в целом соответствует смыслу оригинала (описательный перевод) [9, p. 285]. К. Гуревич и Х. Андерсон используют словосочетание *boys and girls* [10, p. 211] – фамильярную версию обращения *ladies and gentlemen* (приближенный перевод);

е) *жаргонизмы*.

Дж. Ричардсон передает значение единицы *шляпа* (*Другой бы на его месте карьеру сделал, <…> а этот – шляпа*) [6, с. 54] при помощи лексемы *drip*, имеющей в качестве жаргонного значение *скучный человек без сильного характера* (приближенный перевод) [8, p. 50]. Остальные переводчики нашли синонимы к исходному жаргонизму: Ч. Маламут – не нуждающееся в комментариях *idiot* [7, p. 51], Э. Фишер – лексему *pushover* в значении *тот, на кого легко повлиять/убедить победить*) [9, p. 81], К. Гуревич и Х. Андерсон – интернационально понятное слово *loser* [10, p. 43]. Поскольку все варианты имеют единственное значение, можно отнести решения переводчиков к гипонимическому переводу.

Забавное слово *гусь* (*На кровати лежит! <…> Цельный гусь, четверть хлебного вина*) [6, с. 238] Ч. Маламут и Дж. Ричардсон поняли буквально; в оригинале между *гусем* и *четвертью* стоит запятая (что указывает на пояснение значения), тогда как переводчики использовали сочинительный союз *and*, в результате чего на кровати оказались и гусь, и бутылка водки: *A whole goose! And a whole bottle of vodka!* [7, p. 243]; *A whole goose and a quart of vodka* [8, p. 240]. Э. Фишер, К. Гуревичу и Х. Андерсон удалось расшифровать контекстуальное значение жаргонизма: Фишер использовала калькирование в сочетании с переводческим комментарием [9, pp. 270, 435], К. Гуревич и Х. Андерсон предпочли описательный перевод – *bottle of vodka, a big one* (бутылка водки, большая) [10, p. 199];

ж) *слова нерусского происхождения*.

Словосочетание с единицей *доха* (*Завернувшись в рыжую коровью доху <….>*) [6, с. 36] Ч. Маламут перевел одним словом *cowhide* (коровья шкура) [7, p. 32]; Дж. Ричардсон и Э. Фишер использовали слово *coat* (пальто), что можно соотнести с гипонимическим переводом [8, p. 32; 9, p. 65]. К. Гуревич и Х. Андерсон предпочли описательный перевод, передав лексему *доха* словосочетанием *thick fur coat* (толстое меховое пальто) [10, p. 29].

В случае *духанщика* двое авторов прибегли к приему приближенного перевода: Ч. Маламут при помощи слова *innkeeper* (где *inn* – это *трактир*) [7, p. 439]; Дж. Ричардсон предпочел словосочетание *dive owner* с *dive* в значении *обшарпанного и неблаговидного заведения* [8, p. 341]; Э. Фишер использовала транслитерацию *dukhan-owner*, дополненную комментарием [9, pp. 334, 479]. Перевод К. Гуревич и Х. Андерсон *proprietor* (собственник) соотносится с приемом гипонимического перевода [10, p. 286];

з) *авторские неологизмы*.

Аббревиатуры *Галантпром* и *Канцбум* (*За ним канули в небытие Галантпром и Канцбум*) [6, с. 170] Ч. Маламут без каких-либо пояснений транслитерирует как *Galantprom and Kanzbum* [7, p. 170]); Ричардсон заменяет их фамилиями владельцев упомянутых предприятий (*He was followed into oblivion by Kulturtriger and Sokolovsky*) [8, p. 170]. К. Гуревич и Х. Андерсон создают собственные неологизмы: в случае *Галантпрома* соединено сокращение от *haberdashery* (галантерейный магазин) со словом *trade* (торговля) – *Habertrade*; для передачи *Канцбума* сокращены основы слов в словосочетании *office supply* (канцелярские товары) – *Offisuppl* [10, p. 142]. Действия переводчиков можно отнести к частичному калькированию. Схожим образом поступила Э. Фишер – *Offsupply* для *Канцбума* и комбинация *Small Goods* (мелкие товары) с сокращением *Mfg*. (от *manufacturing* – мануфактура) для Галантпрома – воспользовавшись, таким образом, приемами частичного калькирования и приближенного перевода [9, p. 200].

Окказионализм *милиция-троеручица* (*Матушка-заступница, милиция-троеручица! – воскликнул Осман*) [6, с. 207] Ч. Маламут заменяет на *all the powers that be* (все власть предержащие) [7, p. 213], что можно соотнести с гипонимическим переводом. Дж. Ричардсон меняет исходное предложение целиком на *Lordy, lordy* (Боже, боже) [8, p. 208], используя прием опущения с потерей (как и в предыдущем примере) и комической, и культурной составляющих. Э. Фишер сопровождает калькирование *Three-Handed Mother of Police* переводческим комментарием, объясняющим как значение отдельных компонентов, так и заложенную авторами иронию [9, pp. 238, 434]. К. Гуревич и Х. Андерсон переводят лексему словосочетанием *Divine Interception* (божественный перехват) [10, p. 172] – аллюзией на *Divine Providence* (божественное провидение), передавая заложенный в оригинале диссонанс, но упуская культурную составляющую (приближенный перевод).

Заключение

Результаты полного анализа (описанного в данной статье лишь выборочно) суммированы на рис. 2. Чаще всего переводчики прибегали к приемам описательного и приближенного перевода; далее следуют приемы гипонимического перевода и калькирования; наименее частотным оказался прием перераспределения значения.

Анализ свидетельствует, что в тексте К. Гуревича и Х. Андерсон преобладают приемы приближенного, описательного и гипонимического перевода; Э. Фишер чаще других использует калькирование, и единственная из всех дополняет текст поясняющими комментариями. К опущению прибегали только Ч. Маламут и Дж. Ричардсон, причем у последнего данный прием является одним из преобладающих.

Сгруппировав использованные приемы в соответствии со стратегиями доместикации и форенизации, можно судить о предпочтениях каждого из переводчиков (рис. 3).

Из графика следует, что во всех изученных переводах преобладают приемы доместикации; наиболее «форенизированной» предстает версия Э. Фишер, что соответствует ее стремлению максимально приблизить перевод к тексту оригинала. Наиболее «доместицированным» является перевод К. Гуревича и Х. Андерсон, отражающий цель авторов сделать его доступным для максимально широкой англоязычной аудитории.

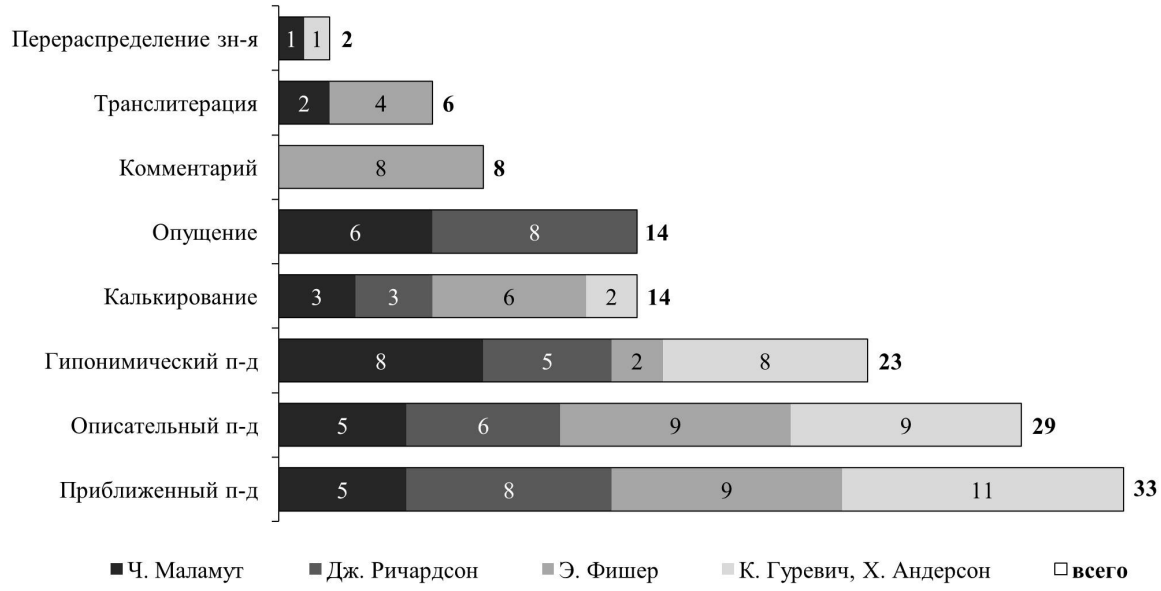


Рис. 2. Частотность употребления приемов передачи БЭЛ в англоязычных переводах

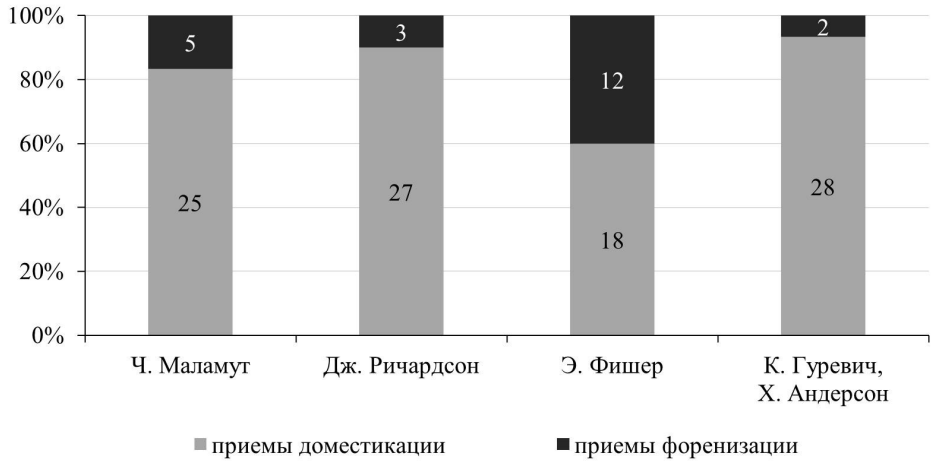


Рис. 3. Количество и соотношение приемов доместикации и форенизации в англоязычных переводах

Список источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы: учеб. пособие. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
2. Масляков В. С. Анализ итальянских реалий в русском языке // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 344. С. 22–25.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе: учебное пособие. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
4. Латышев Л. К., Северова И. Ю. Технология перевода: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. 263 с.
5. Venuti L. Strategies of translation. In M. Baker (Ed.), Encyclopedia of translation studies. London; New York: Routledge, 1998. P. 240–244.
6. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: Флюид ФриФлай, 2015. 432 с.
7. Il'f I., Petrov E. The Little Golden Calf (transl. by Charles Malamuth). N.Y.: Farrar & Rinehart, 1932. 402 p.
8. Il'f I., Petrov E. The Complete Adventures of Ostap Bender (transl. by John H. C. Richardson). N.Y.: Random House, 1961. 390 p.
9. Il'f I., Petrov E. The Little Golden Calf (transl. by Anne O. Fisher). Montpelier: Russian Life books, 2009. 448 p.
10. Il'f I., Petrov E. The Golden Calf (transl. by K. Gurevich and H. Anderson). Rochester: Open Letter, 2009. 336 p.
11. Одесский М. П. Миры И. А. Ильфа и Е. П. Петрова. М.: РГГУ, 2015. 293 с.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 704 с.
13. Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.
14. Фишер А. О. Доклад о переводе романов Ильфа и Петрова: материалы II Международного конгресса литературных переводчиков, 08.09.2012. М.: РКП, 2017. С. 61–78.
15. Фишер Э. Остап Бендер говорит по-английски: интервью с переводчицей // И. Ильф и Е. Петров: официальный сайт. 26.03.18. URL: http://ilf-petrov.ru/news/item/f00/s00/n0000097/index.shtml (дата обращения: 08.08.2023).

References

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Y*azyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskiye kontseptsii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguocultural theories: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientems]. Moscow, Indrik Publ, 2005. 1037 p. (in Russian).
2. Maslyakov V. S. Analiz ital'yanskikh realii v russkom yazyke [The analysis of Italian realia in Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 344, pp. 22–25 (in Russian).
3. Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 342 p. (in Russian).
4. Latyshev L. K., Severova I. Y. *Tekhnologiya perevoda* [The Technology of Tranlation]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 263 p. (in Russian).
5. Venuti L. *Strategies of translation*. In M. Baker (Ed.), Encyclopedia of translation studies. L&N.Y.: Routledge, 1998. Pp. 240–244.
6. Il'f I., Petrov E. *Zolotoy telyonok* [The Golden Calf]. Moscow, Flyuid FreeFly Publ., 2015. 432 p. (in Russian).
7. Il'f I., Petrov E. *The Little Golden Calf (transl. by Charles Malamuth)*. N.Y.: Farrar & Rinehart, 1932. 402 p.
8. Il'f I., Petrov E. *The Complete Adventures of Ostap Bender (transl. by John H. C. Richardson)*. N.Y.: Random House, 1961. 390 p.
9. Il'f I., Petrov E. *The Little Golden Calf (transl. by Anne O. Fisher)*. Montpelier: Russian Life books, 2009. 448 p.
10. Il'f I., Petrov E. *The Golden Calf (transl. by K. Gurevich and H. Anderson)*. Rochester: Open Letter, 2009. 336 p.

11. Odesskiy M. P. *Miry I. A. Il'fa i E. P. Petrova* [The Worlds of I. Ilf and E. Petrov]. Moscow, RGGU Publ., 2015. 293 p. (in Russian).
12. Mokiyenko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovpedii* [The dictionary of Sovpedia]. Saint Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 704 p. (in Russian).
13. Shcheglov Yu. K. *Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelya* [Novels by I. Ilf and E. Petrov. Reader's companion]. Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2009. 656 p. (in Russian).
14. Fisher A. Doklad o perevode Romanov Il'fa i Petrova [Report on Ilf and Petrov's translation]. *Materialy vtorogo Mezhdunarodnogo kongressa literaturnykh perevodchikov, 08.09.2021* [Materials of the II International Congress of Literary Translators, 8 September 2012]. Moscow, RKP Publ., 2017. Pp. 61-78.
15. Fisher A. *Ostap Bender govorit po-angliiski* [Ostap Bender speaks English]. Official site of I. Ilf and E. Petrov, 26.03.18 (in Russian). URL: http://ilf-petrov.ru/news/item/f00/s00/n0000097/index.shtml (accessed 8 August 2023).

Информация об авторах

Рейнбах О. Е., студентка, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60а, Томск, Россия, 634061).
E-mail: oe.reynbakh@gmail.com

Крицкая Н. В., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60а, Томск, Россия, 634061).
E-mail: nadia66@mail.ru

Information about the authors

Reynbakh O. E., undergraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60a, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: oe.reynbakh@gmail.com

Kritskaya N. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60a, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: nadia66@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 13.10.2023; accepted for publication 04.12.2023

УДК 81-2
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-59-67

Сопоставительное исследование актуального членения предложения в русском и персидском языках

Афсане Давуди[1], Алиреза Валипур[2]

[1, 2] Тегеранский университет, Тегеран, Иран
[1] adavoudi@ut.ac.ir
[2] alreva@ut.ac.ir

Аннотация

Анализируется актуальное членение предложения в русском и персидском языках. Рассмотрение и сопоставление коммуникативного строя русского и персидского предложения, а также закономерностей порядка слов является актуальным как в теоретической, так и в практической сфере, в том числе с целью развития иноязычных коммуникативных навыков у студентов, изучающих указанные языки как иностранные, для повышения качества перевода предложения с персидского языка на русский и наоборот. Проведено исследование, в рамках которого проанализирована смысловая структура предложения, а также выявлены особенности и правила порядка слов на уровне коммуникативного строя предложения в данных исследуемых языках в сравнительном аспекте. Существуют сходства и различия в коммуникативной структуре предложения в русском и персидском языках. В нейтральной речи тема находится в начале предложения в обоих языках, а рема – в конце. Однако в экспрессивно окрашенной речи каждый из этих языков обладает своей спецификой, что обусловлено структурными особенностями персидского и русского языков. Члены предложения в русском языке не имеют строго фиксированной позиции и могут перемещаться в предложении в зависимости от коммуникативной ситуации. Так, в экспрессивно окрашенной речи меняется коммуникативная структура предложения, поскольку в таких высказываниях отражается движение мысли от сообщаемого к исходной информации, рема находится в начале предложения и тема – после нее, то есть актуальная информация предшествует известной. Прямой и обратный порядок слов в русском языке имеет тесную связь с той ролью, которую эти компоненты предложения играют в тема-рематических отношениях. В действительности рассмотрение коммуникативной структуры предложения в русском языке позволяет определить синтаксический и стилистический строй предложения. Однако персидский язык характеризуется фиксированным словопорядком в предложении и инверсии на уровне членов смыслового членения предложения не существует. В этом языке, в отличие от русского, исходная информация (тема) всегда как в нейтральной, так и в экспрессивно окрашенной речи выражается в начале предложения, а актуальная информация (рема) всегда следует за ней и стоит в конце предложения.

Ключевые слова: *персидский язык, русский язык, предложение, актуальное членение, порядок слов, инверсия, тема, рема*

Для цитирования: Давуди А., Валипур А. Сопоставительное исследование актуального членения предложения в русском и персидском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 59–67. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-59-67

Comparative study of actual division of the sentence in Russian and Persian languages

A. Davoudi[1], A. Valipour[2]

[1, 2] University of Tehran, Tehran, Iran
[1] adavoudi@ut.ac.ir
[2] alreva@ut.ac.ir

Abstract

This article is devoted to the study of word order rules at the level of actual division of the sentence in Russian and Persian languages. The study and comparison of the communicative structure of Russian and Persian sentences, as well as word order rules at this level of the sentence, is relevant not only in the theoretical aspect, but also in the practical one, including to increase the efficiency of the formation of foreign communicative competence of

© Давуди Афсане, Валипур Алиреза, 2024

students studying these languages as foreign ones, and also to improve the quality of translation from Russian into Persian and vice versa. The objectives of our research are to analyze and compare the actual division of a sentence, methods of its expression, as well as to identify the features and word order rules at the level of the communicative structure of a sentence in the languages under study in a comparative aspect. This study shows that there are correspondences and differences in the features and word order rules in the communicative structure of sentences between the languages under study. Both languages in neutral speech have the same patterns in the order of the components of the actual division of a sentence: the theme is always expressed at the beginning or towards the beginning of the sentence, and the rheme follows the theme and stands at the end or towards the end of the sentence. However, in expressively colored speech, each of these languages has its own specific features. This problem is associated with typological differences in the morphological structure of the Persian and Russian languages. Components of a sentence in the Russian language as one inflected language can, depending on the style, speech situation and purpose of the author, move in the sentence. Thus, in expressively colored speech when the author's purpose changes, the word order in the communicative structure of the sentence also changes, since the movement of thought from the actual information to the initial information is reflected, the rheme is at the beginning of the sentence and the theme is expressed after it, in fact, actual information precedes initial information. In addition, based on the analysis of word order in the Russian language, we can say that the direct and inversion word order is associated with the function that these components of the sentence perform in the theme-rheme relationship. In other words, studying the rules of word order at the level of the actual division of the sentence in the Russian language allows us to identify the features of the syntactic (formal-grammatical) and stylistic structure of the sentence. However, Persian is considered a language with constant word order in a sentence, and there is no inversion word order at the level of the actual division of the sentence. In this language, contrary to the Russian language, initial information (theme) always in both neutral and expressively colored speech is expressed at the beginning of the sentence and the actual information (rheme) always follows it and comes at the end of the sentence.

Keywords: *Persian language, Russian language, sentence, actual division, word order, inversion, theme, rheme*

For citation: Davoudi A., Valipour A. Sopostavitel'noye issledovaniye aktual'nogo chleneniya predlozheniya v russkom i persidskom yazykakh [Comparative study of actual division of the sentence in Russian and Persian languages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 59–67 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-59-67

Введение

В лингвистике значительное внимание уделяется проблеме актуального членения предложения, потому что изучение этой темы имеет большое значение не только в теоретических работах, но и в прикладных сферах. Учение об актуальном членении считается значительным шагом в изучении порядка слов и структуры предложения. По словам многих лингвистов, актуальное членение в качестве неотъемлемого признака каждого предложения считается его важнейшим аспектом, который не только определяет коммуникативную структуру предложения, но и оказывает влияние на его синтаксическую организацию.

Об особом значении данной проблемы свидетельствует большое количество исследований на этот предмет в разных языках. Среди исследователей, которые изучали эту проблему в русском языке, можно отметить И. А. Бирюкову, которая рассматривает роль актуального членения предложения в строе русского сложного целого [1]. А. А. Сарымбетова в своей работе сравнивает порядок слов как средство выражения актуального членения предложения в русском и английском языках [2]. Изучения способов выражения актуального членения в русских и французских предложениях касалась в своем исследовании А. В. Солнцева [3]. К. Г. Крушельницкая и В. П. Даниленко акцентировали внимание на аспект смысла предложения и его отношение с актуальным членением в русских предложениях [4, 5]. Принципам обучения смыслового строя английских предложений носителей русского языка, изучающих английский язык как иностранный, предназначено исследование Е. Н. Макаровой [6]. Этот исследователь в другой работе проводит сравнительное изучение коммуникативной нагрузки главных членов предложения в испанском, английском и русском языках [7]. А. Келиму анализирует особенности актуального членения в китайских и русских предложениях [8]. П. В. Гурова изучила связь актуального членения предложения с порядком слов в русских предложениях [9].

Существуют также исследования о порядке слов и актуальном членении персидского предложения. Ряд ученых и исследователей, включая Г. Лазард [10, p. 240–244], А. Голфам [11, с. 13–104], А. Солтани Гардфарамарзи [12, с. 191–194], Х. Расулпур [13, с. 159–162], А. М. Мехрбахш и З. И. Мохаммади [14], М. Мохаммади Каванд и С. Х. Захраи [15] и др., изучали этот предмет с разных точек зрения. Однако до сих пор не было проведено сопоставительное исследование коммуникативного аспекта предложения в русском и персидском предложениях. Изучение коммуникативной структуры предложения имеет большое значение для преподавания языка как в качестве родно-

го, так и в качестве иностранного. По признанию преподавателей русского языка как иностранного, мало внимания при обучении языку уделяется изучению смыслового членения предложения, что является большим препятствием для развития иноязычных коммуникативных навыков обучающихся [16, с. 130]. Одним из значительных вопросов при обучении русскому языку иранцев является различие в актуальном членении предложения в родном и иностранном языках. Различия между персидским и русским языком в этой сфере приводят к многочисленным ошибкам в письменной и устной речи носителей персидского языка, изучающих русский в качестве иностранного. Цель данного исследования – изучить и сопоставить коммуникативный аспект простых повествовательных предложений, а также выявить закономерности порядка слов в указанных языках. Практическая ценность настоящей работы заключается в том, что использование полученных результатов при обучении русскому и персидскому языкам как иностранному будет способствовать повышению эффективности процесса обучения.

Материал и методы

В данной статье мы используем описательный метод с применением приема сравнения, материалом работы являются предложения из различных учебников и художественных произведений персидского и русского языков.

Результаты и обсуждение

Порядок слов в русском языке выполняет важные функции в предложении, в том числе определение синтаксической функции некоторых компонентов предложения, выражение экспрессивно окрашенной окраски высказывания, определение стилистической особенности синтаксических структур, однако основная функция порядка слов считается выражением актуального членения предложения [17, с. 9]. Порядок слов в качестве средства выделения формально-грамматической и стилистической организации предложения имеет неразрывную связь с тем коммуникативным членением, которое он организует.

Актуальное членение предложения связано с его коммуникативной структурой. У каждого предложения наряду с грамматической структурой есть другая структура, которая не определяется в пределах самого предложения и выявляется только в связи с той речевой ситуацией или тем контекстом, в котором предложение функционирует в качестве сообщения. Этот аспект предложения называют его коммуникативной структурой [18, с. 602–603]. Организация коммуникативной структуры предложения отражается посредством его актуального членения. Актуальным членением предложения называют приспособление его синтаксической структуры в результате включения в данную речевую ситуацию к коммуникативной цели высказывания [19, с. 330]. Действительно, актуальным членением называется смысловое членение предложения, зависящее от целевой установки предложения в данной речевой ситуации или данном контексте и оформляющее предложение с целью передачи новой, актуальной информации [20, с. 796].

Каждое предложение в соответствии со своей коммуникативной целью делится на две части: основу (тему) и ядро (рему). Темой как исходным пунктом высказывания называется часть предложения, которая служит предметом сообщения [21, с. 112]. Тема предложения часто содержит известную, данную информацию и предопределяется предшествующим текстом, а также употребляется как элемент, который соединяет высказывание с предшествующим предложением [20, с. 797]. А ремой называют ту часть предложения, содержащую актуальную, новую информацию о теме и в качестве ядра высказывания представляющую собой главную коммуникативную цель предложения [19, с. 331]. Например, в нижеследующих предложениях *Звонил / мой старший брат* (Кто звонил?); *Она изучает французский язык / три года* (Сколько времени она изучает французский язык?); *Мой любимый город / – Москва* (Какой ваш любимый город в России?); *Анна / читает книгу по истории* (Чем Анна сейчас занимается?) первая часть – тема предложения, а вторая – его рема, которая заключает в себе сообщение о первой части. Таким образом, как объясняет М. А. Шелякин, актуальным членением является членение предложения, которое передает всю информацию высказывания путем соединения двух основных частей предложения, содержащих его известную и актуальную информацию [22, с. 228].

Предложения в русском языке по характеру позиции темы и ремы в предложении можно разделить на предложения с экспрессивно неокрашенным или прямым порядком слов и предложения с экспрессивно окрашенным или инверсивным порядком слов [23, с. 307].

Смысл предложений, типичных для нейтральной речи, отражается переходом от известной информации (темы) к неизвестной, новой (реме). В таких предложениях тема занимает первое место в предложении, а рема выражается за темой и стоит в конце предложения. Такой порядок слов называют прямым (или объективным) [21, с. 137]. Например, в предложении *Сад / покрылся зелеными травами* слово *сад* выступает в качестве темы и заняло первое место в предложении, а оборот *покрылся зелеными травами* в качестве ремы выра-

жается за ней. Такая последовательность компонентов коммуникативного членения предложения в нейтральной речи во всех языках универсальна, и обычно данное предшествует сообщаемому во всех языках [2, с. 58–59].

Однако прямой порядок слов в русских предложениях, которые принадлежат экспрессивно окрашенной речи, и также в предложениях, характерных для художественных произведений, может быть нарушен, что приводит к так называемой инверсии или, точнее, к экспрессивно окрашенному порядку слов. В таких случаях рематическая часть стоит в начале предложения, а тематическая часть выражается за ремой [20, с. 802]. Такой порядок расположения членов актуального строя предложения, то есть переход от сообщаемого к известному, называется обратным (или субъективным) порядком слов [21, с. 138]. Например, в предложении *Нравится моему брату этот автомобиль* сказуемое *нравится* как рема высказывания заняло первую позицию в предложении. Но в нижеследующем предложении с прямым порядком слов *Моему брату нравится этот автомобиль* косвенное дополнение *Моему брату* как тема высказывания находится в начале предложения [21, с. 137]. В таких предложениях не меняются функции темы как известной информации и ремы как актуальной, изменяется лишь место их расположения в предложении: сообщаемое занимает первую позицию в предложении, а данное – конечную позицию. Например: *Кто / пришел? – Пришел / мой друг* и *Мой друг / пришел* [22, с. 228].

Как отмечалось выше, поскольку коммуникативное членение предложения зависит от речевой ситуации, контекста, цели говорящего, одно и то же предложение, которое состоит из определенных лексических единиц, может при различных коммуникативных ситуациях оформлять различные коммуникативные единицы, различающиеся новой информацией, а также существованием или лишением экспрессивно-стилистического характера предложения [18, с. 603–605]. Например, из предложения *Мать пришла* можно организовать шесть смысловых структур с разными коммуникативными целями, некоторые из них по форме совершенно одинаковы и лишь различаются экспрессивно окрашенным и стилистическим особенностями: 1) *Что слышно о матери? – **Мать пришла'***; 2) *Что слышно о матери? – **Пришла' мать***; 3) *Кто пришел? – **Пришла ма'ть***; 4) *Кто пришел? – **Ма'ть пришла***; 5) *Что нового? – **Пришла ма'ть***; 6) *Что нового? – **Ма'ть пришла.*** Как видно, данные предложения отвечают на разнообразные вопросы и соответствуют разным коммуникативным заданиям, которые отражаются разным порядком расположения членов предложения и также позицией фразового ударения. Иначе говоря, различие их смыслового членения объясняется лишь при обращении к коммуникативной ситуации, в которой они употребляются.

Так, на основе изучения структуры русского предложения и норм порядка расположения его членов можно сказать, что изменение коммуникативной структуры предложения устанавливается посредством порядка слов и, как утверждает О. Б. Сиротинина, принципы и закономерности порядка расположения членов в предложении зависят от смысла предложения, то есть от его коммуникативной цели [24, с. 124]. В действительности законы порядка слов в русских предложениях связаны не с синтаксическим членением предложения, а с тема-рематическим отношением между его компонентами [25, с. 24].

Понятие актуального членения предложения в грамматике персидского языка связано с членением предложения на две основные части: подлежащее и сказуемое [26, с. 9]. Подлежащим в персидской грамматике называется данное, исходный пункт предложения, обозначающий предмет сообщения. Например: ***علی***آمد ***Али*** *пришел;* دانش آموزان کلاس چهارم به اردو رفتند ***Ученики четвертого класса*** *ушли на экскурсию* [27, с. 19]. А сказуемым считается часть предложения, передающая новую информацию о подлежащем предложения [28, с. 196]. Сказуемое как основное ядро персидского предложения может состоять из одного глагола или глагольной группы, которые содержат сообщение и обладают самой большой степенью коммуникативного значения [11, с. 20]. По словам А. Ашрафа Садеги, в персидском языке все элементы предложения, кроме того члена, который выступает в качестве подлежащего, рассматриваются как сказуемое предложения [29, с. 1]: پرندگان مهاجر **به تالاب انزلی برگشتند** *Перелетные птицы* ***вернулись в лагуну Энзели***; سعدی **از شاعران برجسته ی ادبیات فارسی است** *Саади – **один из выдающихся поэтов персидской литературы***.

По определению подлежащего и сказуемого в персидском языке можно отметить, что понятие подлежащего связывается с темой предложения, а понятие сказуемого – с ремой: هوا / خیلی گرم است *Погода / очень жаркая*; پرنده /از قفس پرید *Птица / улетела из клетки*.

В персидском языке, поскольку подлежащее в нейтральной речи всегда стоит в начале предложения и выражается перед сказуемым, коммуникативная актуализация подлежащего получается путем постановки его перед сказуемым. Таким образом, в персидском предложении, принадлежащем нейтральной речи, как и в русском предложении, тема выражается в начале предложения, а рема следует за ней и часто занимает конечную позицию в предложении [30, с. 402].

Однако в экспрессивно окрашенной речи персидский язык отличается от русского. Персидский язык в отличие от русского характеризуется фиксированным словопорядком в предложении, и у каждого компонента предложения есть относительно постоянное место в нем. В качестве примера: подлежащее в нейтральной речи занимает первую позицию в предложении, дополнение выражается за подлежащим и глагол находится в конце предложения. Однако при определенных случаях возникает так называемая инверсия в персидском предложении и происходит перемещение его членов. Такие случаи обычно обнаруживаются в языке художественной литературы и стихотворениях с целью оформления ритма и рифмы предложения. К тому же инверсия используется также в разговорной речи и в произведениях писателей, чтобы подчеркнуть определенные компоненты предложения [31, с. 450].

Например, в следующем стихотворном отрывке حافظ) **رسید** مژده که آمد بهار و سبزه دمید(دیوان ***Пришли*** *хорошие новости о том, что пришла весна и позеленела травка* (Хафиз. Диван) глагол (رسید *Пришли*) выражается в начале предложения; и в предложении (گلستان سعدی) **عابدی را پادشاهی طلب کرد** ***Аскета*** *призвал царь* (Саади. Гулистан) прямое дополнение (عابدی را *Аскета*) находится в начале предложения.

Важнейшим случаем использования инверсии в персидских предложениях, который тесно связан со смысловой организацией предложения, считается инициация. Инициацией является лингвистическое явление, при котором говорящий или пишущий выдвигает определенный член в начало предложения, чтобы обратить внимание на что-то [32, с. 118]. В качестве примера: в предложении کلیدها را ازروی میز برداشتند *Ключи они взяли со стола* говорящий хочет сделать акцент на прямом дополнении (کلیدها را – ***ключи***), поэтому выдвигает его в начало предложения. Но в предложении ازروی میزکلیدها را برداشتند *Со стола они взяли ключи* целевая установка предложения – подчеркнуть место, с которого взялись ключи, поэтому обстоятельство места (از روی میز – *со стола*) стоит в начале предложения.

Однако такого перемещения членов на уровне коммуникативного строя персидских предложений не существует и его члены нельзя переставить. В персидских предложениях, вопреки русским предложениям, всегда местоположение темы и ремы в структуре предложения закреплено и известная информация всегда выражается в начале предложения, а актуальная, новая информация высказывания – после тематической части предложения.

Кроме того, в отличие от русского предложения, в котором тематическая и рематическая часть может быть выражена любым членом предложения, в персидском языке функции темы и ремы высказывания выполняют определенные компоненты предложения: в нейтральной речи всегда подлежащее выполняет функцию темы высказывания, и сказуемое как актуальная информация выполняет функцию ремы, но в экспрессивно окрашенной речи помимо подлежащего сказуемое (глагольная часть предложения), дополнение, глагол и обстоятельство могут в качестве исходного пункта предложения выдвигаться в начало предложения и играть роль темы высказывания, а все другие члены предложения выступают в качестве ремы высказывания. Члены, которые могут выполнять функцию темы высказывания, являются **сказуемым**: глагольная часть предложения, выступающая в качестве сказуемого, может играть роль темы и перемещаться в начало предложения [30, с. 403]. Например, в предложении اینجور زندگی کردن **چه سخت است** ***Как тяжело*** *подобным образом жизнь* оборот چه سخت است *Как тяжело* как сказуемое выражается в начале предложения и оборот اینجور زندگی کردن *подобным образом жизнь* в качестве формального подлежащего выполняет функцию ремы; **прямым дополнением**: **سکنه ی آبادان را** اهالی شهرهای مختلف ایران تشکیل میدهند ***Население Абадана*** *составляют жители из разных городов Ирана*. В данном предложении группа прямого дополнения (سکنه ی آبادان را – *Население Абадана*) в качестве темы выражается в начале предложения, а оборот اهالی شهرهای مختلف ایران تشکیل میدهند *составляют жители из разных городов Ирана*, состоящий из подлежащего и сказуемого, выполняет функцию ремы; **глаголом**: کارت **تمام شد** ***Закончилась*** *твоя работа* [10, p. 243]; **обстоятельством**: چنان **در اخبار یعقوب لیث** خواندم که ... (تاریخ بیهقی) ***В новостях Якуба Лейта*** *я прочитал, что...*) (История Бейхаки) [12, с. 200].

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование коммуникативной структуры простых повествовательных предложений на материале русского и персидского языков показывает, что имеются сходства и различия в рассматриваемой области между двумя языками. Оба языка в нейтральной речи имеют одинаковые закономерности в связи с актуальным членением предложения: в таких высказываниях в двух исследуемых языках исходная информация (тема) всегда выражается в начале или к началу предложения, а актуальная, новая информация (рема) следует за темой и стоит в конце или к концу предложения. Однако в экспрессивно окрашенной речи – иная ситуация, и каждый из этих рассматриваемых языков имеет свои специфические черты. Различия между персидским и рус-

ским языками в этой области связаны с типологическими особенностями морфологической структуры предложения в данных языках.

Русский язык как флективный язык характеризуется относительно свободным порядком слов, и члены предложения могут в зависимости от стиля, речевой ситуации и цели говорящего перемещаться в предложении. Порядок слов в русском предложении тесно связан с коммуникативной целью высказывания, и в экспрессивно окрашенной речи с изменением целевой установки предложения изменяется и порядок расположения компонентов его коммуникативной структуры. В таких предложениях отражается движение мысли от сообщаемого к исходной информации, следовательно, рема выражается в начале предложения и предшествует теме. При этом по анализу закономерностей словопорядка в русском языке можно прийти к этому выводу, что прямой и обратный порядок слов имеет тесную связь с той ролью, которую эти компоненты предложения играют в тема-рематических отношениях. В действительности рассмотрение закономерностей порядка слов на уровне коммуникативной структуры предложения в русском языке позволяет определить правила синтаксического и стилистического строя предложения.

Однако в персидском языке любой член предложения имеет относительно фиксированное место в структуре предложения. В персидском предложении инверсия происходит лишь в редких случаях, включая в литературных произведениях и при инициации. Однако на уровне смыслового строя предложения не существует инверсии и его компоненты нельзя переставить. В персидских предложениях, вопреки русским предложениям, всегда местоположение темы и ремы в структуре предложения закреплено и известная информация всегда выражается в начале предложения, а актуальная, новая информация – после тематической части предложения.

Другой особенностью, которая отличает русский и персидский языки в сфере коммуникативной структуры, являются члены предложения, которые выступают в качестве темы и ремы предложения. В отличие от русского предложения, в котором тематической и рематической частью может служить его любой компонент, в персидском языке эти функции в предложении выполняют определенные элементы предложения: в нейтральной речи всегда подлежащее выполняет функцию темы высказывания, и сказуемое как актуальная информация выполняет функцию ремы. Но в экспрессивно окрашенной речи помимо подлежащего сказуемое (глагольная часть предложения), дополнение, глагол и обстоятельство могут в качестве исходного пункта предложения играть роль темы высказывания. В таких случаях функцию ремы высказывания выполняют все остальные члены предложения.

Список источников

1. Бирюкова И. А. Определение сложного целого. Роль актуального членения предложения и порядка слов в его организации // Script moment. 2016. № 22. С. 22–30.
2. Сарымбетова А. А. Порядок слов как средство выражения актуального членения предложения в русском и английском языках // Вестник современной науки. 2016. № 4–2 (16). С. 57–60.
3. Солнцева А. В. Сопоставительное исследование актуального членения предложения во французском и русском языках (на материале художественных произведений) // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XI Междунар. науч. конф. Вып. 11, ч. 1. Москва–Коломна, 12–13 апреля 2018 г. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2018. С. 163–165.
4. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 55–67.
5. Даниленко В. П. У истоков учения об актуальном членении предложения // Филологические науки. 1990. № 5. С. 82–89.
6. Макарова Е. Н. Отражение коммуникативной цели в языковой структуре // Верхневолжский филол. вестник. 2019. № 2 (17). С. 171–177. doi: 10.24411/2499-9679-2019-10403
7. Макарова Е. Н. Лингвистические средства передачи коммуникативного статуса подлежащего и сказуемого как объект сопоставительного исследования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (2). С. 85–94. doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_85_94
8. Келиму А. Актуальное членение предложения и основные средства его выражения в русском и китайском языках // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 281–285.
9. Гурова П. В. Порядок слов и актуальное членение предложения в русском языке // Наука сегодня: проблемы и пути решения: материалы Междунар. научно-практ. конф. Вологда, 25 марта 2020 г. Вологда: Маркер, 2020. С. 52–54.
10. Lazard G. Grammaire du persan contemporain. Paris: Mazda, 2012. 312 p.
11. Голфам А. Принципы грамматики. Тегеран: САМТ, 2006. 164 с. صفحه.164. 1385 گلفام ارسلان. اصول دستور زبان. تهران: سمت،
12. Солтани Гардфарамарзи А. Персидская грамматика (От слова к слову). 3-е изд. Тегеран: Мобтакеран, 2002. 313 с. صفحه. 313. 1381 سلطانی گردفرامرزی علی. دستور زبان فارسی (ازکلمه تا کلام). ویرایش سوم. تهران: مبتکران،
13. Расулпур Х. Структура персидского языка. Исфахан: Хамуш, 2017. 256 с. صفحه.256. 1396 رسول پور حسین. ساخت زبان فارسی. اصفهان: نشر خاموش،

14. Мехрбахш А. М., Мохаммади З. И. Сопоставительное изучение порядка слов в простых повествовательных предложениях в русском и персидском языках // Молодой ученый. 2021. № 22 (364). С. 550–555.
15. Мохаммади Каванд М., Захраи С. Х. Порядок слов как средство выражения категории определенности-неопределенности в русском языке и способы передачи ее значения на персидский язык // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. № 2 (191). С. 148–152. doi: 10.23951/1609-624X-2018-2-148-152
16. Хавронина С. А. Письменная речь студентов-иностранцев с точки зрения норм русского словорасположения // Вестник РУДН. 2005. № 1. С. 126–132.
17. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага: Academia, 1966. 96 с.
18. Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Новиков Л. А., Панов М. В. Современный русский язык / ред. В. А. Белошапкова. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
19. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1987. 479 с.
20. Белошапкова В. А. Современный русский язык. М.: Азбуковник, 1999. 925 с.
21. Крылова О. А., Хавронина С. А. Порядок слов в русском языке. 3-е изд. М.: Русский язык, 1986. 241 с.
22. Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. М.: Русский язык, 2000. 356 с.
23. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка: нормы употребления слов, фразеологических выражений, грамматических форм и синтаксических конструкций. М.: АСТ-Пресс, 2012. 424 с.
24. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.
25. Weil H. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparees aux langues modernes. Paris, 1978. 154 p.
26. Вахидиян Камияр Т. Грамматика персидского языка. Тегеран: САМТ, 2020. 130 с. صفحه.130. 1399 وحیدیان کامیار تقی. دستور زبان فارسی. تهران: سمت،
27. Вафайи А. Грамматика персидского языка. Тегеран: САМТ, 2012. 126 с. صفحه.126. 1391 وفایی عباسعلی. دستور زبان فارسی. تهران: سمت،
28. Ахмади Гиви Х., Анвари Х. Грамматика персидского языка 1. 4-е изд. Тегеран: Фатеми, 2022. 264 с. صفحه. 264. 1401احمدی گیوی حسن، انوری حسن. دستور زبان فارسی 1. ویرایش چهارم. تهران: فاطمی،
29. Ашраф Садеги А., Аржанг Г. Грамматика четвертого курса общего среднего образования. Тегеран: Министерство образования, 1979. 153 с. صفحه .153. 1358اشرف صادقی علی، ارژنگ غلامرضا. دستور سال چهارم آموزش متوسطه عمومی. تهران: وزارت آموزش و پرورش،
30. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.
31. Нател Ханлари П. История персидского языка. Тегеран: Изд-во Но, Асим, 2015. 492 с. صفحه .492. 1395ناتل خانلری پرویز. تاریخ زبان فارسی. تهران: نشر نو، آسیم،
32. Фаршидвард Х. Сегодняшняя подробная грамматика, основанная на новой лингвистике. Тегеран: Сохан, 2013. 708 с. صفحه. 708. 1392 فرشیدورد خسرو. دستور مفصل امروز بر پایه زبانشناسی جدید. تهران: سخن،

References

1. Biryukova I. A. Opredeleniye slozhnogo tselogo. Rol' aktual'nogo chleneniya predlozheniya i poryadka slov v yego organizatsii [The definition of syntactic compound. The role of actual division of a sentence and the word order in its organization]. *Script moment*, 2016, no. 22, pp. 22–30 (in Russian).
2. Sarymbetova A. A. Poryadok slov kak sredstvo vyrazheniya aktual'nogo chleneniya predlozheniya v russkom i angliyskom yazykakh [Word order as a means of actual division of a sentence in the Russian and English languages]. *Vestnik sovremennoy nauki*, 2016, no. 4–2 (16), pp. 57–60 (in Russian).
3. Solntseva A. V. Sopostavitel'noye issledovaniye aktual'nogo chleneniya predlozheniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy) [Comparative study of the actual division of a sentence in the French and Russian languages (based on literary works)]. *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoye deystviye: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Vypusk 11. Chast' 1. Gosudarstvennyy sotsial'no-gumanitarnyy universitet. Moskva–Kolomna, 12–13 aprelya 2018 g.* [Language: categories, functions, speech act: materials of the XI international scientific conference. Volume Issue 11. Part 1. State Social and Humanitarian University, Moscow-Kolomna, 12–13 Apr 2018]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2018. Pp. 163–165 (in Russian).
4. Krushel'nitskaya K. G. K voprosu o smyslovom chlenenii predlozheniya [To the question about the semantic division of the sentence]. *Voprosy yazykoznaniya – Voprosy Yazykoznaniya*, 1956, no. 5, pp. 55–67 (in Russian).
5. Danilenko V. P. U istokov ucheniya ob aktual'nom chlenenii predlozheniya [The origins of the doctrine about actual division of the sentence]. *Filologicheskiye nauki – Philological sciences*, 1990, no. 5, pp. 82–89 (in Russian).
6. Makarova E. N. Otrazheniye kommunikativnoy tseli v yazykovoy strukture [Reflection of the communicative goal in language structure]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik – Verhnevolzhski philological bulletin*, 2019, no. 2 (17), pp. 171–177 (in Russian). doi: 10.24411/2499-9679-2019-10403
7. Makarova E. N. Lingvisticheskiye sredstva peredachi kommunikativnogo statusa podlezhashchego i skazuemogo kak ob"yekt sopostavitel'nogo issledovaniya [Linguistic means of subject and predicate's communicative status as the object of comparative

studies]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and applied linguistics*, 2020, no. 6 (2), pp. 85–94 (in Russian). doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_85_94

8. Kelimu A. Aktual'noye chleneniye predlozheniya i osnovnyye sredstva yego vyrazheniya v russkom i kitayskom yazykakh [Actual division of a sentence and the main means of its expression in the Russian and Chinese]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2022, no. 3 (94), pp. 281–285 (in Russian).
9. Gurova P. V. Poryadok slov i aktual'noye chleneniye predlozheniya v russkom yazyke [Word order and actual division of a sentence in the Russian language]. *Nauka segodnya: problemy i puti resheniya: materiali Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vologda, 25 marta 2020 g.* [Science today: problems and solution: materials of the international scientific and practical conference, Vologda, 25 Mar 2020]. Vologda, Marker LLC Publ., 2020. Pp. 52–54 (in Russian).
10. Lazard G. *Grammaire du persan contemporain* [A grammar of contemporary Persian]. Paris, Mazda Publ., 2012. 312 p.
11. Golfam A. *Printsipy grammatiki* [Principles of grammar]. Tehran, SAMT Publ., 2006. 164 p. (in Persian).
12. Soltani Gardfaramarzi A. *Persidskaya grammatika (Ot slova k slovu).* 3-e izdaniye [Persian grammar (From word to word). 3rd ed.]. Tehran, Mobtakeran Publ., 2002. 313 p. (in Persian).
13. Rasulpour H. *Struktura persidskogo yazyka* [Construction of Persian language]. Isfahan, Khamush Publ., 2017. 256 p. (in Persian).
14. Mehrbakhsh A. M., Mohammadi Z. I. Sopostavitel'noye izucheniye poryadka slov v prostykh povestvovatel'nykh predlozheniyakh v russkom i persidskom yazykakh [Comparative study of word order in a simple declarative sentence in Russian and Persian]. *Molodoy uchenyy – Young scientist*, 2021, no. 22 (364), pp. 550–555 (in Russian).
15. Mohammadi Kavand M., Zahraei S. H. Poryadok slov kak sredstvo vyrazheniya kategorii opredelennosti-neopredelennosti v russkom yazyke i sposoby peredachi yeye znacheniya na persidskiy yazyk [Word order as a means of expression of the category of certainty-uncertainty in Russian and methods to convey its meaning to Persian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, no. 2 (191), pp. 148–152 (in Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2018-2-148-152
16. Khavronina S. A. Pis'mennaya rech' studentov-inostrantsev s tochki zreniya norm russkogo slovoraspolozheniya [The forms of writing speech of foreign students from the point of view of Russian wordorder]. *Vestnik RUDN*, 2005, no. 1, pp. 126–132 (in Russian).
17. Adamets P. *Poryadok slov v sovremennom russkom yazyke* [Word order in modern Russian]. Praha, Akademia Publ., 1966. 96 p. (in Russian).
18. Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaya E. A., Miloslavskiy I. G., Novikov L. A., Panov M. V. *Sovremennyy russkiy yazyk. Redaktor V. A. Beloshapkova. 2-e izdaniye* [Modern Russian language. Ed. Beloshapkova V. A. 2nd ed.]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 800 p. (in Russian).
19. Valgina N. S., Rozental' D. E., Fomina M. I. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 479 p. (in Russian).
20. Beloshapkova V. A. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 925 p. (in Russian).
21. Krylova O. A., Khavronina S. A. *Poryadok slov v russkom yazyke. 3-e izdaniye* [Word order in Russian. 3rd ed.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986. 241 p. (in Russian).
22. Shelyakin M. A. *Spravochnik po russkoy grammatike* [Reference book on Russian grammar]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 356 p. (in Russian).
23. Bel'chikov Yu. A. *Prakticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka: normy upotrebleniya slov, frazeologicheskikh vyrazheniy, grammaticheskikh form i sintaksicheskikh konstruktsiy* [Practical stylistics of the modern Russian language: norms for the use of words, phraseological expressions, grammatical forms and syntactic constructions]. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 424 p. (in Russian).
24. Sirotinina O. B. *Lektsii po sintaksisu russkogo yazyka* [Lectures on the syntax of the Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. 143 p. (in Russian).
25. Weil H. *De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparees aux langues modernes* [The order of words in the ancient languages compared with that of the modern languages]. Paris, 1978. 154 p.
26. Vahidiyan Kamiyar T. *Grammatika persidskogo yazyka* [Persian grammar]. Tehran, SAMT Publ., 2020. 130 p. (in Persian).
27. Vafayi A. *Grammatika persidskogo yazyka* [Persian grammar]. Tehran, SAMT Publ., 2012. 126 p. (in Persian).
28. Ahmadi Givi H., Anvari H. *Grammatika persidskogo yazyka 1. 4-e izdaniye* [Persian grammar 1. 4th ed.]. Tehran, Fatemi Publ., 2022. 264 p. (in Persian).
29. Ashraf Sadeghi A., Arzhang Gh. *Grammatika chetvertogo kursa obshchego srednego obrazovaniya* [Grammar of the fourth year of general secondary education]. Tehran, Vezarate amuzesh va parvaresh Publ., 1979. 153 p. (in Persian).
30. Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Persian literary language]. Moscow, "Vostochnaya literatura" RAN Publ., 2001. 600 p. (in Russian).
31. Natel Khanlari P. *Istoriya persidskogo yazyka* [History of the Persian language]. Tehran, No, Asim Publ., 2015. 492 p. (in Persian).

32. Farshidvard Kh. *Segodnyashnyaya podrobnaya grammatika, osnovannaya na novoy lingvistike* [Today's detailed grammar based on new linguistics]. Tehran, Sokhan Publ., 2013. 708 p. (in Persian).

Информация об авторах

Давуди А., аспирантка, Тегеранский университет (ул. Каргар Шомали, Тегеран, Иран, 1439813164).
E-mail: adavoudi@ut.ac.ir

Валипур А., кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Тегеранский университет (ул. Каргар Шомали, Тегеран, Иран, 1439813164).
E-mail: alreva@ut.ac.ir

Information about the authors

Davoudi A., postgraduate student, University of Tehran (ul. Kargar Shomali, Tehran, Iran, 1439813164).
E-mail: adavoudi@ut.ac.ir

Valipour A., Candidate of Philological Sciences, Professor, University of Tehran (ul. Kargar Shomali, Tehran, Iran, 1439813164).
E-mail: alreva@ut.ac.ir

Статья поступила в редакцию 24.09.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 24.09.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 68–76.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 68–76.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81’114
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-68-76

«Еще раз говорю…»: повторение сказанного как средство снятия неопределенности

Наталья Васильевна Орлова[1], Дмитрий Александрович Стрекалов[2]

[1, 2] Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия
[1] nvorl@rambler.ru
[2] paperbacknowriter@gmail.com

Аннотация

Анализируются коммуникативно-когнитивные компоненты диалога, побуждающие одного из его участников повторить сказанное и предварительно отрефлексировать этот факт в виде модуса повторного говорения. Исследование выполнено на материале ответов основного корпуса НКРЯ на запросы «еще раз тебе», «еще раз вам», «еще раз тебя», «еще раз вас». За исключением случаев позитивной фатики (например, «еще раз тебя благодарю»), подобный повтор информации одним из участников диалога обусловлен коммуникативной неудачей в прошлом, ответственность за которую говорящий возлагает на собеседника. Прагматической предпосылкой такого повтора является также то, что говорящий приписывает себе статус не ниже статуса собеседника. Когнитивным основанием неудачи признается неопределенность информации, которая может быть снята или понижена в результате недословного (вариативного) повтора. Показано, что семантические разновидности неопределенности коррелируют с интенциями повторяющихся речевых действий. Например, повторный репрезентатив уменьшает степень неполноты знаний или корректирует неверную, с точки зрения говорящего, интерпретацию сведений адресатом; повторный директив и повторный комиссив инициированы неуверенным прогнозом относительно дальнейшего развития событий. Повтор может быть реализован как в интересах говорящего (навязывание своей интерпретации обсуждаемых событий), так и в интересах адресата (уточнение его представлений о предмете речи). Теоретическое значение исследования состоит в уточнении маркеров статусных позиций участников диалогов; оценка эффективности высказываний с эксплицированным модусом повторного говорения может быть использована в практике преподавания коммуникативных дисциплин.

Ключевые слова: *модус повторного говорения, повтор информации, коммуникативная неудача, неопределенность, интенция*

Для цитирования: Орлова Н В., Стрекалов Д. А. «Еще раз говорю…»: повторение сказанного как средство снятия неопределенности // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 1 (231). С. 68–76. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-68-76

© Н В. Орлова, Д. А. Стрекалов, 2024

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

“Once again I say...”: repetition of what has been said as a means of removing uncertainty

Natalya V. Orlova[1], Dmitry A. Strekalov[2]

[1, 2] F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation
[1] nvorl@rambler.ru
[2] paperbacknowriter@gmail.com

Abstract

The article analyzes the communicative and cognitive components of a dialogue that induce one of its participants to repeat what has been said and preliminarily reflect this fact in the form of a modus of repeated speaking. The study was carried out on the material of responses of the main corpus of the NCRN to the queries “once again to you”, “once again to you”, “once again to you”, “once again to you”. Except for cases of positive phatic (e.g., “thank you again”), such repetition of information by one of the dialogue participants is due to a communicative failure in the past, for which the speaker attributes responsibility to the interlocutor. The pragmatic prerequisite of such repetition is also the fact that the speaker attributes to himself a status not lower than that of the interlocutor. The cognitive basis of failure in the article is recognised as uncertainty of information, which can be removed or lowered as a result of understated (variant) repetition. It is shown that semantic varieties of uncertainty correlate with the intents of repetitive speech acts. For example, a repeated representative reduces the degree of incompleteness of knowledge or corrects the addressee’s misinterpretation of the information from the speaker’s point of view; a repeated directive and a repeated commission are initiated by an uncertain forecast regarding the further development of events. Repetition can be realised both in the interests of the speaker (imposing his interpretation of the events under discussion) and in the interests of the addressee (clarifying his ideas about the subject of speech). The theoretical significance of the study consists in clarifying the markers of the status positions of the participants of dialogues; the evaluation of the effectiveness of utterances with the explicated modus of repetitive speaking can be used in the practice of teaching communicative disciplines.

Keywords: *modus of repeated speaking, information repetition, communicative failure, uncertainty, intension*

For citation: Orlova N. V., Strekalov D. A. «Eshche raz govoryu…»: povtoreniye skazannogo kak sredstvo snyatiya neopredelennosti [“Once again I say...”: repetition of what has been said as a means of removing uncertainty]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 68–76 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-68-76

Введение

Актуальность исследования обусловлена вниманием современной русистики к проблемам эффективности общения, в том числе когнитивным и прагматическим основаниям успеха и неуспеха коммуникации, а также зонам риска [1, 2]. По-видимому, в такую зону входит фраза с модусом повторного говорения «Я тебе еще раз говорю». По данным одного из форумов (https://otvet.mail.ru/question/221001846), она вызывает негативное отношение (*реально раздражает; прям хочется ножом пырнуть за такое*); ассоциируется с поучением (*говорит о том, как делать надо, а не как хочется*), понижает самооценку адресата (*это унижает твои способности и задевает ЧСВ; типа ты тупой и с первого раза никогда не понимаешь...*).

В лингвистике повторение информации рассматривалось в различных аспектах: структурно-композиционном [3], стилистическом [4], дидактическом [5], коммуникативно-прагматическом [6]. По наблюдениям В. А. Марковой, повтор может стать средством преодоления коммуникативной неудачи, если говорящий вводит его для облегчения восприятия информации в случае ее непонимания партнером по коммуникации. Автор убедительно показывает, что подобную функцию выполняет вариативный повтор; напротив, дословное повторение реплики имеет место, когда, по мнению говорящего, «отсутствие нужной реакции связано не с непониманием, а с нежеланием нужным образом реагировать» [7, с. 115]. Таким образом, повторение информации, в том числе самоповтор, может иметь различные предпосылки.

Модальная рамка «я говорю», как правило, не оценивает текущий дискурс, а употребляется при пересказе адресантом собственных реплик из прошлых коммуникаций с третьими лицами (так, ряд автоцитат-просьб приведен в [8]). Иное дело – экспликация повторного говорения в виде модальной рамки «еще раз тебе/вам говорю». В данном случае очевидно, что адресант не удовлетворен предшествующим эпизодом коммуникации и фиксирует коммуникативную неудачу.

О. П. Ермакова и Е. А. Земская называют коммуникативной неудачей «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [9, с. 31]. Нам представляется, что те случаи, когда адресат понимает сказанное, но реагирует не так, как хотелось бы говорящему, также можно рассматривать как неудачу последнего. Поэтому возьмем за основу вторую часть вышеприведенной дефиниции – «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего». Заметим, что она же принята О. В. Вечкиной в диссертационном исследовании неудач повседневного речевого общения [10, с. 5].

Введение в проблематику работы понятия неопределенности обусловлено исследовательской установкой, связанной с когнитивной составляющей диалогического дискурса. Неопределенность, вслед за Н. Р. Кириченко, рассматриваем как «многомерное ментальное образование, понятийное содержание которого сопряжено со всеми сферами человеческого бытия и жизнедеятельности» [11, с. 5]; как концепт, имеющий ряд смысловых признаков: отсутствие определения, неустановленность (в отношении времени совершения действия, числа, количества, цели, курса, результата, местонахождения и т. д.), отсутствие четких контуров, границ, отсутствие знаний, сложности в объяснении, понимании, смутность ощущения, сомнение, колебание и т. д. [12, с. 128]. Состояние сознания участников диалога характеризует разные кластеры данных признаков, а направленность автоповтора на «облегчение восприятия информации в случае ее непонимания партнером», о которой говорилось выше, является его частным случаем. У говорящего всегда есть основания считать, что адресат не понимает, недопонимает сказанное либо не желает реагировать на него должным образом, так как он недостаточно информирован о предмете речи. Видоизмененный повтор информации, с его точки зрения, может снять неопределенность или понизить ее степень.

Таким образом, в нашем понимании именно неполное или неточное (искаженное) знание о предмете речи является доминантой неопределенности как концепта, который в диалоге актуализируется говорящим, использующим модус повторного говорения. Так понимаемая определенность/неопределенность выходит за рамки семантической категории высказывания, функцией которой является «актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» [13, с. 349].

Материал и методы

Эмпирический материал исследования сформирован ответами на запросы «еще раз вам», «еще раз тебе», «еще раз вас», «еще раз тебя» в основном корпусе НКРЯ. В данном исследовании корпусный метод способствовал формализованному сбору материала: единицы анализа объединены характеристикой «участник диалога фиксирует факт самоповтора и повторяет сказанное ранее». Модус повторного говорения, выраженный сочетанием наречия «еще раз» и языковых единиц с семантикой речи, представлен в значительной части ответов корпуса (91 % – на запросы «еще раз вам», «еще раз тебе» и 35 % – на запросы «еще раз вас» и «еще раз тебя»). В общей сложности объектом анализа явились 52 фрагмента диалогов. Источники речевого материала представлены с атрибуцией, предлагаемой НКРЯ (автор, название, год публикации).

Воспользовавшись понятийным аппаратом дискурс-анализа, мы обозначили рассматриваемые фрагменты рабочим термином «продолжающий коммуникативный ход» [14, с. 117] (ПКХ). Все рассматриваемые ПКХ включают модус повторного говорения и собственно повторение сказанного. С целью получения наиболее подробной информации о семантике и прагматике ПКХ из корпуса отбирались расширенные варианты контекстов. Использовались общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные методы анализа высказывания: интент-анализ, контекстуальный анализ, семантико-стилистический анализ. Для выявления типичных условий реализации ПКХ с модусом повторного говорения и повтором информации использовались статистические подсчеты. Реализация данных методов позволила выявить коммуникативно-когнитивные характеристики соответствующего фрагмента диалога.

Результаты и обсуждение

Анализ материала обнаруживает, что неопределенность информации занимает разное место и имеет разное качество в зависимости от доминирующей интенции говорящего, использующего ПКХ.

Повторы-репрезентативы

Для ПКХ с повторяющейся репрезентативной интенцией (в материале это около 40 % всех контекстов) типична ситуация, когда адресант приписывает своему адресату неполноту, неточность знаний о предмете речи или некорректную интерпретацию, то есть непонимание информации. Из контекстов следует, что адресат либо не владеет информацией объективно (например, в силу отнесенности к определенной социальной группе), либо волей собеседника лишается права на точное знание. Лексическими маркерами перечисленных положений дел являются прежде всего глаголы «знать», «понимать», употребленные в высказываниях с ирреальной модальностью (1, 2), а также близкие к ним глаголы, выражающие идею непонимания ассертивной либо пресуппозитивной частью своих значений: например, «вразумить» из примера (2) означает ‘наставить, привести к правильному пониманию’ [15]:

(1) *– Позвольте вас, милостивый государь, предупредить и* ***еще раз вам напомнить****, если вы только* ***не знали*** *того, – с особенным и весьма строгим внушением проговорил прокурор, – что вы имеете полное право не отвечать на предлагаемые вам теперь вопросы…* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)].

(2) *Тогда примите мои поздравления: сегодня началась новая мировая война. Но ваши имена в историю не войдут. Боюсь, что они* ***не поняли*** *и этого. – Если вы доложите все, как есть, – попытался я* ***вразумить*** *их* ***еще раз****, – вам просто не поверят…* [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)].

Адресант может подчеркивать некомпетентность адресата и иными, нерегулярными средствами. Так, в (3) он прибегает к категоричному отрицанию, советует прочитать информацию по теме и тут же излагает ее сам, используя «громкий» Caps Lock. В (4) адресант выражает сомнение в том, что адресат преуспеет в деле, о котором идет речь:

(3) *[Mbvanu (nick)] Это НЕ валюта. ЧЕМ вы собираетесь торговать на бирже? ДОЛЯМИ стран в МВФ?* ***Еще раз вам говорю*** *– ПРОЧИТАЙТЕ, ЧТО ТАКОЕ СДР. Специальные права заимствования (англ. Special Drawing Rights, SDR, SDRs)… Не является ни валютой, ни долговым обязательством* [Форум: Новая волна или продолжение старой?! (2010)].

(4) *Взбивайте белок и желток отдельно,* ***еще раз вам повторяю****! Только тогда возникает ничтожный шанс, что у вас получится настоящий торт «Прага», произведение чеха Земана и русского Гуральника…* [Андрей Колесников. Прага нашего города (1997) // «Столица», 02.09.1997].

Повторное речевое действие в составе ПКХ репрезентативного типа не ограничивается дублированием сказанного со стороны адресанта, а содержит дополнительную информацию. Показательны примеры (2, 3), в которых левые и правые контексты модуса повторного говорения не совпадают. Но даже если новые сведения при повторе отсутствуют, он не является «нулевой» информацией, поскольку выполняет риторическую функцию. Так, в повторном напоминании (1) прокурор интонацией указывает на значимость сообщения.

Реже в ПКХ репрезентативного типа неполное или неточное знание о предмете речи характеризует адресанта или обоих коммуникантов; такие ПКХ могут включать повтор запроса (еще раз спрашиваю), либо констатацию незнания в ответ на запрос (еще раз говорю: не знаю), либо констатацию разной степени незнания у адресанта и адресата (мы не знаем, вы что-то знаете). В примере (5) неточное знание обоих коммуникантов о предмете речи – цене товара – имеет следствием повторение вопроса, уклончивый ответ, предложение с оттенком сомнения, согласие с оттенком удивления:

(5) *– Ну, сколько же, –* ***спрашивает еще раз****, – тебе за них? – Сколько пожалуете. – Рубль серебром не мало? – Помилуйте, – говорю, – вполне предостаточно* [Ф. Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана (1903)].

Заметим, что задачей коммуниканта, использующего ПКХ с репрезентативной интенцией, может стать не снятие неопределенности, а, напротив, ее сохранение, как в (6):

(6) *«Никуда никогда мы не ездили, в жизни не было такой поездки...» – «Как? – закричала я. – Как, мама, я все так отчетливо помню: и машину, и церковь, и батюшка был такой худенький, и чаша в его руках была золотая, но маленькая, и…» – «Я* ***еще раз тебе*** *говорю, что ты меня убеждаешь? Никаких машин и поездок, и леса никакого и ничего этого не было». – «А что же это было?» – «Вот что это было, это уже другой вопрос, ясно, что это было,* ***надо*** *радоваться и* ***не очень это разбирать, лучше*** *порадоваться и* ***промолчать****».*

Из примеров (2, 3, 6) видно, что повторные высказывания, направленные на пополнение знаний или коррекцию понимания, сочетают сообщение информации с элементами убеждения. Иначе говоря, коммуникант, использующий ПКХ репрезентативного типа, навязывает адресату свою интерпретацию обсуждаемого положения дел. В свою очередь возможность различных интерпретаций обсуждаемой ситуации может быть обусловлена сложностью осмысления, неочевидностью, непонятностью предмета речи. «Неопределенность внутреннего содержания объекта внимания» рас-

сматривается как одна из смысловых составляющих концепта неопределенности [12, с. 128]; в части наших примеров именно она заставляет говорящего прибегать к вариативному повтору сообщения. Рассмотрим фрагмент из интервью (7), где указанная грань неопределенности характеризует такой предмет речи, как разжигание национальной розни:

(7) *Меня интересуют не частные беседы с Пуго о мытье окон… Меня интересует вопрос: высшее партийное руководство в своих оперативных решениях давало какие-то рекомендации или какие-то установки? Можете ли Вы привести конкретные факты, свидетельствующие о том, что высшее партийное руководство страны стояло на пути разжигания национальной розни? ЯКОВЛЕВ А. Н. Я* ***еще раз вам*** *говорю.* ***Постановлений*** *ЦК, Политбюро и Секретариата о разжигании национальной розни* ***не было****. ИВАНОВ Ю. П.* ***А фактически****? ЯКОВЛЕВ А. Н. А фактически,* ***я Вам уже говорил****,* ***разве это не действия, которые взращивают недоверие,*** *если хотите, к Москве, недоверие к центральному руководству, когда в партийных решениях написано: обязать не только ЦК, может быть, ЦК и правомерно обязать, но и Советы Министров делать то-то и то-то?* [Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 2 (2001)].

В вопросе Ю. П. Иванова об ответственности партийного руководства за разжигание национальной розни содержится неудовлетворенность предыдущим ответом; формулировка вопроса многословна, насыщена абстрактной лексикой. В ответе на вопрос А. Н. Яковлев дважды использует модус говорения, оба раза подчеркивая, что ему приходится повторяться (*еще раз вам говорю, я Вам уже говорил*). Однако его повторные ответы неявно противоречат друг другу; кроме того, поясняя свою точку зрения, он вводит пропозицию идентификации «разве это не…», что характерно для вербализации неочевидных положений дел [16, с. 102]. В высказываниях обоих собеседников употребляются эксплицитные средства выражения неопределенности (дважды *какие-то* в вопросе Ю. П. Иванова; *то-то и то-то* в ответе А. Н. Яковлева), а в реплике А. Н. Яковлева – еще и показатель неуверенности *может быть*. Все сказанное убеждает в сложности осмысления предмета речи.

Повторы-директивы и повторы-комиссивы

Экспликация повторного речевого действия с помощью наречия «еще раз» имеет место в высказываниях-директивах. В нашем материале это просьбы (8), требования (9), советы (10), призывы (11) – всего 23 % контекстов:

(8) *Сереженька, дорогой, здравствуй! Как ты там живешь? У нас все хорошо.* ***Еще раз тебя прошу****, не звони так часто. Только деньги на ветер бросать. Все равно по телефону ничего толком не скажешь. Лучше выбери часок, сядь и напиши все как следует* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

(9) *Нечего нос-то задирать. Через это барыша не будет. –* ***Извольте идти вон****!* ***Еще раз вам повторяю****. – Ну, полно! Оно и в самом деле. Давай поговорим толком* [Н. А. Лейкин. Домовладелец (1880)];

(10) Я ***еще раз вам советую:*** *урегулируйте свои отношения с Григорием Ефимовичем. Он нам с вами нужен. Вы только прикиньте, что получается: погибла Марева, убит при попытке ограбления Ранин, срочно уехал за границу на лечение Мясницкий, исчез Аникин… Вы понимаете, какая цепочка выстроилась?* [Лев Корнешов. Газета (2000)];

(11) *Да! Да! – воскликнул он. – Это и есть твое общее дело! Ты должен поднять всех на ноги,* ***я еще раз тебе повторяю****! Ты должен сплотить вокруг себя все то лучшее, что еще живет и дышит на этой… территории, – обвел он наш двор широким движением руки. – Ты должен стать вдохновителем и организатором… Ты меня понял? – патетически закончил дядя Юзя* [Борис Минаев. Детство Левы (2001)].

Встречаются высказывания, в которых ПКХ, эксплицирующие модус повторного говорения, включают побуждение наряду с другими интенциями; так, например, в (10, 11) имеет место контроль понимания; в (12) адресант выражает косвенное побуждение-прохибитив (*напрасно отталкиваете* подразумевает ‘не отталкивайте’), репрезентатив-прогноз (*раскаетесь*) и экспрессив-угрозу, о присутствии которой свидетельствует наблюдатель-нарратор (*Увидите! – пригрозил…*):

(12) *А вы напрасно меня отталкиваете; по старой дружбе я* ***еще раз вам повторяю****: раскаетесь!.. – заключил он с ударением. – Никогда!.. Наоборот, уверена, что всю жизнь буду хвалить себя! – воскликнула Домна Осиповна. – Увидите! –* ***пригрозил*** *ей Янсутский и круто повернул назад к парку* [А. Ф. Писемский. Мещане (1877)].

В случае повторных директивных высказываний и включающих побуждение полиинтенциональных высказываний говорящий не может быть уверен, что после первой неудачной попытки воздействовать на адресата он добьется успеха во второй раз. В данном случае имеет место разновидность неопределенности, которую Н. Р. Кириченко определила как «осознание недостатка знаний о текущих событиях или о будущих возможностях» [17, с. 192]. Не случайно в типичном случае невозможны повторные директивы, исключающие тако-

го рода неопределенность, например: *«еще раз приказываю» (приказы не обсуждаются, а выполняются сразу).

Тот же недостаток знаний о происходящих событиях и их развитии в будущем, но только характеризующий адресата, обусловливает появление ПКХ-комиссива (4 % контекстов). Адресат заинтересован в том, чтобы адресант выполнил обещание, но у него имеются сомнения в благоприятном исходе событий, и он их вербализует (13). Это характерная ситуация для ПКХ с повторением обещания и экспликацией модуса повторного говорения:

(13) *Мой способ действия непогрешим, и поэтому* ***я обещал*** *вам, что вас освободят. Я* ***еще раз вам*** *это* ***подтверждаю****. – Извините меня, но если вы располагаете таким могущественным средством борьбы, то как могло случиться, что вы оказались там же, где я? –* ***Я вам сказал уже****, что это – недоразумение, – ответил он, пожав плечами. – Меня арестовали ночью, когда я спал* [Г. А. Газданов. Возвращение Будды (1950)].

Прибегая к повтору, автор директивного и комиссивного высказывания почти всегда усиливает свою позицию логическими аргументами (8, 10, 11) и/или паралингвистическими средствами, выполняющими риторическую функцию: в (9, 11, 12) графически обозначена восклицательная интонация, в (12) эмфаза, кроме того, выражена лексически (*заключил он с ударением*). Иначе говоря, подобно ПКХ-репрезентативам, директивы и комиссивы строятся как убеждающие высказывания. Общим является и такой признак, как неочевидность предмета речи, что обнаруживает призыв (11), автор которого использует пропозицию идентификации (*это и есть…*), употребляет лексику с абстрактным значением (*все лучшее, что живет…*).

Повторы в сфере положительной фатики

Наконец, 33 % примеров приходится на «положительную фатику». К ней относятся ПКХ с экспрессивной интенцией, которые представляют собой этикетные речевые действия либо действия, выражающие положительные эмоции (благодарности, извинения, поздравления, похвалы, приветы, признания в добрых чувствах). В данном случае модус повторного говорения и само повторное речевое действие не вызваны неопределенностью информации, вводимой в диалог ранее; ПКХ также не является «исправлением» коммуникативной неудачи. Повтор выполняет интенсифицирующую функцию или сигнализирует о завершении коммуникации (14, 15):

(14) *Ну да ладно, главное, что мы получили немалую сумму компенсации, так что можем залатать дыры.* ***Еще раз вам огромное спасибо****»* [Журнал помог (2003) // «Сельская новь», 16.09.2003].

(15) *Горбачев сказал что-то неопределенное, что именно – не помню. Я: "Я* ***еще раз вас благодарю****! До свидания!" (Получилось, что я, а не он, как следовало по этикету, прервал разговор. Видимо, я не выдержал напряжения разговора и боялся внутренне, что будет сказано что-то лишнее...)* [А. Д. Сахаров. Горький, Москва (1989), далее везде].

Пример (15) примечателен тем, что адресант (А. Д. Сахаров), использующий ПКХ-благодарность, тем самым завершает разговор после того, как его собеседник (М. С. Горбачев) «*сказал что-то неопределенное*». Так же, как в (6), здесь неопределенность информации является для одного из участников коммуникации желаемым, а не преодолеваемым состоянием сознания.

Роль повторного речевого действия в развитии дискурса

За исключением экспрессивов со знаком «плюс», ПКХ сигнализируют о коммуникативной неудаче, постигшей участника диалога до того, как он эксплицировал модус повторного говорения и повторил речевое действие. При стандартном ходе разговора экспликация модуса говорения, как известно, не производится, и если адресант это делает, он не просто осознает неудачу, но и заявляет адресату о том, что не удовлетворен текущим состоянием диалога. Последнее чрезвычайно важно: социальный либо ситуативный статус адресанта, использующего модус повторного говорения, не может быть значительно ниже статуса адресата. Отсюда почти невозможно *«еще раз умоляю» при нормальности «вновь умоляю». Далее адресант действует либо в своих интересах (повторяется, чтобы решить свою неречевую задачу, победить в споре и т. д.), либо в интересах адресата (повторяется, чтобы решить неречевую задачу адресата, помочь разобраться в предмете речи и т. д.).

В первом случае ПКХ реализуют дисгармоничное общение, о чем свидетельствуют уже приведенные примеры 2, 3, 4, 7, 9, 12 и некоторые другие. ПКХ может провоцировать нарастание напряженности: в предложениях с прямой речью слова автора, сопровождающие повторные реплики, включают такие формулировки, как *с особенным и весьма строгим внушением*, *уж закричал*; *заключил с ударением, твердо отчеканивая слова.* Подобные повторы включают негативно-оценочную лексику либо содержат негативную оценку адресата на смысловом уровне: *Зачем так от меня лихорадочно отбиваться, если Вы так уверены в своей правоте?; Я тебе не верю…*; *Извольте идти вон!; …Не мучьте меня … забудем друг друга как можно великодушнее* (для краткости здесь и выше мы ограничились фрагментами контекстов). Во вто-

ром случае адресант стремится нивелировать коммуникативную неудачу в прошлом, проявляет эмпатию, выстраивает диалог в режиме дружеского общения: включает в речь «мы» инклюзивное (10), использует неформальное обращение (8). Черты подобного речевого поведения ярко проявляются в (16), где адресант, дважды не достигший успеха при разъяснении принципа работы электрической лампочки, призывает на помощь «знающего человека»:

(16) *Одной рукой он держал широкий подол, в котором было несколько электрических лампочек. Рядом со стариком стоял молодой человек в меховых торбазах и ватном костюме. – Неразумный, я* ***еще раз тебе*** *говорю, что для горения этих лампочек нужно электричество. Он заметил Ринтына и обрадованно крикнул: – Вот пусть нам объяснит знающий человек! Иди сюда!* [Юрий Рытхэу. Время таяния снегов (1967)].

Перлокутивный эффект речевого действия, вводимого модусом повторного говорения, не регулируется какими-либо правилами речевого поведения. С одной стороны, ряд примеров демонстрирует успешность ПКХ. Зафиксированы сигналы понимания после повторного репрезентатива (*она поняла, что это правда*); исполнение просьбы после ее повторного выражения (*Ну что же мне, скажите, было делать после этого!*); смена адресатом тональности после дублирования ультимативного требования (*Ну полно!... Давай поговорим толком*); бурная эмоциональная реакция, свидетельствующая о том, что адресант услышан (*оба вскинулись*), и др. С другой стороны, те грани неопределенности информации, которые привели адресанта к повторению речевых действий, не всегда нивелируются настолько, чтобы адресат отреагировал на повтор в соответствии с ожиданиями собеседника. Значительная часть контекстов из корпуса оставляет вопрос о перлокутивном эффекте открытым; в отдельных случаях, подобных (6, 15), сохранение неопределенности рассматривается адресантом как достижение цели; есть и такие ПКХ, в которых в явном виде выражена очередная неудача. Повторное речевое действие может не достичь цели вследствие принципиальной множественности интерпретации вновь поступающей информации, чрезвычайной сложности дискурсивных обстоятельств, в частности – влияния на ситуацию третьих лиц, как в (17):

(17) *Ананий Яковлев. Лизавета,* ***еще раз тебе*** *говорю, не делай ты этого. Бурмистр.* ***Нечего тут, не делай****. [Молодому парню] Дай ей своего полушубка и сапог, – до усадьбы только довести ее* [А. Ф. Писемский. Горькая судьбина (1859)].

Заключение

Экспликация модуса повторного говорения является одним из маркеров продолжающего коммуникативного хода (ПКХ) в составе диалога. Так как модус говорения обычно не вербализуется, имеет место прагматически обусловленное нарушение стандарта. Адресант использует формулу «*еще раз + глагол речевого действия*» и затем повторяет сказанное в двух противоположных ситуациях. В случае положительной фатики (благодарность, похвала и др.) повтор повышает этикетность общения, направлен на улучшение отношений с адресатом, не зависит от статусов коммуникантов. В остальных случаях повторное речевое действие – знак того, что адресант не удовлетворен ходом диалога, считает адресата ответственным за коммуникативную неудачу, приписывает себе статус выше (по крайней мере, не ниже) статуса адресата.

Когнитивной предпосылкой повторного речевого действия, не относящегося к положительной фатике, является неопределенность информации. Семантические разновидности неопределенности, на снятие которой направлены повторные речевые действия, соотносятся с интенциями последних. Условием реализации повторных репрезентативов является неполное, неточное знание о предмете речи у коммуникантов – чаще адресата, либо некорректная, с точки зрения адресанта, интерпретация адресатом обсуждаемого положения дел. Инициировать повторное сообщение может также сложный для понимания, неочевидный предмет речи. Повторные директивы и комиссивы появляются в условиях неуверенного прогноза относительно обсуждаемых событий со стороны одного из коммуникантов.

В отдельных примерах ПКХ с эксплицированным модусом повторного говорения направлены не на снятие, а на сохранение неопределенности, что отвечает сложной организации человеческого общения.

Снятие неопределенности информации посредством ПКХ необходимо адресанту для усиления своей коммуникативной позиции. В типичном случае повторные действия, направленные на снятие неопределенности, не дублируют сказанное ранее, выражают новые сведения, сообщают ПКХ признаки убеждающего высказывания, которое, однако, не всегда обеспечивает необходимый говорящему перлокутивный эффект.

Список источников

1. Серебрякова А. Ю. Экстралингвистические причины коммуникативных неудач // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12, № 4. С. 34–37.

2. Сковородников А. П. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та. 2012. 882 с.
3. Данилевская Н. В. Развернутые вариативные повторы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 316–319.
4. Беляев Д. В. Повтор в текстовой структуре Büttenrede // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 2011. № 4. С. 177–182.
5. Гельфман Э. Г, Пенская Ю. К., Цымбал С. Н. Учет различных способов кодирования информации как условие организации обогащающего повторения // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2018. 4 (22). С. 27–38.
6. Туницкая Е. Л. Прагматическая специфика повтора и переспроса в диалоге (на материале французских пьес) // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2015. № 6 (717). С. 588–598.
7. Маркова В. А. Вариативный повтор как средство преодоления коммуникативной неудачи в устной диалогической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(59): в 3 ч. Ч. 3. С. 114–118.
8. Иванцова В. И. Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2022. № 79. С. 40–58.
9. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
10. Вечкина О. В. Коммуникативные неудачи в повседневном речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 22 с.
11. Кириченко Н. Р. Концепт «неопределенность» в английском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 18 с.
12. Кириченко Н. Р. Концепт «неопределенность»: рациональный и иррациональный подходы к исследованию // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 22, № 53. С. 126–131.
13. Николаева Т. М. Определенности – неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 349.
14. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
15. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
16. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск: Вариант-Омск, 2005. 266 с.
17. Кириченко Н. Р. Семантика неопределенных высказываний (на материале рассказов Б. Х. Роджерса) // Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация: материалы Всероссийской конференции памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента СО АН Высшей школы России Юрия Марцельевича Малиновича / отв. ред. И. П. Амзаракова; науч. ред. М. В. Малинович. Омск, 2017. С. 192–196.

References

1. Serebryakova A. Yu. Ekstralingvisticheskiye prichiny kommunikativnykh neudach [Extralinguistic reasons of communicative failures]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika» – Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 4, pp. 34–37 (in Russian).
2. Skovorodnikov A. P. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik.* Pod redaktsiyey A. P. Skovorodnikova [Effective speech communication (basic competences): a dictionary-guide. Edited by A. P. Skovorodnikov]. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2012. 882 p. (in Russian).
3. Danilevskaya N. V. Razvernutye variativnye povtory [Expanded variant repetitions]. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka.* Pod redaktsiey M. N. Kozhinoy [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language. Edited by M. N. Kozhina]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. Pp. 316–319 (in Russian).
4. Belyaev D. V. Povtor v tekstovoy strukture Büttenrede [Repetition in the Büttenrede text structure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology*, 2011, no. 4. pp. 177–182 (in Russian).
5. Gel'fman E. G, Penskaya Yu. K., Tsymbal S. N. Uchet razlichnykh sposobov kodirovaniya informatsii kak usloviye organizatsii obogashchayushchego povtoreniya [Accounting for different ways of encoding information as a condition for organising enriching repetition]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye. Pedagogical Review – Pedagogical Review*, 2018, no. 4 (22), pp. 27–38 (in Russian).
6. Tunitskaya E. L. Pragmaticheskaya spetsifika povtora i peresprosa v dialoge (na materiale frantsuzskikh p'yes) [Pragmatic specificity of repetition and interrogation in dialogue (on the material of French plays)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2015, no. 6 (717), pp. 588–598 (in Russian).
7. Markova V. A. Variativnyy povtor kak sredstvo preodoleniya kommunikativnoy neudachi v ustnoy dialogicheskoy rechi [Variative repetition as a means of overcoming communicative failure in oral dialogic speech]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of theory and practice*, 2016, no. 5(59): in 3 parts, p. 3, pp. 114–118 (in Russian).

8. Ivantsova V. I. Funktsionirovaniye rechevogo zhanra pros'by v diskurse dialektnoy yazykovoy lichnosti [Functioning of the speech genre of request in the discourseof the dialect language personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2022, no.79, pp. 40–58 (in Russian).
9. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [Towards the construction of a typology of communicative failures (on the material of natural Russian dialogue)] *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [The Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ, 1993. Pp. 30–64 (in Russian).
10. Vechkina O. V. *Kommunikativnye neudachi v povsednevnom rechevom obshchenii. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative failures in everyday speech communication. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Saratov, 2010. 22 p. (in Russian).
11. Kirichenko N. R. *Kontsept «neopredelennost'» v angliyskom yazykovom soznani. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concept «uncertainty» in English linguistic consciousness. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Irkutsk, 2008. 18 p. (in Russian).
12. Kirichenko N. R. Kontsept «neopredelennost'»: ratsiona''nyy i irratsional'nyy podkhody k issledovaniyu [Concept "uncertainty": rational and irrational approaches to the study]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, 2007, vol. 22, no. 53, pp. 126–131 (in Russian).
13. Nikolaeva T. M. Opredelennosti – neopredelennosti kategoriya [Definiteness – uncertainty category]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., 1990. p. 349 (in Russian).
14. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 276 p. (in Russian).
15. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka.* Sostavitel', glavnyy redaktor kand. filol. nauk S. A. Kuznetsov [Big explanatory dictionary of the Russian language; Composer, chief editor, candidate of philological sciences S.A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. (in Russian).
16. Orlova N. V. *Naivnaya etika: lingvisticheskiye modeli (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Naive ethics: linguistic models (on the material of modern Russian language)]. Omsk, Variant-Omsk Publ., 2005. 266 p. (in Russian).
17. Kirichenko N. R. Semantika neopredelyonnykh vyskazyvaniy (na materiale rasskazov B. Kh. Rodzhersa) [Semantics of indefinite statements (on the material of B. H. Rogers' stories)]. In: *Vnutrenniy mir cheloveka: emotsii, kognitsiya, kommunikatsiya: materialy Vserossiyskoy konferentsii pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora, chlena-korrespondenta SO AN Vysshey shkoly Rossii Yuriya Martsel'yevicha Malinovicha*. Otvetstvennyy redaktor I. P. Amzarakova, nauchnyy redaktor M.V. Malinovich [The Inner World of Man: Emotions, Cognition, Communication: materials of the All-Russian conference in memory of Doctor of Philological Sciences, professor, corresponding member of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the Higher School of Russia Yuri Martselyevich Malinovich. Executive editor I. P. Amzarakov; scientific editor M. V. Malinovich]. Omsk, 2017. Pp. 192–196 (in Russian).

Информация об авторах

Орлова Н. В., доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55, Омск, Россия, 644077).
E-mail: nvorl@rambler.ru

Стрекалов Д. А., аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55, Омск, Россия, 644077).
E-mail: paperbacknowriter@gmail.com

Information about the authors

Orlova N. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Documentary Communications, F. M. Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55, Omsk, Russian Federation, 644077).
E-mail: nvorl@rambler.ru

Strekalov D. A., postgraduate student, F. M. Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55, Omsk, Russian Federation, 644077).
E-mail: paperbacknowriter@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.07.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 30.07.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 77–86.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 77–86.

УДК 81’42
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-77-86

Образ роз в лирике М. И. Цветаевой: семантико-стилистический анализ

Ирина Алексеевна Пушкарева[1], Юлия Евгеньевна Пушкарева[2]

[1] Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия, irina_puchkareva2016@mail.ru
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, j.e.pushkareva2016@yandex.ru

Аннотация

Семантическая насыщенность образа розы имеет мифологические истоки и рассматривается в современных исследованиях по флоросемантике. Образ розы эксплицирован в 67 стихотворениях М. Цветаевой – от юношеской лирики до поэзии 1925 г. Цель статьи – с опорой на анализ лексической структуры поэтического текста выявить динамику семантико-стилистических особенностей слова-образа «роза», эксплицированного формой множественного числа фитонима в лирике М. Цветаевой. Стихотворения с разными формами числа рассматриваемого слова-образа обладают значительными эстетическими различиями. Материал исследования – 41 стихотворение (от ранних произведений до 1925 г.). Тексты выявлены с опорой на «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой». За основу филологического анализа взяты теория художественно-образной речевой конкретизации М. Н. Кожиной и теория лексической структуры художественного текста Н. С. Болотновой. Стихотворения охарактеризованы в хронологической последовательности, что позволяет раскрыть динамику семантико-стилистических особенностей образа роз в разные периоды творчества. За основу взята периодизация О. Г. Ревзиной. В сборнике «Вечерний альбом» розы передают семантику красоты и любви, воплощают образ яркого ирреального пространства, образ венца, мотив мученичества, сакральную тему. Образ роз становится художественной деталью историй (от зарисовок до более развернутых лирических сюжетов), связан с созданием портретов. В сборнике «Юношеские стихи» лексема «розы» является прежде всего средством создания художественного портрета. В этот период впервые прослеживается связь образа роз и темы смерти, образа роз и темы творчества. В стихотворениях 1916–1919 гг. розы являются эстетическим элементом зарисовок, деталью лирического сюжета, помогают раскрыть образы, увиденные лирической героиней, связаны с оценочно-характеризующей функцией. Используется обобщение лирическим «я» определенного опыта переживаний, где розы связаны с ретроспекцией, воспринимаемой стремящейся к новому или уже обновленной лирической героиней. В театральном 1918 г. увеличивается количество драматических зарисовок с использованием формы множественного числа. Раскрывается экспрессивный потенциал образа роз как яркой художественной детали. В 1919 г. образ роз используется в описательной функции в генитивных метафорах и сравнении, передающих семантику силы, энергии жизни, суть которой – любовь. В лирике 1920-х гг. усиливается связь образа роз с темой творчества, поэтического дара, определяющего путь поэта как путь избранных. Темы любви, творчества, бытия звучат во взаимосвязи и эксплицированы в лексической структуре поэтических текстов автора до 1925 г. В стихотворениях, воплощающих в образе роз тему неразделенной любви, розы становятся символом любви как извечного начала жизни, верность которому – служение великому смыслу и тяжкое бремя. Образ роз в сравнении с ранними стихотворениями насыщается семантически, подвергается метафоризации и символизации, включается в характерные для М. Цветаевой экспрессивные конструкции.

Ключевые слова: *флоросемантика, идиостиль М. И. Цветаевой, лирика М. И. Цветаевой, коммуникативная стилистика текста, лексическая структура поэтического текста*

Для цитирования: Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Образ роз в лирике М. И. Цветаевой: семантико-стилистический анализ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 77–86. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-77-86

© И. А. Пушкарева, Ю. Е. Пушкарева, 2024

Image of a Rose in the Poetry by M. I. Tsvetaeva: Semantic and Stylistic Analysis

Irina A. Pushkareva[1], Yuliya E. Pushkareva[2]

[1] Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation, irina_puchkareva2016@mail.ru
[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation, j.e.pushkareva2016@yandex.ru

Abstract

The semantics of the image of a rose considered in the researches dedicated to the semantics of flowers has mythological roots. 67 verses by Tsvetaeva, from her early works to 1925, contain the image of a rose. The research purpose is to reveal the dynamics of semantic and stylistic features of the word-image rose expressed in a plural form (roses) analyzing lexical structure of the text. The poems containing this image have a lot of aesthetic differences. The research material includes 41 verses, from the early works to 1925. The texts are selected from *Dictionary of the Poetic Language of M. I. Tsvetaeva*. Philological analysis is based on the theories of M. N. Kozhina and N. S. Bolotnova. The authors consider the texts chronologically, which allows them to follow the dynamics of semantic and stylistic features of the image in different periods. The authors use the periodization developed by O. G. Revzina. In the collection of verses *The Evening Album*, roses express semantics of beauty and love; they are associated with a bright unreal space, with the image of a crown, the motif of martyrdom, sacral topics. The image of roses becomes a detail of stories and portraits. In the collection *Youthful Verses*, the word *roses* is, mainly, a detail of a portrait. Besides, the image of roses in this period is tied to the topics of death and writing. In the poems of 1916–1919, roses are an aesthetic element of sketches, a detail of the plot; they characterize the images considered by the heroine and have an evaluative function. The lyrical subject generalizes her feelings associating roses with the retrospection considered by the heroine in a new period of her life. In the theatrical 1918, Tsvetaeva often uses the plural form *roses* in dramatic sketches. The image of roses is developing as a vivid detail. In 1919 the image of roses has a descriptive function in genitive metaphors and a comparison with the semantics of strength, energy, and love. In the verses of the 1920s, the image of roses is associated with the topics of writing, talent, and a special role of the poet. The topics of love, writing, being are interrelated and expressed in the verses until 1925. In the poems where the image of roses expresses the topic of unrequited love, roses become a symbol of love as the beginning of life; being loyal to love is a great sense and a heavy burden. The image of roses, compared with the early verses, becomes deeper in the semantic aspect, more metaphorical and symbolic; Tsvetaeva often includes it in the expressive constructions typical for her.

Keywords: *semantics of flowers, idiostyle of M. I. Tsvetaeva, communicative stylistics of the text, lexical structure of the poetic text*

For citation: Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Obraz roz v lirike M. I. Tsvetaevoy: semantiko-stilisticheskiy analiz [Image of a Rose in the Poetry by M. I. Tsvetaeva: Semantic and Stylistic Analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 77–86 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-77-86

Введение

Семантическая насыщенность образа розы имеет мифологические истоки [1], рассматривается в современных работах по флоросемантике [2, 3]. Хотя в исследовании пейзажных образов в русской поэзии М. Н. Эпштейн в частотно-тематическом указателе употребления образа розы называет Фета, Иванова, Мандельштама, Блока, Пушкина, Ахматову, Батюшкова, Есенина, Соловьева и Ахмадулину [4, с. 340], но не упоминает М. Цветаеву, образ розы эксплицирован в 67 ее стихотворениях – от юношеской лирики до поэзии 1925 г. [5, с. 172–178]. Отдельные аспекты включения образа розы в художественный мир М. Цветаевой рассматриваются в работах С. А. Кошарной и К. О. Папоян [6], Т. В. Портновой и Р. С. Войтеховича [7], Л. А. Старковой [8]. Л. А. Старкова отмечает, что среди цветов «роза занимает первое место в поэзии Цветаевой» [8, с. 290].

Цель статьи – с опорой на анализ лексической структуры поэтического текста выявить динамику семантико-стилистических особенностей слова-образа «роза», эксплицированного формой множественного числа фитонима в лирике М. Цветаевой.

Материал и методы

Стихотворения с разными формами числа рассматриваемого слова-образа обладают значительными эстетическими различиями. На межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием «“Язык цветов” и цветы в языке: флоросемантика и поэтика художественного текста» (Московский городской педагогический университет, 19–20 мая 2023 г.) были представлены наблюдения за формой единственного числа лексемы «роза» (26 стихотворений). В данной работе обратимся к семантико-стилистическим особенностям употребления формы множест-

венного числа фитонима в лирике М. Цветаевой. Материал исследования – 41 стихотворение (от ранних стихотворений до поэзии 1925 г.).

Тексты выявлены с опорой на «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» [5, с. 172–178]. За основу филологического анализа взяты теория художественно-образной речевой конкретизации М. Н. Кожиной [9] и теория лексической структуры художественного текста Н. С. Болотновой [10, 11]. Стихотворения рассмотрены в хронологической последовательности, что позволяет раскрыть динамику семантико-стилистических особенностей образа роз в разные периоды творчества (согласно периодизации О. Г. Ревзиной [12]). Образ роз эксплицирован в стихотворениях «Вечернего альбома», «Юношеской лирики», в периоды 1913–1916 и 1920-х гг. [13, 14]. Последнее употребление слова-образа «розы» представлено в одной из редакций стихотворения «Существования котловиною…» (11 января 1925 г. [14, с. 255]). В лирике 1930-х гг. рассматриваемый образ не встречается. Методика семантико-стилистического анализа употребления ключевого слова-образа в разные периоды творчества М. Цветаевой была апробирована на материале текстов, содержащих ключевые слова «память» [15] и «счастье» [16].

Результаты и обсуждение

К самому раннему периоду творчества М. Цветаевой относятся семь стихотворений, которые входят в первый отданный в печать сборник – «Вечерний альбом» – и содержат слово-образ «роза» в форме множественного числа. Лексема в форме множественного числа имеет схожее с формой единственного числа семантико-стилистическое воплощение в большей части стихотворений раннего сборника. Розы становятся художественной деталью рассказанных лирической героиней историй (от лаконичных зарисовок до более развернутых сюжетов), однако, в отличие от стихотворений с формой единственного числа, слово «розы» неоднократно подвергается художественно-образной речевой конкретизации: сопровождается определением (колоративы *белые, алые*), включается в конструкции с грамматической однородностью, которые могут завершаться апосиопезой, и в контексты с формами глаголов настоящего времени (*касается, стучатся, струится*); встречается также актуализация образа с помощью поэтического переноса: ***Зимний сумрак касается роз / На обоях и ярких углей.*** */ Пошли ему вечер светлей, / Теплее, чем мне, Христос!* («Молитва в столовой» [13, с. 119]); ***Белые розы, орган, торжество, / Радуга звездных колонн…*** («Дама в голубом» [13, с. 39]); ***Ему в окно стучатся розы,*** */ Струится вкрадчивый аккорд… / Он не изменит гордой позы, / Поклонник Байрона – он горд* («Поклонник Байрона», первая строфа [13, с. 138]); ***Алых роз и алых маков / Я принес тебе букет.*** */ Я ни в чем не одинаков, / Я – веселый мальчик-бред* («Мальчик-бред», первая строфа [13, с. 110]). Отметим также, что уже в первом сборнике образ роз связан с созданием портретов («Поклонник Байрона», «Счастье»), тогда как образ розы будет использован в портретах только в следующем сборнике – «Юношеские стихи», обретая при этом особую значимость и глубину.

Эмоционально-ценностные доминанты образа роз также отличаются своим разнообразием от контекстов с формой единственного числа. В первом сборнике роза соотносится с красотой и любовью. Розы в целом сохраняют подобную семантику. Например, в стихотворении «Счастье» используется смысловая лексическая парадигма с повторной номинацией «розы – страстные цветы»: *– Ты прежде* ***лишь розы ценила****, / В кудрях твоих венчик другой. / Ты* ***страстным цветам изменила?*** */ – Во имя твое, дорогой!* [13, с. 96]. В стихотворении «Поклонник Байрона» розы являются частью красивого мира юного романтика. В стихотворении-размышлении «Жажда» образ роз в конструкции с полисиндетоном помогает передать романтическую тоску лирической героини, будучи включенным в смысловую лексическую парадигму знаков прекрасного и важного, но не утоляющего ненасытную жажду: ***И рубины, и розы, и лица, –*** */ Все вблизи безнадежно тускнеет. / Наше сердце о книги пылится, / Но не умнеет* [13, с. 149].

Однако в контекстах с образом роз актуализируются и другие эмоционально-смысловые нюансы. Так, в описании мальчика-бреда алые розы создают образ яркого, волшебного, ирреального пространства, свободного от рамок обыденности. В истории о появлении дамы в голубом белые розы в ряду односоставных номинативных конструкций рисуют картину светлого, неземного праздника, связаны с семантикой святости. В самом раннем стихотворении, где встречается образ роз, он соотносится со сквозными в творчестве М. Цветаевой образом венца и мотивом мученичества и включен в антитезу: ***Отцам из роз венец****, тебе из терний, / Отцам – вино, тебе – пустой графин. / За их грехи ты жертвой пал вечерней, / О, на заре замученный дофин!* («Людовик XVII», первая строфа [13, с. 37]).

Пять стихотворений представляют следующий этап творчества, длящийся до 1915 г., и входят в «Юношеские стихи» (1913–1916). Лексема «розы», как и в первом сборнике, становится средством создания художественного портрета, например: *И принимает, лепеча, / В прохладные объятья –* */* ***Живые розы у плеча / И розаны на платье, // Уста, еще алее роз,*** */ И цвета листьев – очи…* («В огромном липовом саду…», 2 января 1914 г.

[13, с. 201]). В «Юношеских стихах» роль образов розы и роз в создании художественного портрета наиболее полно раскрылась в цикле «П. Э.». Образ роз входит в два стихотворения из цикла, посвященного Петру Яковлевичу Эфрону, становится сквозным в цикле и создает эстетику образа героя, подчеркивая при этом диссонанс в звучании темы красоты (пепел, стряхиваемый на розу): *Ах, не оценят – мир так груб! – / Пленительную Вашу позу. / Я помню: Вы у самых губ / Держали розу. // Все помню: на краю шэз-лонг / Соломенную Вашу шляпу, / Пронзительно звенящий гонг, /* ***И запах // Тяжелых, переспелых роз*** */ И складки в парусинных шторах, / Беседу наших папирос / И шорох, // С которым Вы, властитель дум, / На розу стряхивали пепел. / – Безукоризненный костюм / Был светел* («Прибой курчавился у скал…», второе стихотворение цикла, 28 июня 1914 г. [13, с. 207]). Лексема в форме множественного числа, как и в текстах первого сборника, сопровождается определениями (*тяжелые, переспелые*). В контексте они включены в смысловую лексическую парадигму со связью пересечения и актуализируют семантику предельности, метафорически соотносимую с темой границы жизни и смерти. Связь образа роз и темы смерти в стихотворениях Цветаевой впервые прослеживается именно в цикле «П. Э.». Розы воплощают тему восхищения прекрасным, которое неподвластно времени и земному пределу: *Милый друг, ушедший дальше, чем за море! /* ***Вот Вам розы*** *– протянитесь на них. / Милый друг, унесший самое, самое / Дорогое из сокровищ земных* (5 июня 1915 г., заключительное стихотворение цикла, с помощью образа роз соотносимое с первым [13, с. 213]).

Стихотворения с формой множественного числа продолжают и заданную в первом сборнике манеру концептуального обобщения, где образ роз является метафорическим или метонимическим знаком определенных ценностных составляющих жизни. Стилистически эта роль усиливается с помощью рядов однородных членов, в которые включается форма «розы», как это было, например, в раннем стихотворении «Жажда», где ряд «И рубины, и розы, и лица» передавал все самое лучшее на земле, например: *И безудержно – мой конь / Любит бешеную скачку! – / Я метала бы в огонь / Прошлое – за пачкой пачку: //* ***Старых роз и старых книг.*** */ – Слышите, мой ученик?* («Я сейчас лежу ничком…», 1 июня 1913 г. [13, с. 181]). Думается, что в смысловой лексической парадигме «*старые розы – старые книги*» розы – это не только возможный образ реальных засушенных на память цветов, но и образ прежних любовных историй, которые в экспрессивном контексте зачеркиваются во имя утверждения новой любви, как и прежние периоды духовных исканий и творчества (*старые книги*). Особая концептуальная насыщенность характерна для текстов, в которых звучит тема творчества. Как уже отмечалось, образ розы/роз неоднократно в них встречается, например: *Устам платила я щедрой данью, /* ***Я розы сыпала на гроба…*** («Даны мне были и голос любый…», 31 декабря 1915 г. [13, с. 250]). Вновь видим связь образа розы с темой смерти (смысловая лексическая парадигма «*розы – гроба*»), причем данная смысловая связь, на наш взгляд, может быть прочитана двояко: с одной стороны, это ритуал восхищения и прощания, с другой – победа красоты над смертью, нетленность прекрасного.

Образ розы представлен в 17 стихотворениях периода 1916–1919 гг. В двух стихотворениях 1916-го, содержащих форму множественного числа, розы являются деталью лирического сюжета и помогают раскрыть образы, увиденные лирической героиней. Это история о свадьбе в сюжете о разлуке лирической героини с героем («Искательница приключений…») и история о мистической смерти молодого пастора («В полнолунье кони фыркали…»; вновь связаны розы и смерть, розы в контексте выражают благоговейное отношение паствы к духовному наставнику): *И между нами – океан, / И весь твой лондонский туман, /* ***И розы свадебного пира…*** («Искательница приключений…», 24 июля 1916 [13, с. 312]); *На его лице серебряном / Были слезы. Целый день /* ***Притекали данью щедрой / Розы из окрестных деревень*** («В полнолунье кони фыркали…», 28 июля 1916 г. [13, с. 315]). Приведенные два контекста объединены ритуальной нагрузкой образа розы в культуре. В третьем стихотворении 1916 г., содержащем форму множественного числа, реализуется оценочно-характеризующая функция – выражено отношение лирической героини к многострадальному и святому еврейскому народу: *Кто не топтал тебя – и кто не плавил, /* ***О купина неопалимых роз!*** («Евреям», 13 октября 1916 г. [13, с. 322]). Сакральность образа передана с помощью библеизма «неопалимая купина». Библейское выражение «буквально значит “несгораемый куст”. В пламени этого тернового куста, по библейскому преданию, Моисею являлся сам Бог» [17]. Как и в раннем стихотворении «Людовик XVII», соединение образов розы и терна связано с мотивами мученичества и святости.

Образ розы/роз становится важным эстетическим элементом нескольких циклов М. Цветаевой. В предыдущем периоде это «П. Э.» (роза и розы), «Ахматовой» (роза), в период 1916–1920 гг. это «Дон-Жуан» (также роза и розы), «Комедьянт» (розы), «Стихи к Сонечке» (роза, розы). В тексте-портрете одноименного цикла Дон-Жуан предста-

ет как собирательный образ. В зарисовке о Дон-Жуане и Кармен образ розы включен в описание места и времени действия – прихода любви: *Нет, уж лучше я расскажу вам сказку: / Был тогда – январь. / Кто-то бросил розу* («***После стольких роз***, городов и тостов…», 22 февраля 1917 г. [13, с. 336]). «Розы» в первой строчке стихотворения становятся деталью многочисленных историй любви в жизни Дон-Жуана. Эта многочисленность подчеркнута рядом однородных членов, каждый из которых имеет форму множественного числа. Появление слова «роза» в форме единственного числа связано с поворотом лирического сюжета: многочисленным историям любви противопоставлена уникальная история встречи Дон-Жуана и Кармен, увиденная лирической героиней.

Стихотворения с формой множественного числа также могут содержать зарисовки, в которых роза становится художественной деталью, сопряженной с какой-либо ситуацией или историей, в том числе в подобных контекстах создается зарисовка метафизическая («пейзажная фантазия» [4, с. 204]); наряду с зарисовками используется обобщение лирическим «я» определенного опыта переживаний, где розы связаны с ретроспекцией, воспринимаемой стремящейся к новому или уже обновленной лирической героиней.

Живая сила любви наполняет страницы книг и сердца их читателей. Так, формы единственного и множественного числа использованы в стихотворении «***Аймек гуарузим – долина роз…***» (18 сентября 1917 г. [13, с. 375]). Текст рассказывает о чтении семилетним мальчиком романа и о его взрослении как познании силы любви (мотив в творчестве Цветаевой). Роза в стихотворении – сквозной образ, символ любви и красоты. Ключевой образ пронизывает весь текст – от первой строчки (неправильного перевода с иврита [7, с. 280]) ко второй, где контекстуальная синонимия сближает слова «розовые» и «райские», к третьей строфе, в которой возлюбленная сравнивается с розой (*Еврейская девушка – меж невест – / Что роза среди ракит!*), и к сильной позиции конца текста, утверждающего познание истинной силы любви испанским грандом, вопреки всем запретам и неминуемой жестокой каре полюбившим еврейскую девушку, и мальчиком, прочитавшим об этой истории: *От черного взора и красных кос / В глазах твоих – темный круг. /* ***И целое дерево райских роз*** */ Цветет меж библейских букв* [13, с. 375]. Метафора дерева райских роз воплощает смысл любви как изначальной, великой, божественной силы. Эта сила амбивалентна: красота любви сопряжена со страданиями влюбленных (смысловая лексическая парадигма «*целое дерево райских роз – красный костер*»). Образ роз включен в пейзажную фантазию, рисующую рай, в стихотворении «Только закрою горячие веки…» (20 января 1917 г. [13, с. 332]): *Только закрою горячие веки – /* ***Райские розы****, райские реки…* Образ рая воплощен ярко и зримо с помощью приема представления и эллипсиса. В увиденном раю нет покоя, как и в состоянии мятущейся лирической героини, приблизившейся, как и Ева, к Древу Познания.

В стихотворении «Август – астры…» (7 февраля 1917 г. [13, с. 334]) форма «роз» входит в ряд однородных членов, характеризующих последний месяц лета: *Месяц поздних поцелуев, /* ***Поздних роз*** *и молний поздних!* Смысловая лексическая парадигма создается репризой эпитета «поздние»: звучит предосенняя печаль прощания, но в то же время переданы яркость, интенсивность переживания на исходе лета. Семантика интенсивности пронизывает созданный в стихотворении «бурный пейзаж» [4, с. 157].

Розы входят в обобщенный ретроспективный план и как знаки любви связаны в смысловых лексических парадигмах с образом ртов (поцелуев) в стихотворении «Так, одним из легких вечеров…» (1 января 1917 г. [13, с. 330]): ***Ртам и розам – разве помнит счет*** */ Взгляд (бессонный) мой и грустный рот? / – Радостна, невинна и тепла / Благодать твоя в меня текла*. Отметим неоднократную актуализацию связи лексем «роза» и «рот» («губы», «уста») в контекстах, где звучит тема любви. Смысловая лексическая парадигма «*рты – розы*» в приведенном контексте раскрывает ретроспективный план, с которым ныне прощается душа лирической героини, выбравшая сакральный путь. Характерно, что этот выбор манифестирован в первый день нового года.

В театральном 1918-м увеличивается количество драматических зарисовок с использованием формы множественного числа. Раскрывается экспрессивный потенциал образа роз как яркой художественной детали: *Ветер звонок, ветер нищ, /* ***Пахнет розами с кладбищ…*** *<…> В беззаботный, скалозубый / Разговор – и в ворот шубы /* ***Прячешь розовые губы*** (13 января 1918 г. [13, с. 385]); ***Кто бросил розы на снегу?*** */ Ах, это шкурка мандарина…* (прием отрицательного сравнения, «Уедешь в дальние края…», февраль 1918 г. [13, с. 386]); «*Новый год.* ***Ворох роз…***», 10 ноября 1918 г. [13, с. 444]; *Утро. Надо чистить чаши / Надо розы поливать // <…>* ***Розы политы вторично.*** */ Звон. Вечерняя заря* (15 октября 1918 г. [13, с. 432]). В 1918 г. представлена связь образа роз и темы творчества. Смысловая лексическая парадигма «*стихи – звезды – розы*» («Стихи растут, как звезды и как розы…», 14 августа 1918 г. [13, с. 418]) актуализирует смысл высшей красоты, имеющей небесное, космическое происхождение, неподвластное человеку, но открытое Певцом.

В 1919 г. образ роз используется в описательной функции в генитивных метафорах («Бальмонту», «Ты принес мне горсть рубинов…») и сравнении («Маленькая сигарера…»), передающих семантику силы, энергии жизни, суть которой – любовь: ***Губки красные – что розы:*** */ Нынче пышут, завтра вянут, / Жалко их – на привиденье, / И живой души – на камень* (последняя строфа, «Маленькая сигарера…», 1919–1937 [13, с. 474]); *Ты принес мне горсть рубинов, – /* ***Мне дороже розы уст*** («Четверостишия», 1919–1920 [13, с. 502]). Розы уст – образ любви, страстности натуры, жажды жизни. Неготовность возлюбленного ответить таким же сильным порывом также передается с помощью образа роз: *Я себя почувствовала воском: /* ***Маленькой покойницею в розах*** («Не поцеловали – приложились…», начало января 1919 г. [13, с. 459]). Здесь розы – знак неземной чистоты, ухода из мира бренного и грешного, из мира страстей. В стихотворении «Бальмонту» физическое изнеможение – проявление силы духа, его аристократизма: *Пышно и бесстрастно вянут /* ***Розы нашего румянца.*** */ Лишь камзол теснее стянут: / Голодаем как испанцы* (ноябрь 1919 г. [13, с. 493].

В 1920-е гг. написано 15 стихотворений с формой множественного числа слова-образа «роза». В мае 1922 г. для М. Цветаевой начнется период эмиграции. Все стихотворения, содержащие словообраз «роза» в форме единственного числа, написаны до эмиграции. Роза – идеально-прекрасный мир любви, зовущий, но воплощенный в реальности как час, украденный у вечности. Она действительно станет последней в лирике 1922 г. (стихотворение «В просторах покроя…» [14, с. 97]). Однако в стихотворениях до 1925 г. сохраняет свою значимость образ роз, представленный формой множественного числа. Он встречается как в отдельных стихотворениях, так и в циклах (<Н. Н. В.> – роза и розы, «Вячеславу Иванову», «Отрок», «Земные приметы», «Провода» – розы), соотносится с темами любви, творчества, бытия, которые в большей части стихотворений звучат во взаимосвязи.

Несколько стихотворений актуализируют образ роз, передающий драматизм переживаний, прежде всего связанных с историями о неразделенной любви. Так, драматизм переживаний передан образом *иерихонских роз* в описании Саула-Царя (бушующих в душе страстей) в четвертом стихотворении цикла «Отрок»: *Так давно уж Саулу-Царю не пьется, / Так давно уже землю пытает око. //* ***Иерихонские розы горят на скулах,*** */ И работает грудь наподобье горна. // И влачат, и влачат этот вздох Саулов / Палестинские отроки с кровью черной* («Виноградины тщетно в садах ржавели…», 30 августа 1921 г. [14, с. 52]). Трансформация фразеологизма-библеизма «иерихонские трубы» актуализирует смысл неизбежного праведного суда над грешником. Характерно соединение лексем «розы» и «кровь» в стихотворениях, передающих драматический накал. Усиливает экспрессию прием контраста, например, смысловая лексическая парадигма парадоксального типа «*розы – змеи*», антитезы «*розы крови – просторный покрой бессмертия*», «*губы – розы*»: *«Все плакали, и если кровь болит… / Все плакали,* ***и если в розах – змеи****»… / Но был один – у Федры – Ипполит! / Плач Ариадны – об одном Тезее!* (второе стихотворение цикла «Провода» – «Чтоб высказать тебе…», 18 марта 1923 г. [14, с. 175]; ***Уплочено же – всеми розами крови*** */ За этот просторный покрой / Бессмертья… / До самых летейских верховий / Любивший – мне нужен покой // Беспамятности…* («Эвридика – Орфею», 23 марта 1923 г. [13, с. 183]); *Ты думал – торгуют пространством? / Морями и сушей? / Живейшим из мяс: / Мы мясо – не души! /* ***Мы губы – не розы!*** */ От нас? Нет – по нас / Колеса любимых увозят!* («Крик станций», 24 сентября 1923 г. [14, с. 223]).

В стихотворениях, воплощающих в образе роз тему неразделенной любви, розы становятся символом любви как начала жизни, верность которому – служение великому смыслу и тяжкое бремя, отвергнуть любовь для лирической героини – слабость, попрание всего лучшего в себе, потеря смысла. В раскрытии данной темы в стихотворениях 1920-х гг. важны известные литературные и мифологические персонажи (Офелия и Гамлет, Эвридика и Орфей, Ариадна и Тезей, Федра и Ипполит). Так, в двух стихотворениях образ роз появляется как упрек принцу Гамлету, не оценившему дар любви: *...Думали ль / Раз хотя бы о том – что сорвано / В маленьком цветнике безумия… //* ***Розы?.. Но ведь это же – тссс! – Будущность! / Ввем – и новые растут! Предали ль / Розы хотя бы раз? Любящих – / Розы хотя бы раз? – Убыли ль?*** («Офелия – Гамлету», 28 февраля 1923 г. [14, с. 170–171]); *Принц Гамлет! Довольно червивую залежь / Тревожить…* ***На розы взгляни!*** */ Подумай о той, что – единого дня лишь – / Считает последние дни* («Офелия – в защиту королевы», 28 февраля 1923 г. [14, с. 171]). Образ отвергнутых женщин представлен как обобщенный в стихотворении «Пражский рыцарь»: *Клятвы, кольца… / Да, но камнем в реку / Нас-то – сколько / За четыре века! // В воду пропуск / Вольный.* ***Розам – цвесть!*** */ Бросил – брошусь! / Вот тебе и месть!* («Пражский рыцарь», 27 сентября 1923 г. [14, с. 228]). Эллипсис утверждает высшее право любви – быть. Быть вопреки, поскольку идеально-прекрасный мир, воплощенный в образе роз, несовместим с миром несовершенной реальности.

В стихотворениях 1920-х гг. усиливается связь образа роз с темой творчества. Взаимосвязь трех

ключевых тем – любви, творчества, бытия – прослеживается в цикле <Н. Н. В.>. Так, в пятом стихотворении цикла – «Да, друг невиданный, неслыханный…» [13, с. 524] – утверждающая свое право на любовь лирическая героиня раскрывает перед возлюбленным тайну и силу своего знания. Образ венца из роз помогает передать магию преображения, которой обладает всевидящая героиня, способная освободить душу, жить ее свободным порывом и приобщить к этой свободе избранника: ***Вся стража – розами увенчана:*** */ Слепая, шалая толпа! / – Всех ослепила – ибо женщина, / Все вижу – ибо я слепа* (апрель 1920 г.). В одиннадцатом стихотворении цикла – «Когда отталкивают в грудь…» [13, с. 527] – смысловая лексическая парадигма «жемчуга – розы» отражает связь тем любви и творчества. Для лирической героини любовь, включая безответную, – источник вдохновения: *Когда отталкивают в грудь, / Ты на ноги надейся – встанут! / Стучись опять к кому-нибудь, / Чтоб снова вечер был обманут. // ...с канатной вышины / **Швыряй им жемчуга и розы,** / ...друзьям твоим нужны – / Стихи, а не простые слезы* (16 мая 1920 г.). Розы – образ творчества, творческого преображения, прекрасной квинтэссенции любви. Отметим эмоционально-оценочную характеристику использованного в контексте императива, объединяющего образы жемчугов и роз. Выбранный глагол позволяет увидеть аллюзию на фразеологизм библейского происхождения «метать бисер перед свиньями» и почувствовать царственное достоинство, гордость лирической героини-поэта, осознающей свой путь как путь избранных. Преображение жизни в поэзию передает антитеза стихов и простых слез. Подобная тема звучит в стихотворении «Где слезиночки роняла…» [13, с. 548] – воплощается смысловой лексической парадигмой «*слезиночки – розы*»: *Где слезиночки роняла, / **Завтра розы будут цвесть.** / Я кружавчики сплетала, / Завтра сети буду плесть. // Вместо моря мне – все небо, / Вместо моря – вся земля. / Не простой рыбацкий невод – / Песенная сеть моя!* (15 июня 1920 г.). Смысловая лексическая парадигма «*слезиночки – розы*» эксплицирует темы чудесного преображения, вызванного творчеством, и пути для избранных, способных сплести песенную сеть. Антитеза отражает два мира – мир обыденности (образы моря и простого рыбацкого невода) и мир поэтического творчества (образы песенной сети и знаков ее безграничности по вертикали и горизонтали – неба и земли). Ассоциативно богат образ сети, сопряженный со смыслом добывания, ловли, которые являются метафорическими знаками рождения стихов и обретения своего читателя.

В двадцать первом стихотворении цикла <Н. Н. В.> – «И не спасут ни стансы, ни созвездья…» [13, с. 533–534] – лирическая героиня предстает перед нами в двух ипостасях: как любящая женщина и как поэт. Причем ее окончательный и неизбежный выбор – путь поэта: *И не спасут ни стансы, ни созвездья. / А это называется – возмездье / За то, что каждый раз, // Стан разгибая над строкой упорной, / Искала я над лбом своим просторным / Звезд только, а не глаз. / <...> Что с глазу на глаз с молодым Востоком / Искала я на лбу своем высоком / **Зорь только, а не роз!*** (20 мая 1920 г.). Координаты жизни лирической героини – ее духовный мир (образ лба, измеряемого вширь и ввысь). Антитезы (акротезы) звезд и глаз, зорь и роз передают небесный, духовный, творческий выбор. В таких координатах земное счастье невозможно. Образ роз появляется в сильной позиции конца текста, прием синтаксического параллелизма формирует смысловые лексические парадигмы *звезды – зори* (красота небесная) и *глаза – розы* (красота земная).

Перекликается с рассмотренными образ дочери неба, сумевшей пронести в этом мире полный передник роз: *Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь! / **С полным передником роз!** – Ни ростка не наруша! / Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь / Бог не пошлет по мою лебединую душу!* («Знаю, умру на заре…», декабрь 1920 г. [13, с. 573]). Антитеза лебединой души и ястребиной ночи противопоставляет чистоту и красоту лирической героини жестокому миру.

В черновике пятого стихотворения цикла «Земные приметы» также появится образ роз как абсолютной красоты, которая явится в этот мир как божественная справедливость: *Сиротствующее – найдет отца, / И даже век не выбросит, / **Когда придут и розы,** и сердца, / И лавры на серебряном подносе* («Удостоверишься – повремени…», июль 1922 г. [14, с. 122]). Смысловая лексическая парадигма «*розы – сердца – лавры*», представленная рядом однородных членов с полисиндетоном, передает семантику прихода на землю Царствия Божия. Последнее включение слова-образа «розы» в лексическую структуру мы наблюдаем в одной из редакций стихотворения 11 января 1925 г. «Существования котловиною…» [14, с. 255]: *Что по кольям и угольям – ложь: **по розам!** / Вдохновенья лирические стопы. / И барахтаюсь – что мужик под возом, / Опрокинутым посреди степи*. В контексте звучит тема пути поэта – пути по розам (антитеза кольев и угольев и роз), мучительного в мире несправедливости и боли.

Важный акцент в воплощении темы творчества в стихотворениях, включающих образ роз в 1920-е гг., – тема поэтического братства. Лирическая героиня посвящает стихотворения собратьям по перу (Иванову, Пастернаку, Миндлину). Экспрессивно звучит

обращение к ушедшему из жизни поэту: *Головой в колени добрые / Утыкаючись – все думаю: / Все ли – до последней – собраны /* ***Розы для тебя в саду?*** («Вячеславу Иванову», 1-е воскресенье после Пасхи 1920 г. [13, с. 521]). В подобных контекстах розы – выражение любви, восхищения, ощущения духовного единства.

Заключение

Лексема в форме множественного числа имеет схожее с формой единственного числа семантико-стилистическое воплощение в большей части стихотворений раннего сборника. Розы передают семантику красоты и любви, становятся художественной деталью историй, однако, в отличие от стихотворений с формой единственного числа, слово «розы» неоднократно подвергается художественно-образной речевой конкретизации. Уже в первом сборнике образ роз связан с созданием портретов («Поклонник Байрона», «Счастье»). Эмоционально-ценностные доминанты образа роз также отличаются своим разнообразием от контекстов с формой единственного числа. В самом раннем стихотворении, где встречается образ роз («Людовик XVII»), он соотносится со сквозными в творчестве М. Цветаевой образом венца и мотивом мученичества.

В сборнике «Юношеские стихи» лексема «розы», как и в первом сборнике, является средством создания художественного портрета. Связь образа роз и темы смерти в стихотворениях Цветаевой впервые прослеживается в цикле «П. Э.». Розы воплощают тему восхищения прекрасным, которое неподвластно времени и земному пределу. Стихотворения с формой множественного числа продолжают заданную в первом сборнике манеру концептуального обобщения, где образ роз является метафорическим или метонимическим знаком определенных ценностных составляющих жизни. Стилистически эта роль усиливается с помощью рядов однородных членов, в которые включается форма «розы». Особая концептуальная насыщенность характерна для текстов, в которых звучит тема творчества. В «Юношеских стихах» образ роз включается в подобные контексты.

В стихотворениях 1916–1919 гг. розы являются эстетическим элементом зарисовок (в том числе «пейзажных фантазий», «бурного пейзажа»), деталью лирического сюжета, помогают раскрыть образы, увиденные лирической героиней, связаны с оценочно-характеризующей функцией. Также используется обобщение лирическим «я» определенного опыта переживаний, где розы связаны с ретроспекцией, воспринимаемой стремящейся к новому или уже обновленной лирической героиней. В театральном 1918 г. увеличивается количество драматических зарисовок с использованием формы множественного числа. Раскрывается экспрессивный потенциал образа роз как яркой художественной детали. В 1919 г. образ роз используется в описательной функции в генитивных метафорах и сравнении, передающих семантику силы, энергии жизни, суть которой – любовь.

В лирике 1920-х гг. усиливается связь образа роз с темой творчества, поэтического дара, определяющего путь поэта как путь избранных. Темы любви, творчества, бытия звучат во взаимосвязи и эксплицированы в лексической структуре до 1925 г. Важный акцент в воплощении темы творчества в стихотворениях, включающих образ роз в 1920-е гг., – тема поэтического братства. Лирическая героиня посвящает стихотворения собратьям по перу (Иванову, Пастернаку, Миндлину). Несколько стихотворений актуализируют образ роз, передающий драматизм переживаний, прежде всего связанных с историями о неразделенной любви. В стихотворениях, воплощающих в образе роз тему неразделенной любви, розы становятся символом любви как извечного начала жизни, верность которому – служение великому смыслу и тяжкое бремя. В раскрытии данной темы в стихотворениях 1920-х гг. важны известные литературные и мифологические персонажи (Офелия и Гамлет, Эвридика и Орфей, Ариадна и Тезей, Федра и Ипполит).

Список источников

1. Топоров В. Н. Роза // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. Т. 2. С. 386–387.
2. Канарская Л. Г., Милякова Ю. А. «Где розы, там и тернии – таков закон судьбы»: символика розы в мужской лирике XIX–XX веков // Наука и Образование. 2022. Т. 5, № 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49458877 (дата обращения: 08.08.2023).
3. Ненарокова М. Р. «Царица цветов»: развитие значений розы в европейском и русском языке цветов (XVII–XIX вв.) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 6–5. С. 38–66.
4. Эпштейн М. Н. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара: Бахрах-М, 2007. 352 с.
5. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. / сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина. М.: Домм музей Марины Цветаевой, 2001. Т. 4, кн. 1. 672 с.

6. Папоян К. О., Кошарная С. А. Фитонимические образы в поэтической картине мира М. И. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 7. С. 143–146.
7. Портнова Т. В., Войтехович Р. С. Литературные источники образа Испании в творчестве Марины Цветаевой // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2022. Т. 19, вып. 2. С. 272–288.
8. Старкова Л. А. Фитосимволика в поэзии М. И. Цветаевой // Мировая литература глазами современной молодежи: сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции (Магнитогорск, 25 ноября 2016 г.). Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2016. С. 288–292.
9. Кожина М. Н. Художественно-образная речевая конкретизация // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожиной. М., 2003. С. 585–594.
10. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 212 с.
11. Болотнова Н. С. Лексическая структура поэтического текста как ключ к постижению его ценностных смыслов // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 1. С. 20–25.
12. Ревзина О. Г. Марина Цветаева // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. М., 1995. С. 305–362.
13. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1: Стихотворения. 640 с.
14. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2: Стихотворения. Переводы. 592 с.
15. Пушкарева И. А., Ломакова А. В. Слово-образ «память» в лирике М. И. Цветаевой 1920 года // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 3 (209). С. 124–131. doi: 10.23951/1609-624X-2020-3-124-131
16. Пушкарева И. А. Слово-образ «счастье» в лирике М. И. Цветаевой // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 1 (98). С. 128–134.
17. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. // Справочник по фразеологии. URL: http://new.gramota.ru/spravka/phrases?alpha=H&start=15 (дата обращения: 08.08.2023).

References

1. Toporov V. N. Roza [Rose]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 tomakh. T. 2* [Myths of the World. Encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, 1998. Pp. 386–387 (in Russian).
2. Kanarskaya L. G., Milyukova Yu. A. “Gde rozy, tam i ternii – takov zakon sud’by”: simvolika rozy v muzhskoy lirike XIX–XX vekov [“Roses Are Where Thorns Are – This Is the Rule of Destiny”: the Symbol of a Rose in the Male Lyrics of the 19th and 20th Centuries]. *Nauka i Obrazovaniye – Science and Education*, 2022, vol. 5, no. 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49458877 (in Russian).
3. Nenarokova M. R. “Tsaritsa tsvetov”: razvitiye znacheniy rozy v evropeyskom i russkom yazyke tsvetov (XVII–XIX vv.) [“The Queen of Flowers”: the Development of the Senses of a Rose in the European and Russian Language of Flowers (from 17th to 19th centuries)]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy – Modern Tendencies of Science and Technology*, 2016, no. 6–5, pp. 38–66 (in Russian).
4. Epshteyn M. N. *Stikhi i stikhii. Priroda v russkoy poezii XIX–XX vv.* [Verses and Elements. Nature in the Russian Poetry of 19th and 20th centuries]. Samara, 2007. 352 p. (in Russian).
5. *Slovar’ poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy* [Dictionary of the Poetic Language of Marina Tsvetaeva]. In 4 volumes. Vol. 4. Book 1. Ed. by O. G. Revzina. Moscow, 2001. 672 p. (in Russian).
6. Papoyan K. O., Kosharnaya S. A. Fitonimicheskiye obrazy v poeticheskoy kartine mira M. I. Tsvetayevoy [Phytonimic Images in the Poetic World of M. I. Tsvetaeva]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2019, vol. 12, no. 7. pp. 143–146 (in Russian).
7. Portnova T. V., Voytekhovich R. S. Literaturnyye istochniki obraza Ispanii v tvorchestve Mariny Tsvetayevoy [Literary Sources of the Image of Spain in the Works by Marina Tsvetaeva]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2022. vol. 19, no. 2, pp. 272–288 (in Russian).
8. Starkova L. A. Fitosimvolika v poezii M. I. Tsvetayevoy [Phytonimic Symbols in the Poetry by M. I. Tsvetaeva]. M*irovaya literatura glazami sovremennoy molodezhi: sbornik materialov mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy-prakticheskoy (Magnitogorsk, 25 noyabrya 2016)* [The World Literature from the Perspective of the Youth: Materials of the international conference (Magnitogorsk, 25 November 2016)]. Magnitogorsk, 2016. Pp. 288–292 (in Russian).
9. Kozhina M. N. Khudozhestvenno-obraznaya rechevaya konkretizatsiya [Imaginative Speech Substantiation]. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedic Dictionary on Stylistics]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, 2003. Pp. 585–594 (in Russian).
10. Bolotnova N. S. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [Lexical Structure of the Literary Text in Comparative Aspect]. Tomsk, 1994. 212 p. (in Russian).

11. Bolotnova N. S. Leksicheskaya struktura poeticheskogo teksta kak klyuch k postizheniyu yego tsennostnykh smyslov [Lexical Structure of the Poetic Text as a Key to the Understanding of its Valuative Senses]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2019, vol. 80, no. 1, pp. 20–25 (in Russian).
12. Revzina O. G. Marina Tsvetaeva [Marina Tsvetaeva]. In: *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka. Opyty opisaniya idiostiley* [Notes on the History of the Russian Poetry Language of the XX Century. Idiostyles]. Moscow, 1995. Pp. 305–362 (in Russian).
13. Tsvetayeva M. I. Sobraniye sochineniy v 7 tomakh. Tom 1: Stikhotvoreniya [Collection of Works in 7 Volumes. Vol. 1: Verses]. Ed. by A. Saakyants. Moscow, 1994. 640 p. (in Russian).
14. Tsvetayeva M. I. *Sobraniye sochineniy v 7 tomakh. Tom 2: Stikhotvoreniya. Perevody* [Collection of Works in 7 vol. Vol. 2: Verses. Translations]. Ed. by A. Saakyants. Moscow, 1994. 592 p. (in Russian).
15. Pushkareva I. A., Lomakova A. V. Slovo-obraz "pamyat'" v lirike Tsvetaevoy 1920 goda [The Word-Image Memory in the Lyrics by Tsvetaeva of 1920]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, vol. 3 (209), pp. 124–131 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-3-124-131
16. Pushkareva I. A. Slovo-obraz "schast'ye" v lirike Tsvetaevoy [The Word-Image Happiness in the Lyrics by Tsvetaeva]. *Uchyonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Orel state university*, 2023, no. 1 (98), pp. 128–134 (in Russian).
17. Birikh A. K., Mokiyenko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Ed. by V. M. Mokiyenko. URL: http://new.gramota.ru/spravka/phrases?alpha=H&start=15 (in Russian).

Информация об авторах

Пушкарева И. А., доктор филологических наук, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Кемеровский государственный университет (ул. Кутузова, 12, Новокузнецк, 654041, Россия).
E-mail: irina_puchkareva2016@mail.ru

Пушкарева Ю. Е., кандидат филологических наук, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Средний проспект В.О., 57/43, Санкт-Петербург, Россия, 199034).
E-mail: j.e.pushkareva2016@yandex.ru

Information about the authors

Pushkareva I. A., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy, Kemerovo State University (ul. Kutuzova, 12, Novokuznetsk, Russian Federation, 654041).
E-mail: Irina_Pushkareva2016@mail.ru

Pushkareva Yu. E., Candidate of Philological Sciences, Northwestern Management Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Sredniy prospekt V.O., 57/43, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034).
E-mail: j.e.pushkareva2016@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 24.08.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 24.08.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 87–96.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 87–96.

УДК 811.512.1
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-87-96

Когнитивная структура глагола слуховой перцепции *uhum* в якутском языке

***Раиса Петровна Иванова*[1, 2]**

[1] Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» в г. Мирном, Мирный, Россия
[2] Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
[1, 2] raissa1@yandex.ru

Аннотация

В статье приводится когнитивно-семиотический анализ семантической структуры глагола слуховой перцепции *uhum* в якутском языке. Как знак-индекс слуховая перцепция рассматривается с точки зрения семиотики, а как сложный культурный символ он исследуется методами когнитивной лингвистики. Слуховая перцепция как средство восприятия и означивания мира имеет специфические способы репрезентации в якутском языке, их когнитивно-семиотическое описание является целью настоящей статьи. Материалом исследования послужил «Большой толковый словарь якутского языка» под редакцией П. А. Слепцова. Корпус языковых примеров позаимствован из словарных статей данного словаря. Они в основном относятся к художественному дискурсу с указанием автора. Привлекались данные переводного онлайн-словаря https://sakhatyla.ru/. В работе применяется когнитивно-семиотический подход, подразумевающий описание семантической структуры исследуемого глагола в контексте семиотики и когнитивной науки, анализируя контексты, рассматриваем репрезентацию категории перцепции в качестве культурного символа якутского этноса. Когнитивная структура глагола слуховой перцепции *uhum* в якутском языке обладает большим количеством концептуальных признаков, вербализующих различные параметры как собственно слухового восприятия, так и (в результате развития переносных значений в процессе речепроизводства) множества проявлений внешнего и внутреннего мира человека. Как показал когнитивно-семиотический анализ семантической структуры глагола *uhum*, он реализует в различных контекстах следующие концептуальные признаки: контролируемость/неконтролируемость, кратковременность, ментальность, опосредованность, уверенное знание, готовность, послушание, убежденность и др. Были выделены следующие параметры слуховой перцепции, реализуемые глаголом *uhum* в фразеологических единицах: временной, пространственный, качественный, модальный. Полученные данные свидетельствуют о том, что слуховая перцепция в якутской языковой картине мира тесно связана с ментальной сферой человека, так как центральным в когнитивной струкутре глагола *uhum* является концептуальный признак *бил* «знать, узнать». Слуховая перцепция в якутском языке прежде всего – узнавание.

Ключевые слова: *слуховая перцепция, когниция, семиотика, мир человека, языковая картина мира, глагол, семантика, параметр, якутский язык*

Для цитирования: Иванова Р. П. Когнитивная структура глагола слуховой перцепции *uhum* в якутском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 87–96. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-87-96

The cognitive structure of the verb denoting auditory perception *Ihit* in the Sakha language

***Raisa P. Ivanova*[1, 2]**

[1] Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russian Federation
[2] Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
[1, 2] raissa1@yandex.ru

Abstract

The article provides a cognitive-semiotic analysis of the semantic structure of the verb of auditory perception ihit in the Sakha (Yakut) language. As an index sign, auditory perception is considered from the point of view of semiotics, and as a complex cultural symbol, it is studied by methods of cognitive linguistics. Auditory perception as a means of perceiving and signifying the world has specific methods of representation in the Sakha language; their cognitive-semiotic description is the objective of the article. The research material was taken from the Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language, edited by P. A. Sleptsov. The corpus of examples was borrowed from the dictionary

© Р. П. Иванова, 2024

entries of the same dictionary. They mainly relate to artistic discourse, the author which is given. Data from the online translation dictionary https://sakhatyla.ru/ were also used. The work displays a cognitive-semiotic approach, which implies a description of the semantic structure of the verb under study in the context of semiotics and cognitive science, analyzing the contexts in which we consider the representation of the category of perception as a cultural symbol of the Sakha ethnic group. The cognitive structure of the verb of auditory perception ihit in the Yakut language has a large number of conceptual features that verbalize various parameters of both auditory perception itself and, as a result of the development of figurative meanings in the process of speech production, many manifestations of the external and internal world of a person. As the cognitive-semiotic analysis of the semantic structure of the verb ihit has shown, it implements the following conceptual features in various contexts: controllability/uncontrollability, short-termism, mentality, mediation, confident knowledge, readiness, obedience, conviction, etc. The following parameters of auditory perception, implemented by with the verb ihit in phraseological units: temporal, spatial, qualitative, modal. The data obtained indicate that auditory perception in the Sakha linguistic view of the world is closely connected with the mental sphere of a person, since the central feature in the cognitive structure of the verb ihit is the conceptual attribute bil "to know, to find out." Auditory perception in the Sakha language is, first of all, recognition.

Keywords: *auditory perception, cognition, semiotics, human world, linguistic view of the world, verb, semantics, parameter, Sakha (Yakut) language*

For citation: Ivanova R. P. Kognitivnaya struktura glagola slukhovoy pertseptsii *uhum* v yakutskom yazyke [The cognitive structure of the verb denoting auditory perception *Ihit* in the Sakha language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 87–96 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-87-96

Введение

В настоящей статье предлагается когнитивно-семиотическое описание лексики слуховой перцепции в якутском языке в продолжение наших исследований в этом русле [1]. Как известно, слуховая перцепция относится к дистантному виду восприятия и определяется как способность воспринимать звуки и ориентироваться по ним в окружающей среде при помощи слухового анализатора [2]. При слуховой перцепции важным является узнавание и интерпретация звука – аудиального знака – воспринимающим субъектом.

Актуальность и научная новизна исследования заключаются в том, что в статье впервые рассматривается когнитивная структура лексемы слуховой перцепции на материале языка одного из народов Сибири Российской Федерации – саха (якутов). Сохранение языков и культуры коренных народов России является одной из приоритетных задач исследований в области лингвистики в условиях поликультурного государства. Рассмотрение языковых единиц в контексте современной научной парадигмы, в частности с позиции когнитивной семиотики, позволит глубже и детальнее изучить языковую картину мира этноса и понять его культурно-языковое своеобразие.

Когнитивно-семиотический подход получил развитие в работах по когнитивной семиотике и определяется как парадигма, объединяющая знаковые и когнитивные структуры с предметной деятельностью, и рассматривается как удобный инструмент интеграции и совершенствования систем извлечения знаний из текста [3, 4]. По мнению Ю. Валькмана, в рамках когнитивной семиотики целесообразно заниматься всем спектром проблем синтеза и анализа смыслов, значений, знаковых структур, процессами понимания знаков и познанием мира посредством знаковых систем [5]. Данный подход предполагает интеграцию когнитивного и семиотического моделирования, которая объясняется двойственной природой языка: с одной стороны – это система знаков, замещающих предметы речи, с другой стороны – система символов, за которыми стоит духовный опыт человечества. Когнитивная семиотика должна связать действия во всех трех мирах: реальном, мире знаков и ментальном [5].

В контексте семиотического подхода слуховая перцепция рассматривается как результат семиозиса, означивания перцептивного опыта субъекта, в ходе которого человек фокусирует внимание именно на той информации, которая значима для него [6–9]. Остальная часть уходит «за кадр», отодвигается на задний план [10–12]. Поскольку семиозис – это бесконечный и неостановимый процесс означивания [13], знаки трансформируются, переходят из одного типа в другой, а также приобретают символические свойства, следовательно, относятся к когнитивному пространству языка.

Когнитивная природа слухового восприятия, ее связь с мыслительной деятельностью человека отмечается многими учеными [14–16]. Изучение слухового восприятия как когнитивного процесса позволяет не только раскрыть роль языка в познавательном процессе [17], но и рассматривать его как культурный код, символ, открывая исследователям возможность анализа языковых явлений с лингвокультурологических позиций [18].

Материал и методы

В рамках когнитивно-семиотического подхода мы рассматриваем языковые единицы, вербализирующие категорию слуховой перцепции, опираясь

на постулаты общей теории знаков – семиотики [19], а также применяем методы когнитивной науки, такие как когнитивное моделирование и интерпретация, так как рассматриваем ее как лингвокультурное явление.

Комбинация семиотического и когнитивного подходов при анализе объясняется самой природой слуховой перцепции: с одной стороны, как часть познавательного процесса, она имеет когнитивную природу, с другой стороны, как средство означивания внешнего мира, относится к семиотической системе.

Когнитивно-семиотическая структура глагола *uhum* моделируется по данным «Большого толкового словаря якутского языка» под общей редакцией П. И. Слепцова [20]. Языковые примеры взяты из иллюстрационного материала к словарным статьям из этого же словаря. Они в основном относятся к художественной литературе, автор указывается в словаре. Также привлекались данные переводного онлайн-словаря [21].

Результаты и обсуждение

В якутском языке основным номинантом слуховой перцепции является глагол *uhum*, соответствующий русским глаголам «слышать, слушать, услышать, понимать» [20].

ИҺИТ **I** (том 3, стр. 767–770) [21].

Так же как у всех перцептивных лексем якутского языка, у глагола *uhum* присутствует семантический компонент «узнать» (звук при помощи органа слуха). Эта лексическая единица указывает как на спонтанное слуховое восприятие «услышать», подразумевающее инактивность субъекта, так и на осознанный, направленный процесс, включающий волевой компонент «слушать»:

1. кулгааххынан тыаһы, саҥаны бил (здесь и далее – в нашей интерпретации – букв. узнай звук или новое ушами). Предлагаемые в словаре русские эквиваленты: слушать, услышать, направлять слух на что-л.

Онтон өйдөөн истибитим, сүүрүк тыаһыттан атын этэ (Суорун Омоллоон). ‘Затем, прислушавшись, я понял, что это не звук ручья’ (здесь и далее перевод наш. – *Р. И.*).

Словосочетание *өйдөөн истибитим* (внимательно послушал, прислушался), обозначающее направленный, контролируемый процесс слухового восприятия, реализует концептуальный признак «узнать» в несколько этапов: субъект слуховой перцепции выделяет звук из общего сенсориума, идентифицирует его как похожий на звук ручья, но, прислушавшись, понимает, что это не он, а нечто иное. Источник слуховой перцепции здесь неопределенный, но ясно одно – это не звук ручья. Чтобы выявить источник звука, нужны дополнительные способы его верификации, возможно, зрительные, тактильные и т. д.

Рассмотрим следующий пример, в котором признак волевого усилия, т. е. контролируемости, не реализуется:

Таас хаспаҕын иһигэр уот оттон аһыы олорон суор хаһыытын истибитэ (Т. Сметанин). ‘Во время приема пищи у разведенного огня в пещере он услышал крик ворона’.

В приведенном примере знак-индекс – крик ворона – был распознан без особых волевых и ментальных усилий, здесь наблюдается спонтанное слуховое восприятие, субъект воспринимает и узнает звук естественным образом. Объект восприятия определен и идентифицирован одновременно с процессом восприятия. Источник звука, он же и референт, – ворон – установлен без приложения каких-либо волевых усилий или контроля субъекта перцепции.

Второе значение лексемы *uhum* реализует концептуальный признак «узнать, понять», содержащий ментальный компонент, но в данном случае источник слуховой информации опосредованный, не собственно субъект перцепции, а сторонний наблюдатель, посредник:

2. сураҕынан, кэпсээнинэн тугу эмэ бил, өйдөө (букв. узнай и пойми по слухам или рассказам). Эквиваленты в словаре: получать какие-л. сведения, узнавать что-л. по слухам и рассказам.

Рассмотрим пример:

Дьэ, ынах идэһэ сиэбит сурахпытын иһиттэхтэринэ, сарсын төһө эрэ дьахтар кэлэн сыа сиэппэтэ дии-дии, кыыһыраллар, хоргуталлар (А. Софронов). ‘Если услышат слух о том, что мы забили корову, неизвестно, сколько женщин обидятся и рассердятся, что мы их не угостили мясом’.

По якутским обычаям, когда забивают скот на зиму, хозяева делятся мясом с соседями, родственниками. В данной контекстной ситуации хозяин опасается, что, если люди услышат (узнают) факт о том, что они забили скот, многие будут ожидать мяса в качестве гостинца и, не получив его, обидятся и рассердятся. Поэтому нежелательно, чтобы эта новость дошла до других, наличие наблюдателя не приветствуется, так как есть вероятность неадекватной интерпретации индексального знака реципиентами.

Киминэн иһиттим, ким эттэ доҕорум өлөн хаалбытын? (Күннүк Уурастыырап). ‘От кого я услышал, кто сказал, что мой друг умер?’

Человек, узнав о смерти друга от посредника, не доверяет данной информации, ему нужен первоисточник, так как он, возможно, знает больше о случившемся. Как видно из приведенной семиотической ситуации, посторонний наблюдатель – ненадежный источник информации в том случае,

если речь идет о слуховой перцепции. Опосредованный объект слуховой перцепции, новость о смерти друга, требует дальнейшей верификации. Слуховой знак усложняется и зависит от интерпретации реципиента.

Иһит также обладает концептуальным признаком повиновения, то есть выражает значение «слушаться, делать так, как просят»:

3. ким эрэ соруйарын, сүбэлиирин ылын, толор (букв. «прими, выполни, что просят или советуют»). Эквиваленты в словаре: следовать чьим-л. советам, приказам; слушаться кого-л., повиноваться кому-л.

Хайа, иһиттэҕинэ эн тылгын истиэ этэ буоллаҕа (Н. Неустроев). ‘Если он кого-то и послушается, то только твоего слова, уверяю тебя’.

Глагол слуховой перцепции *иһит* в данной контекстной ситуации реализует концептуальный признак повиновения и имеет значение «послушаться чьего-либо совета, следовать ему». Говорящий подчеркивает авторитет адресата, что только его слова будут иметь воздействие на оступившегося человека. Индексальность знака усложняется, как такового материального референта не наблюдается, он становится событийным и включает в себя целый ряд образов. Слуховое восприятие уходит «за кадр», как бы переходит на второй план, выделяется ментальный компонент значения, который представляет собой комплексное значение – человек из уважения и признания авторитета другого поступит так, как ему скажет (посоветует) второй.

В следующем примере отсутствие авторитета приводит к неповиновению:

Микиитэ тахсан буойдаҕына ол оҕолор истибэттэр (Амма Аччыгыйа). ‘Когда Никита старается усмирить детей, они не слушаются’.

В фрагменте языкового материала реализуется концептуальный признак повиновения (неповиновения), дети, не признавая авторитет молодого человека, не слушаются его и продолжают баловаться. Знак-индекс имеет обратный эффект, так как дети понимают, что никакого наказания им за непослушание не последует.

Исследуемый глагол в некоторых контекстах реализует концептуальный признак, относящийся к умственной деятельности человека, – «знать, понимать (язык)».

4. туох эмэ (хол., атын тыл, муусука) ис хоһоонун өйдөө (перенос. букв. пойми содержание (другого языка, музыки)). Приведенный в словаре эквивалент: понимать (напр., какой-л. язык, музыку и т. п.).

Кини нууччалар кэпсэтиилэриттэн, аҕыйах тылы да буоллар, син истэр этэ (Н. Якутскай). ‘Он понимал (букв. слышал) несколько слов из разговора русских’.

В примере демонстрируется, что рассматриваемая лексема используется в функции глагола мыслительной деятельности. Если в английском языке в этом значении чаще используется глагол зрительного восприятия (see), то в якутском языке понимание связано со слуховой перцепцией. Объект слуховой перцепции – язык, являясь сложной семиотической сущностью, дает сдвиг в значении глагола в сторону ментального процесса в приведенном контексте, «слышать слова (язык)» означает понимать их (его).

Исследуемая лексема может выражать и физиологическое состояние человеческого организма в переносном значении: ‘поддаваться лечению, действию лекарства (о болезни)’:

5. эмкэ бэрин, эмп дьайыытын ылын (ыарыы туһунан) (перен., разг. букв. сдавайся лекарству, прими действие лекарства).

Рассмотрим пример:

Ыарыым истибэт (БТСЯЯ). ‘букв. Болезнь не слышит’.

Субъектом слуховой перцепции в примере выступает персонифицированное абстрактное понятие *ыарыы* ‘болезнь’, которое не «слышит лекарство», другими словами, не поддается лечению. Данное значение связано с концептуальным признаком повиновения (подчинения), которое приводилось выше. Одним из компонентов процесса слухового восприятия, таким образом, является воздействие на адресата, ожидание реакции, эффекта, например повиновения, а в приведенной ситуации – выздоровления или улучшения самочувствия.

Этот же концептуальный признак (повиновение) сохраняется в калькированном значении с русского языка: слушаюсь (в знач. хорошо, будет исполнено) (употр. только в 1 л.: *истэбин* ‘слушаюсь’).

6. үчүгэй, барыта туолуо, толоруллуо, оҥоһуллуо (1 с. эрэ тут-лар: истэбин) (в нашей интерпретации: все будет исполнено, выполнено, сделано).

Истэбин, табаарыс комбат (С. Ефремов). ‘Слушаюсь, товарищ комбат’.

Анализ словарной статьи БТСЯЯ глагола слуховой перцепции *иһит* показал, что он широко используется в составе фразеологизмов, которые представляют особый интерес для понимания культуры и языковой картины мира якутского этноса. Рассмотрим наиболее интересные из них.

1) *истибитин иһигэр туппат – билбитин-көрбүтүн барытын кэпсии сылдьар, кистэлэҥи туппат* (здесь и далее в нашей интерпретации – букв. не мочь держать в животе услышанное, все, что увидел-узнал, рассказывать, не держать секрет). Эквиваленты, данные в словаре: болтливый, не умеющий хранить тайну, секрет.

«Үйбаан истибитин иһигэр туппат. Билигин сиргэ-дойдуга бүтүннүүтүгэр тарҕатара буолуо», – ди-

этэ Андыҥ Дайыыла (М. Доҕордуурап). ‘Иван не держит в себе услышанное, наверняка он всем расскажет об этом, – сказал Андын Данил’.

Объект слуховой перцепции локализуется внутри человека (в животе), это некое знание, информация, полученная в результате слуховой перцепции. В фразеологизме этот объект выходит наружу и в переносном значении описывает человека, который не в состоянии удержать секрет «внутри» и рассказывает о нем всем подряд. Информация в якутской языковой картине мира локализуется в животе человека, который представляет собой некий сосуд, хранящий ее.

Следующий фразеологизм описывает человека, который услышал что-то, понял, о чем идет речь, но делает вид, что ничего не слышал, чтобы не ввязываться в конфликт, или потому, что не желает что-либо делать:

2) *истибэтэх кулгаах буолар – истэ-истэ истибэтэх буолан кубулунар* (букв. становится не услышавшим ухом, услышав, прикидывается, что не слышит). В словаре: делает вид, что ничего не слышит.

Хаһан да оҕо, ыччат айдаанын туһунан тугу эмэ этиэ диэн саарааманҥ. Истибэтэх кулгаах буолан хаалааччы (А. Сыромятникова). ‘Не беспокойтесь, он никогда ничего не скажет о конфликтах между детьми или молодыми людьми. Он всегда делает вид, что ничего не знает (слышит)’.

В примере реципиент слуховой перцепции специально делает вид, что ничего не слышит и не знает, так как то, что он знает, может иметь для него последствия, может стать причиной конфликта. Фразеологизм эксплицирует человека безучастного, безразличного, который осознанно делает этот выбор, чтобы его не трогали и не вовлекли в какую-либо неприятную ситуацию.

3) *истиэн да баҕарбат – букатын ылыммат (киһи тугу эмэ этэрин, сүбэлиирин).* Букв. слышать не хочет, не берет (то, что ему говорят, советуют).

Фразеологизм вербализует то состояние человека, когда он твердо что-то решил и уверен в своей позиции, а доводы других ему неинтересны, он не намерен следовать чьим-либо советам.

Мин Ньууккаҕа этэ сатаабыппын ылымматаҕа, истиэн да баҕарбатаҕа (С. Ефремов). ‘Я пытался сказать Нюке, но она не послушалась, даже слышать не захотела’.

Девушка настолько тверда в своем решении, что мнение других и их советы ее не интересуют.

В следующей фразеологической единице исследуемый глагол развивает значение социального взаимодействия:

4) *истэ да барбат – улаханҥа уурбат, төрүт кыһаммат, болҕомтоҕо ылбат* (букв. не ходит слушать – не ставит на большое, не старается, совсем не берет во внимание). Эквиваленты, приводимые в словаре: и слушать не желает, не принимает всерьез, совсем не интересуется, не берет во внимание, игнорирует.

Били эрэйдээх: «Харахпын эмтэтэ сытабын», – диэн хаһыытын истэ да барбаттар (Суорун Омоллоон). ‘Тот бедняга: «Лечу глаза», – кричит, но никто даже не слышит его’.

В приведенном примере, несмотря на то что человек громко кричит, его не слышат, так как реализуется значение не слуховой перцепции (в этом случае его бы услышали, так как он кричит), а отношение людей к нему: имеется в виду, что никто его всерьез не воспринимает, не считается с ним, не воспринимает его как равного, поэтому игнорирует.

В ходе анализа были рассмотрены фразеологизмы, репрезентирующие различные параметры слуховой перцепции.

Временной параметр реализуется в следующем фразеологизме интересным образным способом:

5) *истэн баран эҕирийиэх бэтэрээ өттүгэр* (букв. услышав, не успеть даже вздохнуть). Очень быстро, стремительно.

Форма деепричастия, выраженная через аналитическую форму *истэн баран* ‘услышав’, и глагол физического действия – *эҕирий* «вздохнуть» реализуют значение чего-то очень быстро происходящего за короткий промежуток времени, в связи с чем в когнитивной структуре глагола *ихит* можно выделить временной параметр кратковременного процесса.

Рассмотрим пример из олонхо (якутский эпос):

Дьэ онтон орто аан ийэ дойдуга, көрөн баран чыпчылыйыах бэтэрээ өттүгэр, истэн баран эҕирийиэх бэтэрээ өттүгэр, холбороҥ маҥан хочо ортоку туой киинигэр алтан ньээкэтигэр кэлэн «тиҥ» гына түстэ (из олонхо «Ньургун Боотур стремительный»). ‘Затем в срединном мире, между тем как увидеть и моргнуть, услышать и вздохнуть, на самую середину белой необъятной долины, на свою родную землю со свистом приземлился богатырь’.

В произведении используется гипербола, которая демонстрирует, каким быстрым и стремительным был богатырь Нюргун Боотур. Фразеологизм с компонентом слуховой перцепции *истэн баран эҕирийиэх бэтэрээ өттүгэр* образно описывает, с какой высокой скоростью спустился богатырь из верхнего мира в средний. В эпосе олонхо гипербола наряду со сравнением излюбленный прием, придающий повествованию сказочность и экспрессивность [22]. Роль глаголов в создании образности текста олонхо подробно рассматривалась в работе Л. Н. Герасимовой [23].

Следующий фразеологизм с лексемой слуховой перцепции репрезентирует пространственный параметр:

6) *истэр былаһыгар*. Эквивалент в словаре: насколько это известно.

Иһит в сочетании с существительным с пространственным значением *былас* ‘мера длины, обхват’ развивает значение, относящееся к абстрактному понятию пространства, в рамках которого известен тот или иной факт. При помощи лексемы, обозначающей меру длины, создается некое ограниченное пространство, в пределах которого люди знают об этом.

Истэр былаһыгар кыһын, сайын эҥин араас Сабыска, Балбааскы диэн ойууннар ыалдьар ыалга кыыраллара иһиллэр... (П. Филиппов). ‘Насколько слышно (известно), всякие шаманы, такие как Сабыска, Балбаскы, камлают в семьях с больными’.

Факт о том, что шаманы совершают ритуальные действия, известен в определенном кругу, описываемом в якутской языковой картине мира как некое пространство, которое можно измерить понятием *былас*, определяемым в толковом словаре как ‘мера длины, равная расстоянию между кончиками пальцев разведенных в стороны рук’. Небольшое расстояние, символизирующее ограниченный круг людей, осведомленных об этом факте.

Похожее значение имеет фразеологизм с дополнительной лексемой *тухары* (послелог с пространственным и временным значением – на протяжении, в течение), в котором репрезентируется как пространственный, так и временной параметры:

7) *истэр былаһын тухары – сурах төһө тарҕанарынан, иһиллэринэн; киһи билэринэн* (букв. насколько слух распространяется, слышится, насколько человек знает). Русский эквивалент в словаре: насколько это известно.

В содержании фразеологизма благодаря лексеме *тухары*, употребляемой для обозначения времени, процесса, в течение которого совершалось действие, появляется временной параметр, пространственный сохраняется из-за *былас*, выражающего пространство, на всем протяжении которого распространяется действие.

Истэр тухары кинилэр кими эмэ кытта этиспиттэрэ да, охсуспуттара да биллибэт (И. Федосеев). ‘Сколько слышал, никогда не было известно, что они с кем-то ругались или дрались’.

В этом случае присутствует еще и понятие временного отрезка, в пределах которого известен факт. Возможно, они и дрались, но это было или очень давно, и об этом говорящему неизвестно, или в будущем обстоятельства могут поменяться, но в данный отрезок времени эти люди не были замечены в каких-либо конфликтных ситуациях. Говорящий, таким образом, создает ментальные границы, в рамках которых он рассуждает: п ространственные и временные (ограниченный круг людей и определенный отрезок времени).

Некоторые фразеологические единицы реализуют модальные значения, например уверенное знание:

8) *истээр да көрөөр (көрөөр да истээр) – хайаан да буолуо, булгу мин этэрим курдук буолуо* (букв. обязательно случится, точно будет так, как я говорю). В словаре: должно обязательно случиться, совершиться; как пить дать (букв. вот услышишь и увидишь).

Истээр да көрөөр, манна хайаан да кэлиэҕэ (БТСЯЯ). ‘Вот услышишь и увидишь, он придет сюда обязательно’.

Перцептивные глаголы *иһит* ‘услышать’, *көр* ‘увидеть’ в данном контексте используются в качестве верифицирующего элемента, так как то, что услышано и тем более увидено, не может быть подвержено сомнению. В форме императива в будущем времени в составе фразеологизма они выражают уверенное суждение.

Временной и качественный параметры действия эксплицируются во фразеологизме, содержащем антиномию:

9) *иһиттим дуу, истибэтим дуу (иһиттим-истибэтим, иһиттиэм-истибэтиэм) диэбиттии* (букв. как будто говоря, услышал или не услышал, услышал-не услышал) – өрүһүспүттүү, улахан баҕанан, саатар эрэ; тута сөрөөн. Тут же, тотчас, сразу же (как только сказал), с удовольствием (делать что-л.) (дано в словаре).

Кыыс иһиттим-истибэтим диэбиттии, балыыһа диэки элэс гынан хаалла (Н. Павлов). ‘Девушка тотчас (как только услышала-не услышала) побежала в сторону больницы’.

Фразеологизм выражает незамедлительную реакцию, следующую сразу за информацией, содержащей какую-то важную весть. Актуализируются временной и качественный параметры, так как девушка не только быстро среагировала, но и сделала это с большой готовностью, не раздумывая.

Положительная оценка слуховой перцепции эксплицируется во фразеологизме с повтором, реализующим усилительную функцию:

10) *киһи иһиттэр истиэх курдук – наһаа умсугутуулаах, истэргэ кэрэ* (букв. можно слушать и слушать не переставая, очень увлекательный, прекрасный для слуха). В словаре: увлекательный, завлекательный, захватывающий (слух, слушание).

Онтон антах иһиттэр истиэх курдук эгэлгэлэр эргийэллэр, көрдөр көрүөх курдук күндүлэр көстөллөр (А. Софронов). ‘Там слышны прекрасные звуки (букв. можно слышать и слышать), видны чудесные красоты (букв. можно смотреть и смотреть)’.

Глагол *иһит* в форме причастия *иһиттэр истиэх* развивает усиленное оценочное значение за счет повтора корневой морфемы и реализует концепту-

альный признак высокой положительной оценки признака объекта перцепции: очень красивый, прекраснейший (звук, вид).

Төһө да тиһэ тустэр, бэрт, киһи иһиттэр истиэх курдук куоластар ырыатыгар киирэн таҕыстылар (Эрилик Эристиин). ‘Хоть и беззубый, поет он превосходно (букв. можно слушать и слушать)’.

При помощи противопоставления невзрачного внешнего вида (беззубый) автором подчеркивается красивый голос человека, который можно слушать бесконечно, так как он прекрасен. Высокую положительную оценку говорящего реализует причастие с повторяющимся корнем *иһиттэр истиэх* ‘слушать-не слушать (не переслушать)’.

11) *кулгааҕа эрэ истэн хаалла* (букв. только ухо услышало).

Фразеологизм содержит временные, качественные, модальные параметры и выражает кратковременный, внезапный, нежелательный, неконтролируемый и неожиданный процесс.

«Оҕобор өйүө», – диэбитин Наташа кулгааҕа эрэ истэн хаалла. Кини эриттэн кистиэх санаалаах этэ (Суорун Омоллоон). ‘«Это еда в дорогу для моего сына», – ухо Наты услышало, как она (сама) так сказала. А ведь она собиралась скрыть это от мужа’.

Женщина вопреки желанию мужа положила своему взрослому сыну еду в дорогу (относясь к нему, по мнению мужа, как к маленькому ребенку). Она собиралась сделать это незаметно, но, забывшись, проболталась об этом в присутствии мужа, сама того от себя не ожидая. Концептуальный признак неожиданности, неконтролируемости, нежелательности реализуется в персонифицированном выражении «только ухо услышало». Следует обратить внимание и на метонимический перенос, благодаря которому женщина одновременно является и говорящим, и слышащим субъектом. В языковой ситуации реализуется параметр неконтролируемости и неожиданности.

Отрицательный качественный параметр репрезентируется во фразеологизмах:

12) *кулгааҕын уһугунан истэр* (букв. слышать/слушать кончиком (краем) уха). В словаре: специально не прислушиваясь, краем уха (слышать).

Оччо чуолкайа суох кэпсэтиини кулгааҕым уһугунан истибитим (Р. Баҕатаайыскай). ‘Я слышал этот невнятный разговор лишь краем уха’.

Метонимический перенос «край уха» здесь реализует признак невнимательного перцептивного действия: слышать только маленькой частью уха означает «не придавать значения, особо не прислушиваться». Такой перенос характерен и для русского языка.

13) *тириитин таһынан истэр* (букв. слышать вне кожи/снаружи кожи). В словаре: слышать как не относящееся к тебе.

Аҕыйах сыллааҕыта диэри «оҕонньор» диэтэхтэринэ тириитин таһынан истэрэ, «дьик» гынарга дылыта (БТССЯ). ‘Буквально несколько лет назад, когда к нему обращались «старик», ему было неприятно, он не слышал (букв. слышал вне кожи), казалось, это относится не к нему’.

В приведенном фрагменте языкового материала кожа человека представляется как некая внутренняя граница, фильтр. Она (кожа) не пропускает неприятную, неугодную информацию, последняя остается «вне кожи», не пропускается, не воспринимается, так как она неприятна для реципиента.

14) *тыас эрэ курдук истэр* (слышит как пустой звон, не придает значения).

Туох дьүһүнүн хаһан көрөммүн тугу билиэмий? Тугу сыаналыамый? Боруоста тыас эрэ курдук истэрим (П. Ойуунускай). ‘Откуда же мне знать тогда? Что я мог оценить? Просто слышал как пустой звон’.

Из-за своей неопытности говорящий субъект не уделял должного внимания важным вещам. И сейчас, с высоты своего возраста, с сожалением об этом рассуждает, что, обрати внимание он тогда, сейчас все было бы по-другому. Существительное *тыас* (звук) здесь номинирует нечто неважное, пустое, не заслуживающее внимания, которое на самом деле имело значение.

В некоторых фразеологизмах *иһит* используется в составе вводного слова.

15) *истиэххин баҕардаххына – өссө эттэххэ, өссө билиэххин баҕардаххына* (если хочешь слышать (знать); вдобавок, кроме того).

Истиэххин баҕардаххына, мин эмиэ кыһалҕаттан бэтэринээр буолтум (С. Ефремов). ‘Если хочешь услышать (знать), я стал ветеринаром из-за нужды’.

Вышеприведенная фразеологическая единица используется в функции поясняющего вводного слова для выражения дополнительной верификации факта. Перцептивная лексика часто используется для подтверждения фактов, так как она придает высказыванию объективности.

Аналогичная функция наблюдается у фразеологизма:

16) *истиэххин тиэтэйдэххинэ* (в нашей интерпретации: если торопишься услышать).

Өссө Аргыстайыҥ, дьиҥнээх кинээс буола охсору, истиэххин тиэтэйдэххинэ, кулубаттан көҥүллэтэн куоракка күбүрүнээтэргэ киирэ сылдьыбыт (И. Никифоров). ‘Аргыстай, если торопишься услышать, чтобы скорее стать князем, с разрешения улусного головы ездил к губернатору в город’.

В приведенном контексте вводное слово также выражает негативную оценку говорящего. Он неприятно удивлен и критикует поступок человека,

стремящегося к власти, используя фразеологический оборот с глаголом слуховой перцепции *истиэххин тиэтэйдэххинэ*.

Слуховая лексика в фразеологизмах также может использоваться для обозначения опыта:

17) *итиччэни истэҥҥин (истэн), баччаҕа тиийдиҥ (кэллиҥ) ини* (букв. многое услышав, дожил до настоящего времени). Описывает опытного человека, многое в жизни повидавшего (услышавшего).

Присутствие концептуального признака опыта в перцептивной лексике объясняется тем, что перцепция и есть опыт взаимодействия человека с внешним материальным миром, этот параметр объективности прослеживается и в переносных значениях.

Следующая языковая единица употребляется в отрицательном смысле:

18) *Туоххунан истэҕин?* Чем слушаешь?

[Кулуба (кыыһырбыт)] Түксү лабанхалаама. Хайдах эн миигин кыыл курдук булаҕын? Билигин сатаммат, суох диэтим буолбат дуо эйиэхэ, мин сахалыы. Ону туоххунан истэҕин? (Н. Неустроев). ‘Голова (рассерженно): Хватит нести ерунду. Почему ты ко мне пристал как банный лист (букв. как зверь)? Я же сказал тебе «нет» по-якутски, сейчас не получится. Чем слушаешь?’.

Слушать не органом слуха, а чем-то иным обозначает, что человек чего-то не понимает и продолжает просить того, чего не может обеспечить голова. Данное высказывание звучит эмоционально и выражает модальное значение раздражения и негодования.

Таким образом, мы рассмотрели когнитивную структуру глагола слуховой перцепции *uhum* и можем заключить, что он способен выражать широкий спектр значений: как собственно относящихся к слуховой перцепции, так и большое количество переносных значений, раскрывающих внутренний и внешний мир человека. Слуховая перцепция, как видно из анализа когнитивной структуры лексемы *uhum*, тесно связана с мыслительной деятельностью человека. Глагол в соответствующих контекстах развивает модальные, оценочные, временные, пространственные, качественные параметры значения.

Список источников

1. Иванова Р. П., Верхотурова Т. Л. Когнитивно-семиотический анализ лексики зрительной перцепции в якутском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 45–51. doi: 10.23951/1609-624X-2022-6-45-51
2. Кондаков И. М. Психология. Иллюстрированный словарь. СПб.; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 508 с.
3. Беляев И., Капустян В., Рыков В. Знаковые системы и бизнес-процессы // Информационные ресурсы России. 2008. № 5. С. 8.
4. Рыков В. В. Извлечение знаний – реализация когнитивной семиотики. URL: http://rykov-cs.narod.ru/dlg9.html (дата обращения: 05.10.2023).
5. Валькман Ю. Когнитивная семиотика в процессах образного мышления // Problems of Computer Intellectualization. Ithea. Kiev-Sofia, 2012. С. 350–358.
6. Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 289 с.
7. Lindström K., Tønnessen M. Introduction to the Special Issue Semiotics of Perception. Being in the World of the Living – Semiotic Perspectives // Biosemiotics (2010) 3. Springer Science+Business Media B.V. P. 257–261. doi: 10.1007/s12304-010-9073-1
8. Новоселова М. В. Концептуализация ситуации слухового восприятия с различными профилирующими признаками // Magister Dixit. 2013. С. 92–100.
9. Gibson James J. The ecological approach to visual perception. Psychology Press, 2015. 347 p.
10. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 495 p.
11. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.
12. Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 397 с.
13. Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 187 с.
14. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
15. Осицкая Е. С. Глаголы слухового восприятия как предикаты пропозиционального отношения // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 89–91.
16. Токарева М. В. Концептуализация семантического расширения слухового восприятия в сторону когнитивных смыслов // Magister Dixit. 2012. С. 144–149.
17. Филистова Н. Ю., Кадоркина Н. В. Слуховая перцепция и ее функционирование в романе Брэма Стокера «The Judge`s House» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (49). С. 123–127.
18. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
19. Пирс Ч. Начала прагматизма. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000. 318 с.
20. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под общ. ред. акад. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3 (Буква И). С. 767–770.

21. Якутский словарь онлайн. URL: https://sakhatyla.ru/ (дата обращения: 25.05.2023).
22. Львова С. Д. Сравнения в олонхо: устойчивость и трансформации (на материале текстов северной эпической традиции якутов) // Научный диалог. 2020. № 4. С. 203–219. doi: 10.24224/2227-1295-2020-4-203-219
23. Герасимова Л. Н. Особенности употребления изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 2 (36). С. 9–21. doi: 10.23951/2307-6119-2022-2-9-21

References

1. Ivanova R. P., Verkhoturova T.L. Kognitivno-semioticheskiy analiz leksiki zritel'noy pertseptsii v yakutskom yazyke [Cognitive-semiotic analysis of the vocabulary of visual perception in the Sakha language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 45–51 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2022-6-45-51
2. Kondakov I. M. *Psikhologiya. Illyustrirovannyy slovar'* [Psychology. Illustrated Dictionary]. Saint Petersburg; Moscow, Prime-Evroznak Publ., 2003. 508 p. (in Russian).
3. Belyayev I., Kapustyan V., Rykov V. Znakovyye sistemy i biznes-protsessy [Sign systems and business processes]. *Informatsionnyye resursy Rossii – Information resources of Russia*, 2008, no. 5, p. 8 (in Russian).
4. Rykov V. V. *Izvlecheniye znaniy – realizatsiya kognitivnoy semiotiki* [Extracting knowledge is an implementation of cognitive semiotics] (in Russian). URL: http://rykov-cs.narod.ru/dlg9.html (accessed 5 October 2023).
5. Walkman Yu. Kognitivnaya semiotika v protsessakh obraznogo myshleniya [Cognitive semiotics in the processes of imaginative thinking]. *Problems of Computer Intellectualization*. Ithea, Kiev-Sofia, 2012, pp. 350–358 (in Russian).
6. Verkhoturova T. L. *Faktor nablyudatelya v yazyke nauki* [Observer factor in the language of science]. Irkutsk, IGLU Publ., 2008. 289 p. (in Russian).
7. Lindström K., Tønnessen M. Introduction to the Special Issue Semiotics of Perception. Being in the World of the Living – Semiotic Perspectives. *Biosemiotics*, No. 3. Springer Science+Business Media, 2010, pp. 257–261. DOI: 10.1007/s12304-010-9073-1
8. Novoselova M. V. Kontseptualizatsiya situatsii slukhovogo vospriyatiya s razlichnymi profiliruyushchimi priznakami [Conceptualization of the situation of auditory perception with various profiling features]. *Magister Dixit*, 2013, pp. 92–100 (in Russian).
9. Gibson J. *The ecological approach to visual perception*. Psychology Press, 2015. 347 p.
10. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge, MA, MIT Press, 2000. 495 p.
11. Semenova T. I. *Lingvisticheskiy fenomen kazhimosti* [Linguistic phenomenon of seemliness]. Irkutsk, IGLU Publ., 2007. 237 p. (in Russian).
12. Kovaleva L. M. *Angliyskaya grammatika: predlozheniye i slovo* [English grammar: sentence and word]. Irkutsk, IGLU Publ., 2008. 397 p. (in Russian).
13. Brazgovskaya E. E. *Semiotika. Yazyki i kody kul'tury* [Semiotics. Languages and codes of culture]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 187 p. (in Russian).
14. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, Languages of Russian Culture, 1999. 896 p. (in Russian).
15. Ositskaya E. S. Glagoly slukhovogo vospriyatiya kak predikaty propozitsional'nogo otnosheniya [Verbs of auditory perception as predicates of propositional attitude]. *Vestnik VGU. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of the VGU. Series: linguistics and intercultural communication*, 2010, no. 2, pp. 89–91 (in Russian).
16. Tokareva M. V. Kontseptualizatsiya semanticheskogo rasshireniya slukhovogo vospriyatiya v storonu kognitivnykh smyslov [Conceptualization of the semantic expansion of auditory perception towards cognitive meanings]. *Magister Dixit*, 2012, pp. 144–149 (in Russian).
17. Filistova N. Yu., Kadorkina N. V. Slukhovaya pertseptsiya i yeye funktsionirovaniye v romane Brema Stokera "The Judge's House" [Auditory perception and its functioning in Bram Stoker's novel "The Judge's House"]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University*, 2021, no. 1 (49), pp. 123–127 (in Russian).
18. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p. (in Russian).
19. Pierce Ch. *Nachala pragmatizma. Logicheskiye osnovaniya teorii znakov* [The beginnings of pragmatism. Logical foundations of the theory of signs]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2000. 318 p. (in Russian).
20. *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta* [Large explanatory explanatory dictionary of the Yakut language]. Ed. acad. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004. T. 3 (Letter I). 2004. Pp. 767–770 (in Sakha).
21. *Yakutskiy slovar' onlayn* [Sakha dictionary online] (in Sakha and Russian). URL: https://sakhatyla.ru/ (accessed 25 May 2023).
22. Lvova S. D. Sravneniya v olonkho: ustoychivost' i transformatsii (na materiale tekstov severnoy epicheskoy traditsii yakutov) [Olonkho Comparisons: Stability and Transformations (based on the Texts from the Northern Epic Tradition of the Yakuts)]. *Nauchnyi dialog – Scientific dialogue*, 2020, no. 4, pp. 203–219 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-203-219

23. Gerasimova L. N. Osobennosti upotrebleniya izobrazitel'nykh glagolov v yakutskom i altayskom eposakh [Features of the use of figurative verbs in the Yakut and Altai epics]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2022, no. 2 (36), pp. 9–21 (in Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-9-21

Информация об авторе

Иванова Р. П., зав. кафедрой, Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» в г. Мирном (ул. Тихонова, 5/1, Мирный, Россия, 678170); докторант, Иркутский государственный университет (ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025).
E-mail: raissa1@yandex.ru

Information about the author

Ivanova R. P., Head of the Department, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (ul. Tikhonova, 5/1, Mirny, Russian Federation, 678170); doctoral student, Irkutsk State University (ul. Lenina, 8, Irkutsk, Russian Federation, 664025).
E-mail: raissa1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 05.10.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 97–105.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 97–105.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 372.8
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-97-105

Обучение текстовой деятельности на уроках русского языка: возможности использования текстов с дополненной реальностью

Елена Ленвладовна Ерохина[1], Анастасия Валерьевна Самолина[2]

[1] Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, el.erokhina@mpgu.su
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, samolina-av@ranepa.ru

Аннотация

В статье обоснована возможность и целесообразность использования текстов новой природы для развития коммуникативной компетенции учащихся. Включение этих текстов в дидактический арсенал учителя-словесника обусловлено, с одной стороны, задачами формирования метапредметных результатов обучения в общеобразовательной школе (мы сделали акцент на результатах, связанных с умениями информационной переработки текстов), а с другой стороны – особенностями современного коммуникативного пространства, в котором тексты новой природы занимают значительное место, составляя актуальный текстовый репертуар школьников. Материал статьи содержит результат теоретического исследования – сопоставительного анализа научных данных о разновидностях текстов, представленных в лингвистической, речеведческой, культурологической литературе. Это позволило выстроить иерархию текстов: линейного, нелинейного (монокодового, дикодового, поликодового), креолизованного, медиатекста, гипертекста, кибертекста, интертекста, текста с дополненной реальностью. Кроме того, в статье раскрыты ход и результаты эксперимента, направленного на определение уровня сформированности умений учащихся 7-го класса проводить информационную переработку текстов в зависимости от способов ее кодировки. Результаты эксперимента показали, что лучше всех с заданием справились учащиеся, работавшие с текстами с дополненной реальностью (сопоставление проводилось с результатами выполнения задания учащимися, работавшими с линейным текстом и дикодовым текстом). Проведенное исследование дало основание утверждать: тексты с дополненной реальностью обладают большим потенциалом для обучения школьников написанию вторичных текстов-рассуждений на основе информационной переработки первичного текста. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, восприятие и понимание любых текстов является нелинейным, не одномоментным, а проходит через несколько слоев декодировки. Во-вторых, цифровое поколение ежедневно имеет дело с нелинейными структурами в различных сферах жизнедеятельности, что говорит о психологической и физиологической готовности современных школьников воспринимать нелинейную информацию. Сделан вывод о том, что современные тексты (тексты новой природы) обладают большим потенциалом для формирования текстовых умений обучающихся.

Ключевые слова: *тексты с дополненной реальностью, информационная переработка текста, линейный текст, поликодовый текст*

Для цитирования: Ерохина Е. Л., Самолина А. В. Обучение текстовой деятельности на уроках русского языка: возможности использования текстов с дополненной реальностью // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 97–105. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-97-105

© Е. Л. Ерохина, А. В. Самолина, 2024

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Teaching text activity in Russian language lessons: the possibilities of using texts with augmented reality

Elena L. Erokhina[1], Anastasia V. Samolina[2]

[1] Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, el.erokhina@mpgu.su
[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, samolina-av@ranepa.ru

Abstract

The article substantiates the possibility and expediency of using texts of a new nature for the development of students' communicative competence. The inclusion of these texts in the didactic arsenal of a verbal teacher is due, on the one hand, to the tasks of forming meta-subject learning outcomes in a comprehensive school (we focused on the results related to the skills of information processing of texts), and on the other hand, to the peculiarities of the modern communicative space in which texts of a new nature occupy a significant place, making up the actual text the repertoire of schoolchildren. The material of the article contains the result of a theoretical study – a comparative analysis of scientific data on the varieties of texts presented in linguistic, speech, and cultural literature. It allowed us to build a hierarchy of texts: a linear text, a nonlinear (monocode, dicode, polycode) text, a creolized text, a media text, a hypertext, a cybertext, an intertext, an augmented reality text. In addition, the article reveals the course and results of an experiment aimed at determining the level of formation of the skills of 7th grade students to carry out information processing of texts, depending on the ways of its encoding. The results of the experiment showed that the students who worked with augmented reality texts coped best with the task (comparison was carried out with the results of the task by students who worked with linear text and dicode text). The conducted research gave grounds to assert that texts with augmented reality have great potential for teaching schoolchildren to write secondary texts-reasoning based on information processing of the primary text. This is due to several factors. Firstly, the perception and understanding of any texts is nonlinear, not instantaneous, but passes through several layers of decoding. Secondly, the digital generation deals daily with nonlinear structures in various spheres of life, which indicates the psychological and physiological readiness of modern schoolchildren to perceive nonlinear information. It is concluded that modern texts (texts of a new nature) have great potential for the formation of textual skills of students.

Keywords: *augmented reality texts, information processing of a text, linear text, polycode text*

For citation: Erokhina E. L., Samolina A. V. Obucheniye tekstovoy deyatel'nosti na urokakh russkogo yazyka: vozmozhnosti ispol'zovaniya tekstov s dopolnennoy real'nost'yu [Teaching text activity in Russian language lessons: the possibilities of using texts with augmented reality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 97–105 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-97-105

Введение

Федеральная рабочая программа основного общего образования по русскому языку определяет комплекс планируемых результатов, достижение которых возможно в том случае, если организована эффективная тестовая деятельность обучающихся. Речь идет о метапредметных результатах, связанных с умениями информационной переработки текстов («выбирать, анализировать, интерпретировать, обобщать и систематизировать информацию, представленную в текстах, таблицах, схемах»; «использовать смысловое чтение для извлечения, обобщения и систематизации информации из одного или нескольких источников с учетом поставленных целей»; «находить сходные аргументы (подтверждающие или опровергающие одну и ту же идею, версию) в различных информационных источниках»; «самостоятельно выбирать оптимальную форму представления информации (текст, презентация, таблица, схема) и иллюстрировать решаемые задачи несложными схемами, диаграммами, иной графикой и их комбинациями в зависимости от коммуникативной установки») [1, с. 33].

Очевидно, что указанные результаты не могут быть достигнуты, если на уроке русского языка будут использоваться только линейные тексты или традиционные поликодовые тексты (вербальный текст – рисунок, вербальный текст – таблица и пр.). Задача современной теории и практики об-

учения русскому языку – создание эффективных моделей использования текстов новой природы для развития коммуникативной компетенции школьников.

Материал и методы

Была поставлена задача определить возможность и целесообразность использования текстов новой природы для развития коммуникативной компетенции учащихся 7-го класса при создании текста-рассуждения на основе первичного текста.

Нами использованы две разновидности методов:

– теоретические, основанные на анализе и сопоставительном анализе корпуса научной литературы (лингвистической, речеведческой, культурологической), в которой представлены исследования текстов новой природы;

– практические: констатирующий, обучающий, контрольный эксперименты. В рамках данной статьи будут представлены результаты констатирующего эксперимента: определения уровня сформированности умений семиклассников проводить информационную переработку текстов в зависимости от способов ее кодировки.

Результаты и обсуждение

Мы поставили перед собой задачу провести терминологическую систематизацию: построить иерархию разновидностей текстов, которые выделяет современная наука. Для этого необходимо было определить наиболее общее понятие, характеризующее современное коммуникативное пространство, разнообразие представленных в нем текстов и особенности их функционирования и взаимодействия. Таким метатермином является термин «текст новой природы».

Термин «текст новой природы» был впервые рассмотрен Т. Е. Беньковской, Е. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой, Е. С. Квашиной и др. [2–5]. В статье «Тексты новой природы: проблемы междисциплинарного исследования» Е. И. Казакова указывает, что современная коммуникативная ситуация влияет на природу текста, меняет его традиционные характеристики. Наблюдается «отказ от линейности, сжатие объемов текста, ориентация на „мелкие текстовые структуры“, дублирующий характер различных знаковых систем в отражении содержания, рост интерактивности, развитие форм обратной связи, появление „новых форм авторства“ и ряд других тенденций» [6, с. 102].

Т. Н. Беньковская выделяет ряд признаков, отличающих «новые» тексты от традиционных (линейных): синтез мультимедийности (изображение) и вербальных (слово) структур; гиперссылки, инфографика и другие знаковые выражения смысла; объемность, возможность углубления, вхождения через него в другие тексты; незаконченность; способность к динамике, изменениям и дополнениям; расчет на рефлексию и обсуждение, дополнение другими участниками коммуникации; соединение научного и художественного подходов [2, с. 63–70].

Само собой разумеется, что «традиционные» тексты не ушли из сферы современной коммуникации, но заняли в ней особое место, перестали доминировать в процессе общения.

Традиционным текстом является ***линейный текст***, требующий последовательного чтения. И. Р. Гальпериным выделены следующие признаки линейности: информативность, когезия (сцепление), логическая последовательность, членимость, автосемантия отрезков текста, ретроспекция (отнесенность к предшествующей содержательно-фактуальной информации), проспекция (отнесенность к последующей содержательно-фактуальной информации), модальность, интеграция (объединение составных частей в единое целое при нейтрализации их относительной автосемантичности), завершенность (исчерпывающее выражение замысла с точки зрения автора), определяя, что без них «невозможно представить себе сам текст в его типологических чертах» [7, с. 8]. Указанные признаки обуславливают особенности линейных текстов на бумажном носителе: законченность, направленность, фиксированность объема. Читающий воспринимает текст в соответствии с грамматическими, синтаксическими и лексическими особенностями. Тексты данного типа имеют порядок или последовательность. Именно линейные тексты по-прежнему преобладают в школьных учебниках, в контрольно-измерительных материалах для учащихся и др.

Нелинейный текст активно начал изучаться в конце XX – начале XXI в. Н. А. Шехтманом, Ю. А. Сорокиным, Л. М. Большаковой и др. [8–10, с. 20–24].

При чтении нелинейных текстов последовательное просматривание информации не требуется. Читающий сам определяет траекторию чтения благодаря ассоциациям, формируемыми в разветвленной системе ссылок. В качестве примеров нелинейных текстов можно привести блок-схемы, карты, цифровые тексты с гиперссылками и т. д. Нелинейные тексты состоят из нескольких частей: вербальной (слова) и невербальной (звук, формула, иллюстрация и др.), представляя целостный информационный объект, который может быть считан с «разных точек».

Выделяются четыре группы нелинейных текстов:

– графики и диаграммы (графики температуры, изменения климата, диаграмма распространения языков в мире, курсы валют и др.);

– таблицы (расписание уроков, таблица данных, прайс, классный журнал);

– сочетание текста и иллюстрации (комикс, афиша, реклама, объявление, плакат, инфографика);

– другие информационные объекты, такие как карты, билеты и т. д.

Среди нелинейных текстов выделяют монокодовые, дикодовые и поликодовые тексты. ***Монокодовые тексты*** передают информацию с помощью слов (гипертекст, интертексты, энциклопедии, словари, художественные тексты с некоторыми комментариями, но, что является важным, без иллюстраций).

Дикодовые тексты – нелинейное образование, включающее в себя коды только двух систем. Тексты подобного вида состоят из вербальной (слова) и невербальной части (картинки, схемы, таблицы и т. д.). Например, рекламные плакаты, листовки с изображениями чего-либо, сувенирная продукция и т. д. [11, с. 180–181].

Поликодовые тексты характеризуются объединением семантически разнородных компонентов устного и письменного текста, включая образы и символы других свойств в единое символическое пространство. Образуется единое визуальное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее комплексное воздействие на адресата. Термин «поликодовый текст» был предложен Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом в 1974 г. [12]. Исследователи противопоставляют монотексты и поликодовые тексты и относят к последним «случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображения, музыка, звуки и т. д.)» [12, с. 107]. Определение поликодового текста находим в работах Л. С. Большаковой, А. Г. Сонина, А. А. Бернацкой и др. [10; 13, с. 115–123; 14, с. 104–110]. Наиболее емкой мы считаем дефиницию понятия «поликодовый текст», предложенную А. Г. Сониным. К поликодовым исследователь относит тексты, «построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [15, с. 117].

В 1980-х гг. Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов предложили термин «***креолизованный текст»*** для обозначения текста, состоящего из двух частей: вербальной (слова) и невербальной (картинки, схемы, цифры, символы, шрифтовые и цветовые выделения, особенности набора печатного текста и т. д.) [11, с. 180]. Отношения компонентов креолизованного текста исследовались в работах Е. Е. Анисимовой, М. Б. Ворошиловой, О. В. Пойминовой и др. [16, 17, с. 180–189; 18].

Так, Е. Е. Анисимова рассматривает креолизованный текст в качестве образования, вербальные и невербальные элементы которого являются единым целым, направленным на получение человеком необходимой информации [16, с. 15]. Исследователем выделяются три группы текстов: с нулевой креолизацией (в данных текстах изображение не представлено), с частичной креолизацией (с автономной вербальной частью) и с полной креолизацией (две части текста полностью зависят друг от друга) [16, с. 15]. Вербальные и невербальные средства, входящие в состав креолизованного текста, представляют собой единство взаимодействия для составления перспективного связного монологического высказывания.

Развитие цифрового пространства значительно повлияло на изменение форм коммуникации, что повлекло за собой радикальное изменение типа дискурса. Виртуальная форма общения представляет собой форму, при которой процесс обмена информации осуществляется между индивидуумами с помощью современных гаджетов. Термин «медиатекст» впервые появился в 70–90-х гг. XX в. в зарубежной коммуникативистике и является центральным предметом изучения медиалингвистики [19, с. 74] Т. ван Дейком, А. Беллом и др. [20, 29].

С. И. Сметанина определяет медиатекст как «источник получения информации о духовных импульсах и материальной сфере человеческой деятельности, о принципах развития общества» [21, с. 78]. Наиболее полную характеристику медиатекста предлагает Т. Г. Добросклонская, представляющая медиатекст в качестве трехмерного, объемного и многоуровневого явления. Утверждается, что «текст – это сообщение, медиатекст – это сообщение плюс канал» [19].

В связи с этим следует рассмотреть виды медиатекстов. Одним из них является *гипертекст* (пример монокодового текста, в случае если он не содержит каких-либо рисунков, фотографий или других элементов). Это современный вид письменной коммуникации, имеющий особую форму организации, предопределенную сетевой средой. Гипертекст – многоуровневая иерархия текстов (системных элементов), объединенных системой навигации.

Термин «гипертекст» был предложен исследователем Т. Нельсоном в 1965 г. [22]. Существуют разнообразные определения гипертекста. Т. Г. Добросклонской гипертекст рассматривается как вид письменной коммуникации, особая форма организации письменного текста, опосредованная сетевой средой и характеризующаяся процессом нелинейного письма и чтения [19]. А. Н. Баранов считает гипертекст новым типом текста, характеристики которого контрастируют с традиционными текстами, сформированными в гутенберговской традиции книгопечатания [23, с. 32]. В. П. Руднев описывает гипертекст как текстовую иерархию, которая является одновременно единством и множеством текстов [24, с. 95]. Наиболее емкое, по нашему

мнению, определение гипертекста дает А. Н. Ипполитова: гипертекстом являются «тексты, функционирующие в социуме в рамках определенной подсистемы и отражающие специфику содержащейся в ней информации, представляют собой нелинейную организацию, суть которой отражает такую особенность коммуникации, как способность одновременно предъявлять те или иные сообщения, имеющие значение в различных коммуникативных сферах» [25, с. 24]. Таким образом, гипертекст – текст, «отражающий суть коммуникативного процесса, в основе которого лежит процесс создания текстов в различных социальных сферах» [25, с. 28].

Современное цифровое пространство определяет особенности хранения и функционирования информации в киберпространстве, а современные ресурсы информационного поля позволяют создать новый, самостоятельный тип текста – ***кибертекст***. А. А. Акишина и А. В. Тряпельников определяют «кибертекст» как «единый, цельный, связанный, завершенный новый тип мультимедийного текста, порождаемый в киберпространстве и выраженный разными символами, охватывающий большое семиотическое пространство, но с единым содержанием и единым смысловым образом (киберобраз)» [26, с. 207].

Важно понимать разницу между гипертекстом и кибертекстом. Как уже было сказано, гипертекст имеет обширную систему ссылок, что дает возможность переходить от одного фрагмента текста к другому, а кибертекст состоит из текстов различных знаковых систем (языковые тексты, видеотексты, аудиотексты, картины, фотографии, музыкальные произведения), расположенных в киберпространстве. Все эти элементы наделены единым содержанием и смысловым образом – «киберобразом». Кибертекст является принципиально новой текстовой организацией, представляя «сплав» разнознаковых текстов, позволяющих образно, с эмоциональной точки зрения, воспринимать мир. Он генерируется в киберпространстве и выражается через различные символы (знаки), охватывающие большое семиотическое пространство.

Еще один вид текста новой природы – ***интертекст***, который содержится в виде цитат и ссылок, определяется как «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно саморегенерироваться по стреле времени» [27, с. 8]. Интертекст неразрывно связан с понятием «медиатекст», так как является его видовой формой, следовательно, может быть включен в различные медийные структуры [28, с. 177]. Так, кибертекст включает в себя то, что принято называть текстом, интертекстом и гипертекстом. Он одновременно содержит сам текст, выраженный различными символами (лингвистическими, фонетическими, визуальными), гипертекст – ссылки на другие тексты, интертекст – цитаты из других текстов. Все это представляется единым текстовым каркасом (кибертекстом) [26, с. 207–208].

Примером кибертекста является информация, сгенерированная с помощью QR-кода. Важно, что наличие QR-кода не превращает традиционный текст в текст новой природы. QR-код является электронной опцией, цифровым инструментом доступа к информации. Это не онтология (сущность), а только технология (инструментарий).

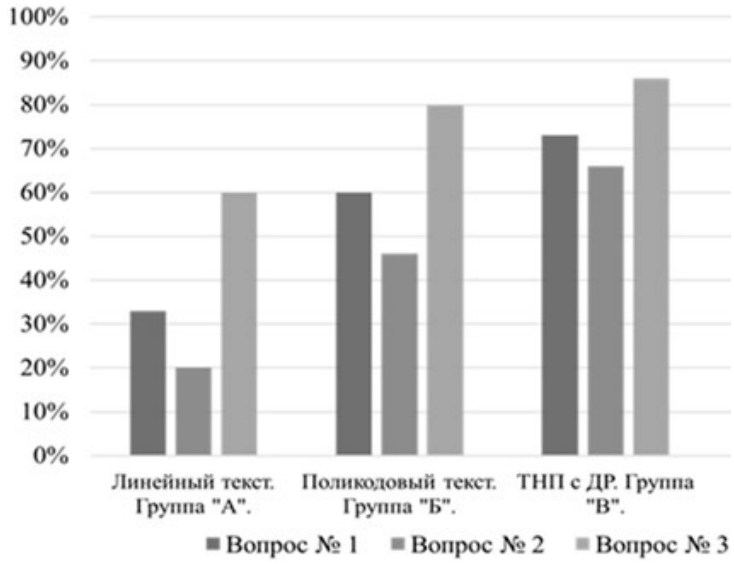
Эволюционным видом текстов коммуникативного пространства цифровой эры является ***текст новой природы с дополненной реальностью***. Термин «дополненная реальность» впервые прозвучал в 60-х гг. XX в. А. Сазерленд построил прототип системы для показа трехмерной графики в 1968 г. Термин «дополненная реальность» (ДР) был введен исследователем компании Boeing Т. Коделом в 1990 г.

В это время стали разрабатываться первые устройства, позволяющие получать дополнительные сведения, началась разработка образовательных игр. Так, в 2010 г. журнал Time включил дополненную реальность в раздел «Технологии будущего». Особое значение в развитии дополненной реальности имеют работы П. Милграма, Ф. Кишино (Milgram, Kishino) и Р. Азумы, которые определили дополненную реальность как систему, сочетающую виртуальные и реальные взаимодействия в реальном времени [30].

Цифровые технологии играют ведущую роль в процессе цифровизации, а технология дополненной реальности имеет неограниченный потенциал и может быть использована во всех сферах деятельности человека. Эта технология добавляет и внедряет виртуальную информацию, воспринимаемую как элементы реальной жизни, в трехмерное поле человеческого восприятия. Важно понимать, что граница между реальным и искусственным миром исчезает. При использовании специального программного обеспечения или гаджетов (планшеты, смарт-очки, смартфоны с функцией AR) для создания дополненной реальности в режиме реального времени объекты помещаются в повседневную жизнь человека с целью вызвать у людей удивление, запоминание и так называемый WOW-эффект.

Для выявления готовности школьников работать с информацией, получаемой из разных видов текстов, существующих в современном коммуникативном пространстве, нами был проведен эксперимент.

В эксперименте приняли участие 45 учащихся 7-х классов ГБОУ «Школа № 1793 имени Героя



Результаты работы с текстами различных семиотических структур

Советского Союза А. К. Новикова», разделенные на три группы по 15 человек. Для них был подготовлен один и тот же текст, но в различной форме кодирования. Ученики должны были ознакомиться с текстом и ответить на три вопроса со следующими формулировками: № 1 «Определите тему текста»; № 2 «Какую идею доказывает автор?»; № 3 «Какие способы решения предлагает автор?».

Группе «А» был предложен линейный текст, группе «Б» – восемь графических иллюстраций с краткими вербальными комментариями. Группе «В» была предоставлена возможность поработать с текстом с дополненной реальностью. Результаты эксперимента представлены на рисунке.

Анализ результатов эксперимента позволил сделать вывод, что самые низкие показатели были выявлены у участников группы «А». С первым вопросом, в котором предлагалось определить тему текста, справились пять человек из 15, что составляет 33 %. С заданием № 2, в котором нужно было определить, какую идею доказывает автор, справились три человека, что составляет 20 %. Следует сказать, что это самый низкий показатель выполнения данного задания во всех трех группах. Задание № 3 выполнили 60 % человек.

Группа «Б», выполняя работу с поликодовым текстом (графикой и линейным текстом), справилась с поставленной задачей лучше. Задание № 1 выполнили 60 % учащихся, задание № 2 – 46 %, а задание № 3 – 80 % учеников, что, несомненно, является хорошим результатом.

Самые лучшие показатели были у группы «В», которой был предложен текст с дополненной реальностью. Правильно определили тему текста 11 человек из 15, что составило 73 %. Задание № 2 верно выполнили 10 учеников из 15 – 66 %. Важно то, что по результату анализа задание № 2 является самым сложным для выполнения у всех трех групп семиклассников. 86 % учеников безошибочно определили способы решения проблемы, предлагаемые автором текста.

Результат констатирующего эксперимента подтвердил наше предположение о продуктивности использования текста новой природы с дополненной реальностью в качестве первичного текста для обучения школьников написанию на его основе сочинения-рассуждения. Подчеркнем, что, организуя опытное обучение, мы не ставили задачу исключить (полностью или частично) из текстового репертуара обучающихся линейные тексты. Мы посчитали целесообразным дополнить традиционно используемые на уроке развития речи линейные и поликодовые тексты текстами новой природы.

Обучающий эксперимент проходил в рамках внеурочной деятельности по русскому языку. Работа осуществлялась на основе традиционной методики обучения написанию вторичного текста-рассуждения: семиклассники знакомились с первичным текстом, формулировали тезис, который в нем обосновывался, вычленяли авторские аргументы, приводили собственные, делали выводы. Однако учащимся предлагалось выполнить задание не только на основе линейного текста, но и текста с дополненной реальностью. Считывая информацию, представленную с помощью QR-кода, семиклассники могли прослушать аудиофрагменты и просмотреть видеофрагмент, выбрать наиболее удобный для себя канал получения информации или их сочетание. Данный опыт был описан нами ранее [31, с. 397].

Анализ результатов опытного обучения [32, с. 103] показал, что работа с текстами новой природы с

дополненной реальностью позволяет активизировать учебную деятельность школьников, мотивировать их и создать плодотворную учебную атмосферу.

Заключение

Таким образом, результаты эксперимента показывают актуальность работы с нелинейными видами текстов, обладающими разнообразными семиотическими структурами.

Тексты с дополненной реальностью обладают большим потенциалом для обучения школьников написанию вторичных текстов-рассуждений на основе информационной переработки первичного текста. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, восприятие и понимание любых текстов является не линейным, не одномоментным, а проходит через несколько слоев декодировки. Во-вторых, цифровое поколение ежедневно имеет дело с нелинейными структурами в различных сферах жизнедеятельности, что говорит об их психологической и физиологической готовности воспринимать нелинейную информацию.

Таким образом, современные тексты (тексты новой природы) являются эффективным средством формирования коммуникативной компетенции современного школьника – представителя цифровой эры.

Список источников

1. Федеральная рабочая программа основного общего образования русский язык (для 5–9 классов образовательных организаций). М., 2022. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/10/01_frp_russkij-yazyk_5-9-klassy.pdf (дата обращения: 20.11.2022).
2. Беньковская Т. Е. Тексты «новой природы» и возможность их использования в литературном образовании современных школьников // Педагогический ИМИДЖ: научно-практический журнал. 2017. № 3 (36), июль – сентябрь. С. 63–70.
3. Галактионова Т. Г. Приобщение школьников к чтению: феномен открытого образования: науч.-метод. материалы: для вузов по направлениям пед. образования. СПб.: Кн. дом, 2008. 198 с.
4. Галактионова Т. Г., Казакова Е. И., Гринева М. И. и др. Учим успешному чтению. Рекомендации учителю: пособие для учителей общеобразовательных учреждений. М., 2011. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=21871929 (дата обращения: 5.03.2021).
5. Квашина Е. С. «Новые» детские книги в пространстве библиотеки и школы: новые формы организации читательской деятельности. М.: Библиомир, 2017. 158 с.
6. Казакова Е. И. Тексты новой природы: проблемы междисциплинарного исследования // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21, № 4. С. 102–109. doi: 10.17759/ pse.2016210409
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 8.
8. Шехтман Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст. Оренбург: КГПУ, 2005. 168 с.
9. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 168 с.
10. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник СамГУ. 2008. № 4. С. 20–24.
11. Сорокин Ю. А. Художественный текст как совокупность читательских оценок // Социология и психология чтения. Труды. Т. 15. М.: Книга, 1979. С. 194–199.
12. Ейгер Г. В., Юхт, В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. I. М., 1974. С. 103–110.
13. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–123.
14. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. 2000. № 3. С. 104–110.
15. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. С. 117.
16. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: на материале креолизованных текстов. М.: Академия, 2003.
17. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 180–189.
18. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста: автореф. … дис. канд. филол. наук. М., 1997. 24 с.
19. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
20. Теун В. Д. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
21. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры. СПб., 2002. 383 с.
22. Мартынова А. Г. Обучение академическому письменному дискурсу в жанре экспозиторного эссе: дис. … канд. пед. наук. Омск, 2006. 207 с.
23. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2001. 360 с.
24. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001. 608 с.

25. Ипполитова А. Н. Гипертекст в пространстве коммуникации // Русский язык в школе. 2012. № 7. С. 25–32.
26. Акишина А. А., Тряпельников А. В. Кибертекст как новый вид учебного текста в цифровой среде обучения РКИ // Образование и наука. 2018. Т. 3, № 3. С. 205–211.
27. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессе эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 8.
28. Казак М. Ю., Мохова А. А. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности // Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 24 (119). С. 177.
29. Bell A. Approaches to Media Discourse. London: Blackwell, 1996. P. 3.
30. Azuma R. T. A. Survey of Augmented Reality // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. 1997. № 6 (4). P. 355–385. doi: 10.1162/pres.1997.6.4.355
31. Самолина А. В. Тексты новой природы в коммуникативном пространстве. Риторика и речекоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества: сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике (2–4 февраля 2022 г.) / сост.-ред.: В. И. Аннушкин, А. Г. Жукова, Л. В. Селезнева. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. 543 с.
32. Самолина А. В. Текст новой природы с дополненной реальностью в системе обучения школьников вторичным текстам-рассуждениям // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13, № 3 (51). С. 103–108. doi: 10.51609/2079-3499_2022_13_03_108

References

1. *Federal'naya rabochaya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya russikiy yazyk (dlya 5–9 klassov obrazovatel'nykh organizatsiy)* [Federal work program of basic general education Russian language (for grades 5–9 of educational organizations)] (in Russian). URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/10/01_frp_russkij-yazyk_5-9-klassy.pdf (accessed 20 November 2022).
2. Benkovskaya I. E. Teksty novoy prirody i vozmoznost' ikh ispol'zovaniya v literaturnom obrazovanii sovremennykh shkol'nikov [Texts of "new nature" and the possibility of their use in the literary education of modern schoolchildren]. *Pedagogicheskiy IMIDZH: nauchno-prakticheskiy zhyrnal – Pedagogical IMAGE: a scientific and practical journal*, 2017, no. 3 (36), pp. 63–70 (in Russian).
3. Galaktionova T. G. *Priobshcheniye shkol'nikov k chteniyu: fenomen otkrytogo obrazovaniya: nauchno-metodicheskiye materialy: dlya vuzov po napravleniyam ped. obrazovaniya* [Introducing schoolchildren to reading: the phenomenon of open education: scientific and methodological materials: for universities in areas of teacher education]. Saint Petersburg, Knizhnyy dom Publ., 2008. 198 p. (in Russian).
4. Galaktionova T. G., Kazakova E. I., Grineva M. I. et al. *Uchim uspeshnomu chteniyu. Rekomendatsii uchitelyu: posobiye dlya uchiteley obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [We teach successful reading. Recommendations to the teacher. Manual for teachers of general education institutions]. Moscow, 2011 (in Russian). URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=21871929 (accessed 5 March 2021).
5. Kvashina E. S. *Novyye detskiye knigi v prostranstve biblioteki i shkoly: novyye formy organizatsii chitatelskoy deyatel'nosti* [New children's books in the library and school space: new forms of organization of reading activity]. Moscow, Bibliomir Publ., 2017. 158 p. (in Russian).
6. Kazakova E. I. Teksty novoy prirody: problemy mezhdistsiplinarnogo issledovanya [Texts of a new nature: problems of interdisciplinary research]. *Psykhologicheskaya nauka i obrazovaniye – Psychological science and education*, 2016, vol. 21, no. 4, pp. 102–109 (in Russian). DOI: 10.17759/ pse.2016210409
7. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 1981. 8 p. (in Russian).
8. Shekhtman N. A. *Ponimaniye rechevogo proizvedeniya i gipertekst* [Understanding speech works and hypertext]. Orenburg, KSPU Publ., 2005. 168 p. (in Russian).
9. Sorokin Yu. A. *Psikhologicheskiye aspekty izucheniya teksta* [Psycholinguistic aspects of text study]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 168 p. (in Russian).
10. Bol'shakova L. S. O soderzhanii ponyatiya "polikodovyy tekst" [About the content of the concept of "polycode text"]. *Vestnik SamGU – Bulletin of the Samara State University*, 2008, no. 4, pp. 20–24 (in Russian).
11. Sorokin Yu. A. Khydozestvennyy tekst kak sovokupnost' chitatel'skikh otsenok [Literary text as a set of readers' assessments]. *Sotsiologiya i psikhologia chteniya. Trudy. Tom 15* [Sotsiology and psychology of reading. Trudy. Vol. 15]. Moscow, Kniga Publ., 1979. Pp. 194–199 (in Russian).
12. Yeyger G. V., Yukht V. L. K postroyeniyu tipologii tekstov [Towards the construction of a typology of texts]. *Lingvistika teksta: materialy nauchnoy konferentsii pri MGPIIA* [Linguistics of the text: Materials of the scientific conference at the M. Torez Moscow State Pedagogical Institute]. Moscow, 1974. Pp. 103–110 (in Russian).
13. Sonin A. G. Eksperimental'noye issledovaniye polikodovykh tekstov: osnovnyye napravleniya [Experimental study of polycode texts: main directions]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of Linguistics*, 2005, no. 6, pp. 115–123 (in Russian).
14. Bernatskaya A. A. K probleme "kreolizatsii" teksta: istoriya i sovremennoye sostoyaniye [To the problem of "creolization" of the text: history and current state]. *Rechevoye obchsheniye: spetsializirovannyy vestnik*, 2000, no. 3, pp. 104–110 (in Russian).

15. Sonin A. G. *Ponimaniye polikodovykh tekstov: kognitivnyy aspekt* [Understanding of polycode texts: cognitive aspect]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005. P. 117 (in Russian).
16. Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezkyl'turnaya kommunikatsia: na materiale kreolizovannykh tekstov* [Linguistics of the text and intercultural communication: on the mater. Creolized texts]. Moscow, Akademiya Publ., 2003 (in Russian).
17. Voroshilova M. B. Kreolizovannyy tekst: aspect izucheniya [Creolized text: aspects of study]. *Politicheskya lingvistika – Political linguistics*, 2006, no. 20, pp. 180–189 (in Russian).
18. Poymanova O. V. *Semanticheskoye prostranstvo videoverbal'nogo teksta. Avtoref. dis. cand. ped. nauk* [Semantic space of the video verbal text. Abstract of thesis cand. of ped. sci.]. Moscow, 1997. 24 p. (in Russian).
19. Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya angliyskaya mediarech')* [Media Linguistics: a systematic approach to the study of the language of the media (modern English media]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 263 p. (in Russian).
20. Teun V. D. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989 (in Russian).
21. Smetanina S. I. *Mediatekst v sisteme kul'tury* [Mediatext in the system of culture]. Saint Petersburg, 2002. 383 p. (in Russian).
22. Martynova A. G. *Obucheniye akademicheskomu diskuyrsu v zhanre ekspozitornogo esse. Dis. kand. ped. nauk* [Teaching academic written discourse in the genre of expository essay. Dis. cand. ped. sci.]. Omsk, 2006. 207 p. (in Russian).
23. Baranov A. N. *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 360 p. (in Russian).
24. Rudnev V. P. *Entsiklopedicheskiy slovar' kultury XX veka* [Encyclopedic dictionary of culture of the XX century]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 608 p. (in Russian).
25. Ippolitova A. N. Gipertekst v prostranstve kommunikatsii [Hypertext in the space of communication]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian language at school*, 2012, no. 7, pp. 25–32 (in Russian).
26. Akishina A. A., Tryapelnikov A. V. Kibertekst kak novyy vid uchebnogo teksta v tsifrovoy srede obucheniya RKI [Cybertext as a new type of educational text in the digital learning environment of the RCT]. *Nauka i obrazovaniye – Education and Science*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 205–211 (in Russian).
27. Kuzmina N. A. Intertekst i yego rol' v protsesse evolutsii poeticheskogo yazyka [Intertext and its role in the evolution of poetic language]. *Izdatelstvo Ural'skogo universiteta – Ural Publishing House*, 1999. P. 8 (in Russian).
28. Kazak M. Yu., Mokhova A. A. Mediateksty v aspekte teorii intertekstual'nosti i pretsedentnosti [Media texts in the aspect of the theory of intertextuality and precedent]. *Gumanitarnyye nauki – Humanities*, 2011, no. 24 (119), p. 177 (in Russian).
29. Bell A. *Approaches to Media Discourse*. London, Blackwell, 1996. P. 3.
30. Azuma R. T. A., Survey of Augmented Reality. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*, 1997, 6 (4), pp. 355–385. DOI: 10.1162/pres.1997.6.4.355
31. Samolina A. V. Teksty novoy prirody v kommunikativnom prostranstve [Texts of a new nature in the communicative space]. *Ritorika i rechekommunikativnyye distsipliny v nauke i praktike: sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po ritorike* [Rhetoric and speech communication disciplines in the science and practice of modern society: Collection of materials of the XV International Scientific Conference on Rhetoric]. Moscow, State IRYA named after A. S. Pushkin Publ., 2022. 543 p. (in Russian).
32. Samolina A. V. Tekst novoy prirody s dopolnennoy real'nost'yu v sisteme obucheniya shkol'nikov vtorichnym tekstam [Text of a new nature with augmented reality in the system of teaching secondary texts to schoolchildren-reasoning]. *Gumanitarnyye nauki i obrazobaniye – Humanities and education*, 2022, vol. 13, no. 3 (51), pp. 103–108. DOI: 10.51609/2079-3499_2022_13_03_108

Информация об авторах

Ерохина Е. Л., доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой, Московский педагогический государственный университет (ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119435).
E-mail: el.erokhina@mpgu.su

Самолина А. В., преподаватель-исследователь, преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (пр. Вернадского, 82, Москва, Россия, 119602).
E-mail: samolina-av@ranepa.ru

Information about the authors

Erokhina E. L., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department, Moscow State University (ul. Malaya Pirogovskaya, 1, Moscow, Russian Federation, 119435).
E-mail: el.erokhina@mpgu.su

Samolina A. V., research teacher, lecturer, Institute of Business and Business Administration of RANEPA (pr. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119602).
E-mail: samolina-av@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 03.11.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 03.11.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 106–113.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 106–113.

УДК 811.161.1'28
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-106-113

Отношение вьетнамских студентов к развитию навыков устной и письменной речи русского языка при помощи социальных сетей: количественное исследование

Нгуен Ву Хыонг Ти

Институт социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете г. Хошимина, Хошимин, Вьетнам, huongchinv@hcmussh.edu.vn

Аннотация

Технологическое развитие не только объединяет людей во всем мире, но и открывает путь в образовательной сфере. В качестве вспомогательного средства социальные сети обеспечивают естественное общение и обмен информацией, предоставляют обучающим и ученикам образовательные ресурсы, услуги по разработке материалов и организации обучения, а также создают образовательную среду в форме виртуальных сообществ для взаимодействия, где учителя и ученики активно участвуют в процессе обучения, где обучающие одновременно выступают в роли консультантов и участников коммуникации. Целью исследования является изучение отношения студентов бакалавриата вьетнамских университетов к развитию навыков устной и письменной речи русского языка с помощью социальных сетей вне стен классной комнаты. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении способности использования социальных сетей в качестве вспомогательного инструмента по изучению русского языка во Вьетнаме. Теоретической основой послужили научно-педагогические труды по проблеме исследования. В процессе работы использовались следующие методы: анализ, синтез, систематизация, кейс-стади, анкетирование. Результаты исследования показали положительные взгляды вьетнамских студентов на развитие навыков устной и письменной речи русского языка через социальные сети вне аудитории. Было также замечено, что необходимо изменить сознание и отношение обучающих к использованию платформ социальных сетей в качестве вспомогательных средств при обучении навыкам устной и письменной речи русского языка. Кроме того, ожидается эффективное использование социальных сетей в обучении другим навыкам русского языка. С другой стороны, в виртуальной среде учащиеся могут наблюдать за реальностью использования языка в повседневной жизни, что невозможно для изучающих язык в неязыковой среде. Сделанные выводы способны послужить основой для раскрывания возможностей создать интерактивные упражнения и внедрить их в отработку навыков устной и письменной речи русского языка посредством социальных сетей во Вьетнаме. К будущим исследованиям может относиться изучение функций социальных сетей и их использование в создании системы упражнений для развития навыков русского языка; проведение глубинного интервью для оценки достижений речевых умений с помощью различных видов упражнений в социальных сетях.

Ключевые слова: *русский язык, методика преподавания русского языка вне аудитории, социальные сети в обучении русскому языку, обучение русскому языку вне аудитории во Вьетнаме*

Для цитирования: Нгуен Ву Хыонг Ти. Отношение вьетнамских студентов к развитию навыков устной и письменной речи русского языка при помощи социальных сетей: количественное исследование // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 106–113. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-106-113

Reviews of Vietnamese students about the development of Russian speaking and writing skills using social networks: A quantitative research

Nguyen Vu Huong Chi

Institute of Social and Human Sciences at Vietnam National University of Hochiminh City, Hochiminh City, Vietnam, huongchinv@hcmussh.edu.vn

Abstract

Technological development not only unites people all over the world, but also opens the way in the educational field. As an assistive tool, social networks provide natural communication and exchange of information, provide teachers and students with educational resources, services for developing materials and organizing training, as well as creating an educational environment in the form of virtual communities for interaction, where teachers and students actively participate in the learning process, where teachers simultaneously act as consultants and participants in communication. The purpose of the study is to study the perceptions and attitudes of undergraduate students at Vietnamese universities towards devel-

© Нгуен Ву Хыонг Ти, 2024

oping Russian speaking and writing skills through social networks outside the classroom. The scientific novelty of the study lies in considering the ability to use social networks as an auxiliary tool for learning the Russian language in Vietnam. The theoretical basis was provided by scientific and pedagogical works on the research problem. The following methods are used in the research process: analysis, synthesis, systematization, case study, questioning. The results of the study showed positive views of Vietnamese students on the development of Russian speaking and writing skills through social networks outside the classroom. It was also noted that it is necessary to change the consciousness and attitude of teachers towards the use of social networking platforms as aids in teaching Russian speaking and writing skills. In addition, effective use of social networks in teaching other Russian language skills is expected. On the other hand, in a virtual environment, students can observe the reality of language use in everyday life, which is impossible for language learners in a non-linguistic environment. The conclusions drawn can serve as the basis for revealing the possibilities of creating interactive exercises and introducing them into the development of Russian speaking and writing skills through social networks in Vietnam. Future research may include studying the functions of social networks and their use in creating a system of exercises for developing Russian language skills; conducting an in-depth interview to assess the achievements of speech skills using various types of exercises on social networks.

Keywords: *Russian language, methods of teaching Russian language outside the classroom, social networks in teaching Russian language, teaching Russian language outside the classroom in Vietnam*

For citation: Nguyen Vu Huong Chi. Otnosheniye v'yetnamskikh studentov k razvitiyu navykov ustnoy i pis'mennoy rechi russkogo yazyka pri pomoshchi sotsial'nykh setey: kolichestvennoye issledovaniye [Reviews of Vietnamese students about the development of Russian speaking and writing skills using social networks: A quantitative research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 106–113 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-106-113

Введение

В последние годы социальные сети стали знакомы всем. По статистике Datareportal, в начале 2022 г. во Вьетнаме насчитывалось 70,40 млн пользователей Facebook и 39,91 млн пользователей TikTok [1]. Обладая характеристиками обмена информацией и сотрудничества между пользователями в Интернете, технология веб 2.0 открыла новое направление в сфере образования в целом и в обучении иностранным языкам в частности. Саломон и Перкинс заявили, что в онлайн-среде пользователи могут общаться с носителями языка в онлайн-чатах или играх в эффективной и интерактивной среде без помощи учителей иностранного языка [2]. В исследовании Харрисона и Томаса упоминалось, что соцсети используются как инструмент по развитию языковых навыков и сформировали разнообразную среду онлайн-обучения, в которой взаимодействие между учителями и учащимися усиливается и поддерживается в процессе обучения как в классе, так и дома [3]. Вместе с тем преподавание русского языка в среде без носителей языка – одна из самых больших трудностей, с которыми сталкиваются образовательные учреждения во Вьетнаме. Создание среды, в которой используется русский язык вне аудитории, является ключевым фактором для повышения коммуникативных навыков студентов и требует усилий с обеих сторон – преподавателей и студентов. Обучающие должны привить студентам любовь к русскому языку и русской культуре, пробуждать любознательность и организовать комфортную среду обучения. Учащимся необходимо практиковать самообучение, владеть знаниями и совершенствовать свои навыки русского языка в соответствии с требованиями к образовательным программам. Кроме того, в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой во Вьетнаме на государственном уровне бурно развивается онлайн-формат учебного процесса. Вместе с различными платформами обучения соцсети также используются для расширения взаимодействия между педагогами и учащимися. Исходя из вышеизложенного, была обусловлена актуальность настоящего исследования.

В последнее время проводилось немало научных исследований по обучению иностранным языкам посредством использования соцсетей во вьетнамской аудитории. Однако среди учебной, методической и научной литературы крайне мало работ, в которых рассматривается использование соцсетей в качестве инструмента для изучения русского языка как иностранного во Вьетнаме. В соответствии с этим определена научная новизна настоящего исследования.

Термин «технология в обучении», по определению Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина [4], указывает на способы использования вспомогающих технических средств в процессе обучения. Технология удовлетворяет как зрение, так и слух учащихся. Технология не только способствует активному участию в занятиях и формированию любознательности, но и улучшает коммуникативные навыки учащихся, тем самым изменяя их отношение к обучению, помогая им быть мотивированными и ответственными за собственное обучение [5]. Применение цифровых платформ предоставляет преподавателям возможность использовать онлайн-контент в качестве вспомогательного обучающего материала. Кроме того, упомянутые платформы способны уменьшить педагогическую нагрузку преподавате-

лю [6], развить способности ориентироваться в информации при смешанном обучении [7].

Немалое количество предыдущих исследований показало ряд таких достоинств соцсетей, как популярность, актуальность, доступность, интерактивность, возможность передачи и хранения огромного количества информации, возможность создания групп, сообществ или чатов разных видов, возможность проведения опросов онлайн [8]; возможность активирования отдельных или комбинационных видов чтения, просмотра, прослушивания, а также речевых видов деятельности [9]; возможность ведения блогов [10]; возможность организации сообщества для обмена идеями, ресурсами, возможность повышения успеваемости учащихся в результате более активного участия в обсуждениях в классе, возможность связывания со студентами, не адаптирующимися к традиционным методам обучения, возможность повышения чувства выполненного долга и уверенности в себе [11]. В последние годы использование соцсетей в образовании немало обсуждено в различных педагогических исследованиях, но их образовательные возможности недооцениваются [12].

Приведенные выше данные характеризуют положительные взгляды в использовании информационно-коммуникационных технологий, точнее сказать, соцсетей в образовательной сфере в частности. Практическая значимость состоит в том, что выводы, сформулированные в проведенном исследовании, раскрывают возможности построения упражнений по практике устной и письменной речи русского языка и внедрения их в отработку данных навыков через соцсети во Вьетнаме.

Для достижения цели настоящего исследования ставятся следующие задачи:

1. Определить частоту использования соцсетей в обучении русскому языку во Вьетнаме.

2. Проанализировать мнение студентов о полезности соцсетей в развитии навыков устной и письменной речи русского языка как иностранного.

Материал и методы

К анализу привлечены научная литература по проблеме исследования, а также электронные специализированные журналы, открытые официальные документы.

В методологическую основу исследования заложены подходы теоретического анализа научной литературы, синтеза, систематизации информации, кейс-стади и анкетирование.

Исходные данные были собраны у 105 добровольных студентов разных курсов факультетов русского языка восьми вьетнамских университетов. На момент проведения исследования всем студентам было более 18 лет.

Данное исследование при использовании метода кейс-стади направлено на изучение того, как применять соцсети в практике обучения устной и письменной речи русского языка вне аудитории во Вьетнаме.

В опросе используются вопросы с 5-балльной шкалой Лайкерта со следующими оценками:

уровень 1: 1,00–1,80 (полностью не согласен/никогда);

уровень 2: 1,81–2,60 (не согласен/очень редко);

уровень 3: 2,61–3,40 (нейтральный/иногда);

уровень 4: 3,41–4,20 (согласен/часто);

уровень 5: 4,21–5,00 (полностью согласен/очень часто).

Опрос был организован следующим путем:

– создан опросник с различными вопросами об использовании соцсетей в обучении устной и письменной речи русского языка во Вьетнаме;

– через Интернет были розданы опросники студентам вьетнамских университетов, где преподают русский язык. Все респонденты были предупреждены о том, что анкетирование проводится путем анонимного заполнения электронных опросников в режиме онлайн. Для возможности получить точные ответы анкета была составлена полностью на вьетнамском языке;

– опросники были собраны, и данные были проанализированы при помощи использования метода математической статистики.

Опросник:

1. Где Вы учитесь?

2. Используют ли Ваши преподаватели соцсети в обучении русскому языку?

3. С какой целью Ваши преподаватели используют соцсети в обучении русскому языку?

4. Имея различные функции поддержки взаимодействия, соцсети могут использоваться в целях повышения качества обучения. Каково Ваше мнение о следующих высказываниях?

а) использование соцсетей в процессе обучения русскому языку способно сделать занятия более насыщенными, интересными и привлекающими. Например, студенты выкладывают видео/статус на русском языке в сторис и обмениваются своими отзывами и мнениями в группах;

б) соцсети в определенной степени повышают качество обучения;

в) соцсети могут стать эффективным вспомогающим средством в обучении русскому языку.

5. Могут ли использовать соцсети для разработки практических заданий по устной и письменной речи русского языка?

6. Какую оценку можете поставить за свои навыки устной и письменной речи в процессе обучения с помощью заданий, разработанных в соцсетях?

7. Какие навыки, кроме устной и письменной речи, по-Вашему, могут развивать задания, разработанные в соцсетях?

Результаты и обсуждение

На основе ответов респондентов на онлайн-анкеты в этой части важно анализировать и обобщать результаты исследования в целях ответить на два заданных вопроса по двум основным направлениям: частота использования соцсетей в обучении русскому языку вне вьетнамской аудитории и осознание студентами полезности соцсетей в обучении устной и письменной речи на русском языке как иностранном.

На вопрос «Используют ли Ваши преподаватели соцсети в обучении русскому языку?» ответ «да» дали 78,1 % из 105 учащихся, «нет» ответили 21,9 %.

Таблица 1

Частота использования соцсетей в обучении русскому языку во Вьетнаме

Показатель	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Очень часто
Частота использования соцсетей в обучении русскому языку во Вьетнаме	17,9	7,7	33,3	25,6	15,4

На вопрос «С какой целью Ваши преподаватели используют соцсети в обучении русскому языку?» ответы сложились следующим образом:

– коммуникативное взаимодействие – 80 % из 105 респондентов;

– поиск учебных материалов – 97,6 %;

– передача домашних заданий – 76,8 %;

– онлайн-обучение – 1,2 %.

Ответы на первый исследовательский вопрос показали, что во Вьетнаме соцсети активно используются в процессе обучения, хотя цели и способы применения могут быть разными. Это в какой-то степени совпадает с результатами предыдущих исследований Ю. В. Наволочной, В. А. Кочневой, Н. Г. Нестеровой, Д. А. Тумановой, Д. Е. Онорина, Н. В. Родионовой, М. Н. Яранской, Бича и Дорр-Стивенса, МакДермотта, Солмаза [7, 13–20], в которых проведено рассмотрение использования и полезности соцсетей в обучении разным языкам на разных уровнях. Это позволяет подтвердить, что соцсети стремительно набирают популярность не только в коммуникации между людьми, но и в образовательной сфере, и с каждым днем они поддерживают обучение иностранным языкам в определенной степени.

В табл. 2–5 представлены ответы на второй исследовательский вопрос о восприятии студентов полезности соцсетей в развитии навыков устной и письменной речи русского языка как иностранного.

На вопрос о роли соцсетей в обучении русскому языку ответы выражены следующим образом:

– насыщенность, интересность и привлекательность соцсетей в обучении – 31,4 % выбрали вариант «согласны», 44,8 % ответили «полностью согласны»;

– повышение качества обучения – «согласны» указали 29,5 %, «полностью согласны» отметили 44,8 %;

– эффективность соцсетей в обучении – 29,5 % выбрали «согласны», 53,3 % указали «полностью согласны».

Таблица 2

Отношение студентов к полезности соцсетей в обучении русскому языку

Показатель	Полностью не согласен	Не согласен	Нейтральный	Согласен	Полностью согласен
Использование соцсетей делает уроки насыщенными, интересными и привлекательными	3,8	0	20,0	31,4	44,8
Соцсети в определенной степени повышают качество обучения	1,9	1,9	21,9	29,5	44,8
Соцсети являются эффективным вспомогательным средством в процессе обучения	1,9	3,8	11,4	29,5	53,3

На вопрос «Могут ли использовать соцсети для разработки практических заданий по устной и письменной речи русского языка?» 28,6 % ответили «согласны» и 54,3 % указали «полностью согласны».

Таблица 3

Отношение студентов к возможности использования соцсетей в целях разработки практических заданий

Показатель	Полностью не согласен	Не согласен	Нейтральный	Согласен	Полностью согласен
Возможность использвания соцсетей в целях разработки практических заданий	3,8	1,9	11,4	28,6	54,3

На вопрос «Какую оценку можете поставить за свои навыки устной и письменной речи в процессе обучения с помощью заданий, разработанных в соцсетях?» 30,5 % ответили «хорошо», 45,7 % выбрали «отлично».

Таблица 4

Отношение студентов к возможности повышения навыков устной и письменной речи

Показатель	Очень плохо	Плохо	Удовлетворение	Хорошо	Отлично
Возможность повышения навыков устной и письменной речи	2,9	3,8	17,1	30,5	45,7

На вопрос «Какие навыки, кроме устной и письменной речи, по-Вашему, могут развивать задания, разработанные в соцсетях?» ответы представлены следующим образом:

– мягкие навыки – 67,6 % ответов из 105 респондентов;

– навык аудирования – 64,8 %;

– навык чтения – 51,4 %.

Таблица 5

Отношение студентов к возможности повышения других навыков

Показатель	Да	Нет
Мягкие навыки	67,6	32,4
Навык чтения	51,4	48,6
Навык аудирования	64,8	35,2

Итак, результаты данных показывают, что многие студенты положительно относятся к использованию соцсетей в обучении русскому языку в целом и в обучении устной и письменной речи в частности. Эти результаты совпадают с данными, полученными Ю. В. Наволочной, В. А. Кочневой, Н. Г. Нестеровой, Д. А. Тумановой, Д. Е. Ониным, Н. В. Родионовой, М. Н. Яранской, Бичом и Дорр-Стивенсом, МакДермоттом, Солмазом, Омаром, Эмби, Юнусом, А. В. Фещенко [7, 13–22], в работах которых высоко оценивается роль соцсетей во взаимодействии в обучении с целью обмена информацией; в проведении различных контрольных мероприятий, опросов, коллективных обсуждений; в передаче домашних заданий; в мотивации студентов к изучению иностранных языков.

Кроме того, положительные отзывы о том, что функции соцсетей обеспечивают всем учащимся возможность быстрого доступа к содержанию занятий, привлекают и мотивируют их к учебной деятельности, позволяют подтвердить значимость соцсетей в обучении русскому языку. Этот результат также встречается в исследовании Омара и др., где участники опроса считают соцсети интересными и привлекающими и уверены, что интересные платформы способствуют более активному обсуждению между учащимися и улучшению их коммуникативных навыков [21]. Подобным же образом в исследовании А. В. Фещенко и др. о преимуществах соцсетей в дистанционном обучении опрошенные преподаватели и студенты положительно отреагировали на передачу большого количества информации, на возможность создания учебной деятельности, оперативной коммуникации, на удобство платформы [22].

На основании мнений студентов о возможности повышения качества обучения можно сделать вывод о том, что учащиеся высоко оценивают роль соцсетей. Такой вывод особенно важен, поскольку одной из основных целей образования является приобретение ожидаемого качества обучения. Для достижения данной цели соцсети могут быть полезным вспомогающим инструментом при разработке упражнений и в улучшении речевых навыков. Этот вывод аналогичен результатам предыдущих исследований Н. Г. Нестеровой, Т. А. Гольцовой, Гэмбла, ДеПью, Дизона, Фуз-Гонсалеса, Хартинга [14, 23–28]. В исследовании Ю. В. Наволочной утверждается, что большинство учащихся поддерживают внедрение соцсетей в обучение иностранному языку, выражая готовность и желание использовать соцсети в процессе обучения и осознавая наибольшую эффективность их применения в обучении чтению и письму [7]. В своем исследовании Н. Г. Нестерова и Д. А. Туманова отметили, что создание группы учащихся в соцсети «ВКонтакте» для учебной цели способствует организации обучения всем видам речевой деятельности. Авторы также предложили задания, разработанные путем использования функций соцсетей, по развитию коммуникативной, речевой, социолингвистической, лингвострановедческой компетенции [14]. Из исследования Т. А. Гольцовой и Е. А. Проценко следует, что использование соцсетей вне аудитории может предоставлять студентам возможность непосредственного общения с носителями языка, что помогает формированию навыков письменной речи, убеждения, аргументации, адекватного реагирования, прогнозирования ответной реакции собеседников и т. п. [23]. Основываясь на своем исследовании, Гэмбл и Уилкинс считают, что платформа Facebook способствует повышению навыков аудирования, говорения, чтения и письма учащихся [24].

Заключение

Соцсети все больше привлекают внимание обучающих, желающих найти передовые технологии

с целью улучшить качество преподавания и обучения. Результаты предыдущих исследований продемонстрировали большие перспективы соцсетей в учебной сфере. Полученные результаты опроса демонстрируют возможность и актуальность применения соцсетей для построения различных видов упражнений на развитие навыков устной и письменной речи учащихся. Большинство учащихся высоко оценивают роль соцсетей в преподавании и изучении русского языка. Ожидается эффективное использование соцсетей не только для развития устной и письменной речи, но и для приобретения других навыков при изучении русского языка.

Было также замечено, что необходимо изменить восприятие и отношение обучающих к использованию платформ соцсетей в качестве вспомогающего инструмента в обучении навыкам устной и письменной речи на русском языке. С помощью соцсетей преподаватели и студенты могут наблюдать за реальностью использования языка в повседневной жизни, что невозможно для изучающих язык в неязыковой среде. Четко определив ценность использования соцсетей в преподавании и изучении языка, обучающие смогут предоставить учащимся направляющую информацию и рекомендации по безопасному и полезному использованию соцсетей.

К будущим исследованиям может относиться изучение функций соцсетей и их использование в создании системы упражнений для развития определенных навыков русского языка; проведение глубинного интервью для оценки достижения речевых умений при помощи различных видов упражнений в соцсетях.

Список источников

1. Datareportal. Digital 2022: Vietnam. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-vietnam (дата обращения: 10.12.2022).
2. Salomon G., Perkins D. Individual and social aspects of learning // Review of research in education. 2018. Vol. 23. P. 1–24.
3. Harrison R., Thomas M. Identity in online communities: social networking sites and language learning // International Journal of Emerging Technologies and Society. 2009. № 7 (2). P. 109–124.
4. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. 448 с.
5. Ostanina-Olszewska J. Modern technology in language learning and teaching // Linguodidactica. 2018. № 22. P. 153–164. doi: 10.15290/lingdid.2018.22.10
6. Тихонова Е. В., Цзе Г., Акулина К. В. Применение цифровых образовательных платформ в процессе подготовки студентов-переводчиков: обзор цифровых решений Китая // Язык и культура. 2022. № 59. С. 286–297.
7. Наволочная Ю. В. Применение социальных сетей в практике обучения иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 2. С. 267–272.
8. Белихина Е. Н. Использование социальных сетей как обучающей среды в преподавании РКИ // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Открытая образовательная среда для изучающих русский язык в странах Европы: лучшие практики и перспективы развития». 2018. С. 103–107.
9. Жевнерович Е. Э., Сергиенко О. О. Использование социальных сетей при обучении иностранному языку. 2015. 336 с.
10. Пласкина М. В. Использование блога учебной группы в обучении иностранному языку // Вестник Тамбовского университета. 2016. Т. 21, вып. 10 (162). С. 56–61.
11. Barcelos G. T., Batista S. C. F. Use of social networks in teacher training programs: A case study // International Journal on New Trends in Education and Their Implications. 2013. Vol. 4, is. 1. P. 1–14.
12. Fabian M., Stoika O., Maksymova O., Shalyhina N., Kochmar D., Zhvava O. The process of teaching a foreign language with the use of social internet applications // Systematic Reviews in Pharmacy. 2022. Vol. 11, is. 10. P. 156–159.
13. Наволочная Ю. В., Кочнева В. А. Обучение иностранному языку с использованием социальных сетей студентов радиотехнических направлений подготовки. 2019. URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/78028 (дата обращения: 15.2.2023).
14. Нестерова Н. Г., Туманова Д. А. Лингвометодические возможности социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному // Язык и культура. 2021. № 54. С. 262–282. doi: 10.17223/19996195/54/15
15. Онорин Д. Е. Влияние социальных сетей на преподавание иностранного языка // Вестник ПГГПУ. Серия № 1: Психологические и педагогические науки. 2016. № 2–2. С. 168–175.
16. Родионова Н. В., Яранская М. Н. Потенциальные возможности использования социальных сетей в качестве образовательного ресурса // Сборник материалов Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Научное сообщество студентов: проблемы художественного и музыкального образования». 2017. С. 66–69.
17. Beach R., Doerr-Stevens C. Using Social Networking for Online Role-Plays to Develop Students' Argumentative Strategies // Journal of Educational Computing Research. 2011. № 45. P. 165–181. doi: 10.2190/EC.45.2.c
18. Mc Dermott G. The role of social media in foreign language teaching: A case study for French // Quelle place pour l'thique dans l'enseignement des langues de specialité? 2013. Vol. XXXII, № 2. P. 141–157. doi: 10.4000/apliut.4234
19. Solmaz O. Pre-service language teachers' use of social networking sites for language learning: A quantitative investigation // Eurasian Journal of Applied Linguistics. 2019. № 5 (3). P. 423–439. doi: 10.32601/ejal.651394

20. Solmaz O. A Critical Review of Research on Social Networking Sites in Language Teaching and Learning // Contemporary educational technology. 2018. № 9 (3). P. 315–330 (дата обращения: 15.2.2023). doi: 10.30935/cet.444120
21. Omar H., Embi M. A., Yunus M. Md. ESL Learners' Interaction in an Online Discussion via Facebook // Asian Social Science. 2012. Vol. 8, № 11. P. 67–74.
22. Фещенко А. В., Зильберман Н. Н., Куликов И. А., Можаева Г. В. Использование социальных сетей и систем дистанционного обучения в учебном процессе: мнение преподавателей и студентов // Гуманитарная информатика. 2015. Вып. 9. С. 128–140.
23. Гольцова Т. А., Проценко Е. А. Использование блогов и социальных сетей в процессе обучения иностранному языку // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3 (108). С. 62–68. doi: 10.24411/1813-145X-2019-10417
24. Gamble C., Wilkins M. Student Attitudes and Perceptions of Using Facebook for Language Learning // Dimension. 2014. № 49. P. 49–72.
25. DePew K. E. Social Media at Academia's Periphery: Studying Multilingual Developmental Writers' Facebook Composing Strategies // The Reading Matrix. 2011. № 11 (1). P. 54–75.
26. Dizon G. A comparative study of Facebook vs. paper-and-pencil writing to improve L2 writing skills // Computer Assisted Language Learning. 2016. № 29 (8). P. 1249–1258.
27. Fouz-González J. Pronunciation instruction through Twitter: the case of commonly mispronounced words // Computer Assisted Language Learning. 2017. № 30 (7). P. 631–663.
28. Harting A. Using Facebook to improve L2 German students' socio-pragmatic skills // The EUROCALL Review. 2017. № 25 (1). P. 26–35.

References

1. *Datareportal. Digital 2022: Vietnam*. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-vietnam (accessed 10 December 2022).
2. Salomon G., Perkins D. Individual and social aspects of learning. *Review of research in education*, 2018, vol. 23, pp. 1–24.
3. Harrison R., Thomas M. Identity in online communities: social networking sites and language learning. *International Journal of Emerging Technologies and Society*, 2009, no. 7 (2), pp. 109–124.
4. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow, 2009. 448 p. (in Russian).
5. Ostanina-Olszewska J. Modern technology in language learning and teaching. *Linguodidactica*, 2018, no. 22, pp. 153–164. DOI: 10.15290/lingdid.2018.22.10
6. Tikhonova Ye. V., Tsze G., Akulina K.V. Primeneniye tsifrovykh obrazovatel'nykh platform v protsesse podgotovki studentov-perevodchikov: obzor tsifrovykh resheniy Kitaya [The use of digital educational platforms in the process of preparing translation students: a review of digital solutions in China]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2022, no. 59, pp. 286–297 (in Russian).
7. Navolochnaya Yu. V. Primeneniye sotsial'nykh setey v praktike obucheniya inostrannomu yazyku [The use of social networks in the practice of teaching a foreign language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota – Philology. Theory and Practice*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 267–272. ISSN 1997-2911 (in Russian).
8. Belikhina Ye. N. Ispol'zovaniye sotsial'nykh setey kak obuchayushchey sredy v prepodavanii RKI [Using social networks as a learning environment in teaching Russian as a foreign language]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Otkrytaya obrazovatel'naya sreda dlya izuchayushchikh russkiy yazyk v stranakh Yevropy: luchshiye praktiki i perspektivy razvitiya"* [Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference "Open educational environment for Russian language learners in European countries: Best practices and development prospects"]. 2018. Pp. 103–107 (in Russian).
9. Zhevnerovich Ye. E., Sergiyenko O. O. *Ispol'zovaniye sotsial'nykh setey pri obuchenii inostrannomu yazyku* [The use of social networks in teaching a foreign language]. 2015. 336 p. (in Russian).
10. Plaskina M. V. Ispol'zovaniye bloga uchebnoy gruppy v obuchenii inostrannomu yazyku [Using the blog of the study group in teaching a foreign language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta – Tambov University Review*, 2016, vol. 21, iss. 10 (162), pp. 56–61 (in Russian).
11. Barcelos G. T., Batista S. C. F. Ispol'zovaniye sotsial'nykh setey v programmakh podgotovki uchiteley: tematicheskoye issledovaniye [Use of social networks in teacher training programs: A case study]. *Mezhdunarodnyy zhurnal o novykh tendentsiyakh v obrazovanii i ikh posledstviyakh – International Journal on New Trends in Education and Their Implications*, 2013, vol. 4, issue 1, pp. 1–14. ISSN 1309-6249 (in Russian).
12. Fabian M., Stoika O., Maksymova O., Shalyhina N., Kochmar D., Zhvava O. Protsess obucheniya inostrannomu yazyku s ispol'zovaniyem sotsial'nykh internet-prilozheniy [The process of teaching a foreign language with the use of social internet applications]. *Sistematicheskiye obzory v oblasti farmatsii – Systematic Reviews in Pharmacy*, 2022, vol. 11, no. 10, pp. 156–159 (in Russian).
13. Kochneva V. A. *Obucheniye inostrannomu yazyku s ispol'zovaniyem sotsial'nykh setey studentov radiotekhnicheskikh napravleniy podgotovki* [Teaching a foreign language using social networks for students of radio engineering areas of training]. 2019. 100 p. (in Russian). URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/78028 (accessed 15 February 2023).

14. Nesterova N. G., Tumanova D. A. Lingvometodicheskiye vozmozhnosti sotsial'nykh setey v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Linguistic and methodological possibilities of social networks in teaching Russian as a foreign language]. *Yazyk i kul'tura*, 2021, no. 54. Pp. 262–282 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/54/15
15. Onorin D. E. Vliyaniye sotsial'nykh setey na prepodavaniye inostrannogo yazyka [The influence of social networks on the teaching of a foreign language]. *Vestnik PGGPU. Seriya no. 1: Psikhologicheskiye i pedagogicheskiye nauki – Bulletin of PSGPU. Series no. 1: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2016, no. 2-2, pp. 168–175. ISSN 2308-717X (in Russian).
16. Rodionova N. V., Yaranskaya M. N. Potentsial'nyye vozmozhnosti ispol'zovaniya sotsial'nykh setey v kachestve obrazovatel'nogo resursa [Potential possibilities of using social networks as an educational resource]. *Sbornik materialov Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Nauchnoye soobshchestvo studentov: problemy khudozhestvennogo i muzykal'nogo obrazovaniya"* [Collection of materials of the All-Russian student scientific and practical conference "Scientific community of students: problems of art and music education]. 2017. Pp. 66–69 (in Russian).
17. Beach R. & Doerr-Stevens C. Using Social Networking for Online Role-Plays to Develop Students' Argumentative Strategies. *Journal of Educational Computing Research*, 2011, no. 45, pp. 165–181. DOI: 10.2190/EC.45.2.c
18. McDermott G. The role of social media in foreign language teaching: A case study for French. *Quelle place pour l'éthique dans l'enseignement des langues de spécialité?*, 2013, vol. XXXII, no. 2. Pp. 141–157. https://doi.org/10.4000/apliut.4234
19. Solmaz O. Pre-service language teachers' use of social networking sites for language learning: A quantitative investigation. *Eurasian Journal of Applied Linguistics*, 2019, no. 5 (3), pp. 423–439. Doi: 10.32601/ejal.651394
20. Solmaz O. A critical review of research on social networking sites in language teaching and learning. *Contemporary educational technology*, 2018, no. 9 (3), pp. 315–330. URL: https://doi.org/10.30935/cet.444120
21. Omar H., Embi M. A., Yunus M. Md. ESL learners' interaction in an online discussion via Facebook. *Asian Social Science*, 2012, vol. 8, no. 11, pp. 67–74. ISSN 1911-2017. E-ISSN 1911-2025.
22. Feshchenko A. V., Zilberman N. N., Kulikov I. A., Mozhayeva G. V. Ispol'zovaniye sotsial'nykh setey i sistem distantsionnogo obucheniya v uchebnom protsesse: mneniye prepodavateley i studentov [The use of social networks and distance learning systems in the educational process: the opinion of teachers and students]. *Gumanitarnaya informatika – Humanitarian informatics*, 2015, no. 9, pp. 128–140 (in Russian).
23. Gol'tsova T. A., Protsenko E A. Ispol'zovaniye blogov i sotsial'nykh setey v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku [The use of blogs and social networks in the process of teaching a foreign language]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2019, no. 3 (108), pp. 62–68 (in Russian). DOI 10.24411/1813-145X-2019-10417
24. Gamble C., Wilkins M. Student attitudes and perceptions of using Facebook for language learning. *Dimension*, 2014, vol. 49, pp. 49–72.
25. DePew K. E. Social Media at Academia's Periphery: Studying Multilingual Developmental Writers' Facebook Composing Strategies. *The Reading Matrix*, 2011, no. 11 (1), pp. 54–75.
26. Dizon G. A comparative study of Facebook vs. paper-and-pencil writing to improve L2 writing skills. *Computer Assisted Language Learning*, 2016, no. 29 (8), pp. 1249–1258.
27. Fouz-González J. Pronunciation instruction through Twitter: the case of commonly mispronounced words. *Computer Assisted Language Learning*, 2017, no. 30 (7), pp. 631–663.
28. Harting A. Using Facebook to improve L2 German students' socio-pragmatic skills. *The EUROCALL Review*, 2017, no. 25 (1), pp. 26–35.

Информация об авторе

Нгуен Ву Хыонг Ти, кандидат филологических наук, Институт социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете г. Хошимина (10–12 Динь Тиен Хоанг, округ Беннге, 1-й район, Хошимин, Вьетнам).
E-mail: huongchinv@hcmussh.edu.vn

Information about the author

Nguyen Vu Huong Chi, Candidate of Philological Sciences, Institute of Social Sciences and Humanities at Vietnam National University, Ho Chi Minh City, Vietnam (10–12 Dinh Tien Hoang, Ben Nghe ward, 1st District, Ho Chi Minh City, Vietnam).
E-mail: huongchinv@hcmussh.edu.vn

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 13.04.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 114–122.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 114–122.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

УДК 821.161.1:821.111
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-114-122

Прошлое и будущее в Home Life in Russia: Чичиков и помещики

Анастасия Михайловна Сердюк

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, am.serdyuk@mail.tsu.ru

Аннотация

Искаженный перевод поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя Home Life in Russia был опубликован в Лондоне в 1854 г. Многочисленные вольности анонимного переводчика изменили смысл текста, направив его на формирование негативного образа России и ее населения. Ключевая для оригинала идея духовного возрождения сменяется идеей морального отставания России от Великобритании, в связи с чем категория настоящего, в оригинале концептуально наименее значимая, выдвигается на передний план. В статье рассмотрены проявления категорий прошлого и будущего в Home Life in Russia в свете новой идеи и целей. Роман Home Life in Russia и лежащий в его основе первый том поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» рассмотрены с использованием сравнительного, культурно-исторического и герменевтического методов. Настоящее в романе конкретизируется и сдвигается в 1840-е гг., способствуя смещению фокуса с бытийной проблематики на бытовую. Из антропологических моделей (В. Кривонос) герои превращаются в (этно)социальные типы, якобы достоверно демонстрирующие современное автору состояние российского общества: с одной стороны, варварство, отсталость и моральное разложение, с другой – амбициозность, предприимчивость и стремление к приобретательству. В целом каждый герой сохраняет явное сходство с оригиналом, однако наиболее значимые указания на возможное возрождение души в будущем, как завуалированные и неоднозначные в случае помещиков, так и прямые в случае Чичикова, исчезают из английского текста. В результате заметно редуцируются и изображения будущего и прошлого героев, «вырывающие» их из мертвого настоящего. Изменения происходят как на содержательном уровне, так и на уровне повествования. Наиболее заметны трансформации Чичикова и Плюшкина, связанных как в оригинале – надеждой на духовное возрождение, так и в Home Life in Russia – окончательностью падения. Трансформируя или опуская способы изображения прошлого и будущего персонажей, автор редуцирует их до образа, в котором они существуют в настоящем. Каждый из них становится статичной, завершенной картиной в созданной автором-переводчиком галерее нравов.

Ключевые слова: *Гоголь, «Мертвые души», образ будущего, вольный перевод*

Для цитирования: Сердюк А. М. Прошлое и будущее в Home life in Russia: Чичиков и помещики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 114–122. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-114-122

© А. М. Сердюк, 2024

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

Past and future in *Home Life in Russia*: Chichikov and the landowners

Anastasiya M. Serdyuk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, am.serdyuk@mail.tsu.ru

Abstract

Home Life in Russia (1854) is a distorted translation of Nikolai Gogol's Dead Souls, aiming mainly at forming a negative image of Russia and its people. The original key idea of spiritual rebirth is replaced by that of Russia's moral inferiority to Britain, shifting the focus to the present, originally subordinate to the past and future. The article examines how the original temporal imagery transforms in the novel. *Home Life in Russia* and *Dead Souls* are examined using comparative, cultural-historical and hermeneutical methods. The now specified present moves from the 1830s to the 1840s, helping to accentuate everyday problems as opposed to the existential ones. The characters originally serving as anthropological models (Krivonos) become (ethno)social types. They are said to reliably demonstrate the current state of Russian society, depicted as barbaric, backward, and morally decayed while also full of ambition, enterprise, and the urge to acquire. In general, each of the characters strongly resembles the original one, but the most significant indications of their potential spiritual rebirth, both implicit (the landowners) and explicit (Tchichikoff), disappear from the text. This notably reduces mentions of the characters' future and past, allowing them to escape the dead(ly) present. These changes occur both in the plot and narrative. Tchichikoff and Plyushkin, connected both in the original by the prospect of their spiritual rebirth and in *Home Life in Russia* by the finality of their fall, transform the most noticeably. Transforming or omitting the depictions of the characters' past and future, the author reduces them to the image they have in the present. Each of them becomes a static, complete picture in the newly created gallery of morals.

Keywords: *Gogol, Dead Souls, image of the future, free translation*

For citation: Serdyuk A. M. Proshloye i budushcheye v Home life in Russia: Chichikov i pomeshchiki [Past and future in *"Home Life in Russia"*: Chichikov and the landowners]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 114–122 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-114-122

Введение

Роман Home Life in Russia был опубликован в Лондоне в 1854 г. Имя автора (a Russian noble) не раскрывалось якобы из соображений его безопасности, а легшая в основу романа история описывалась как реальная и весьма известная в России [1]. Однако вскоре после публикации критик журнала Athenaeum разоблачил в романе искаженный перевод «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. На сегодняшний день книга остается почти неизученной, удостоившись наиболее пристального внимания в статье К. Лефевра о рецепции Гоголя в Англии времен Крымской войны [2], а также в диссертации О. В. Нестеренко, посвященной англоязычной переводческой рецепции «Мертвых душ» [3]. В основном же обращения к ней сводятся исключительно к упоминанию, что, впрочем, неудивительно: роман не обладает собственной художественной ценностью, не может считаться успешным как перевод и не внес значимого вклада в английскую рецепцию Гоголя. Тем не менее он демонстрирует показательные закономерности в развитии русско-британских литературных связей на определенном этапе, а также специфику влияния политической ситуации на процесс литературного обмена.

В рецензии Athenaeum особенно подчеркивались переводческие вольности, создающие в итоге впечатление «неуклюжей лести» [4, с. 1455] (здесь и далее перевод наш. – *А. С.*), составляющей, как представляется, главный смысл и посыл романа, созданного в разгар Крымской войны. В предисловии и в самом названии целью заявляется просвещение читателя в вопросе внутренней жизни России, «"древних союзников" и нынешних врагов» [1], но текст явно направлен на формирование антиобраза страны и ее населения. Масштабная эпопея о пробуждении спящей и возрождении мертвой души сворачивается до истории афериста, влюбившего в себя провинциальный город, но не сумевшего обмануть закон и закончившего свой путь в Сибири.

В отличие от литературных мистификаций, представляющих собой полную фальсификацию, самостоятельное произведение [5, с. 10–12], в рассматриваемом искаженном тексте новые задачи решаются на оригинальном материале за счет привнесения в него чуждых и трансформаций присущих ему элементов. Так, с ключевой для оригинала идеей духовного возрождения человека неразрывно связана категория будущего в соотношении с

категориями прошлого и настоящего. Настоящее на пути к возрождению служит отправной точкой: преодоление пространства мертвых душ невозможно, необходимо преодоление «мертвого» времени. Именно в нем находит себе оправдание Чичиков: «Кто ж зевает *теперь* на должности? – все приобретают» [6, с. 224] (здесь и далее курсив наш. – *А. С.*) – само время порождает «тех, кто, подобно ему, готов приобрести весь мир, но потерять душу» [7, с. 253]. В таком настоящем возрождение невозможно, и потому все надежды на духовные трансформации героя в первом томе связаны с будущим. Настоящее же застывает, выпадает из фокуса автора-повествователя и предстает максимально абстрактным: как календарное, так и историческое время в поэме вообще изображается принципиально парадоксально и анахронично [8, 9]. В свою очередь прошлое, также оказывающееся за пределами застывшего, «мертвого» момента, становится неким залогом будущего, на уровне повествования словно вынося героя из настоящего, в чем слышится и отголосок нередко используемого Гоголем в более ранних произведениях приема изображения прорыва в прошлое как залога духовного освобождения [9, с. 242]. В данной статье рассмотрены проявления означенных временных категорий в романе Home Life in Russia в связи с изменением в нем идеи и целей «Мертвых душ».

Материал и методы

В статье рассматривается роман Home Life in Russia и лежащий в его основе первый том поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Использованы сравнительный, культурно-исторический и герменевтический методы.

Результаты и обсуждение

Прежде всего следует отметить общую конкретизацию хронотопа: Чичиков въезжает в *Смоленск* «одним прекрасным летним днем несколько лет назад» [1, с. 1]. Если действие оригинала датируется самое позднее 1830-ми гг. [8, с. 163], то в Home Life in Russia оно перемещается в 1840-е гг. [10, с. 80], способствуя смещению фокуса с бытийной проблематики на бытовую и становясь фоном для трансформаций, которые претерпевают герои книги.

По мнению В. Ш. Кривоноса, герои «Мертвых душ» представляют собой антропологические модели, идеи людей. В частности, Чичиков за счет особенностей его изображения становится антропологическим символом, демонстрирующим способность к преображению человеческой личности, прояснению в ней образа Божьего [11, с. 30]. Кроме того, несмотря на онтологическую статичность героев, ставшую в гоголеведении общим местом, в каждой из этих «восковых фигурок» (В. Розанов) так или иначе прослеживаются «отблески» души, намеки на потенциал к ее пробуждению, отраженные, в частности, в указаниях на их прошлое или будущее. Для автора же Home Life in Russia они выступают, скорее, социальными типами, позволяющими продемонстрировать прежде всего особенности российского общества, в связи с чем на передний план выходит не абстрактное духовное возрождение человека в будущем, но конкретное (в версии автора) настоящее русского мира, воплощенное прежде всего в образах помещиков и Чичикова.

Первый помещик, **Манилов**, в «Мертвых душах» на первый взгляд весь устремлен в будущее. В настоящем он, как и его гость, неопределен как портретно («страшно трудны для портретов»; «тонкие, почти невидимые черты» [6, с. 24]; ср.: Чичиков «не красавец, но и не дурной наружности…» [6, с. 9]), так и психологически («Один бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. …ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» [6, с. 24]). Основным, если не единственным его занятием оказывается размышление, причем «о чем он думал, тоже разве богу было известно» [6, с. 25]. Однако дальнейшее повествование несколько проясняет мысли Манилова и для читателя: это мечты и планы, сослагательное наклонение и будущее время. Все его *прожекты* заведомо неосуществимы. Очевидно замеревшее настоящее – вечно заложенная на четырнадцатой странице книга, вечный медовый месяц, вечная незавершенность обустройства – полностью устраивают его. Его жизнь – своего рода идиллия (недаром современные интерпретаторы нередко оправдывают маниловскую статичность [12]), но существующая только в его воображении: объективно поместье близко к упадку («Зачем, например, глупо и бестолку готовится на кухне? зачем довольно пусто в кладовой?..» [6, с. 26]). Даже в более определенных упоминаниях будущего читается, скорее, их связь с настоящим. Так, герой беспокоится, будет ли чичиковская «негоция» соответствовать «гражданским постановлениям и дальнейшим видам России» [6, с. 35], но последние представляются лишь некоей формулой, в то время как действительное беспокойство вызывает нарушение постановлений, способное разрушить идиллию; планы же на дипломатическое будущее Фемистоклюса [6, с. 31], по всей видимости, не имеют под собой серьезных оснований и служат лишь для подкрепления родительской гордости в моменте.

В то же время прошлое для Манилова, погруженного в свою идиллию, – далекий отголосок, значимый только в связи с настоящим («В нашем полку был поручик… И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но благодаря бога *до сих пор так здоров, как нельзя лучше*» [6, с. 32]), в целом же прошлое

словно вовсе выпадает из поля зрения Манилова: «Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?» – «*Да уж давно*; а лучше сказать – *не припомню*». «Как с того времени, много у вас умерло крестьян?» – «*А не могу знать*» [6, с. 32]. Прошлое уже не имеет значения в сравнении с идеальным настоящим, а будущее способно лишь тавтологично приукрасить его. Сама человеческая природа позволяет Манилову претендовать на возрождение, проявление и в нем образа Божьего – в конце концов, *богу было известно*, о чем он думал, – но, погрязнув в настоящем, увидеть в этом нужду он не способен.

Образ Манилова в Home Life in Russia едва ли отличается от оригинального. Он так же проводит дни в размышлениях, неизвестных никому, кроме Бога: …he seemed always busy thinking and meditating, *but what about? that also might be known in Heaven* [1, с. 122]. Его речь так же наполнена формами условного и сослагательного наклонения [1, с. 123], прожекты остаются прожектами (…these projects, however, *remained* what they originally were – *thoughts and wishes* [1, с. 123]), беспокойство же о дальнейших видах России становится еще менее осмысленным и более формализованным, будучи подчеркнуто сравнением Манилова с «государственными мужами всех наций, обсуждающими сегодня политические разногласия между Россией и Турцией» [1, с. 155]. В настоящем продолжается вечное обустройство, вечный медовый месяц, и даже книга остается годами заложена на одной странице. Сохраняется и реальный упадок на фоне воображаемой идиллии: …there are many other occupations in a house… and many and various are the questions that could be put as regards a household in general. Why, for instance… [1, с. 126]. Единственное отношение Манилова к прошлому также остается единственным и мимолетным: In my regiment we had a lieutenant… *At present* he is more than forty years old, and thank Heaven, as well and healthy as he could wish to be [1, с. 144]. Итак, в образе Манилова в Home Life in Russia, как и в оригинале, на передний план выходит его нежелание, а потому и неспособность преодолеть закостенелость настоящего и пробудить омертвевшую душу.

Коробочка, в отличие от Манилова, связана прежде всего с прошлым. Ключевой характеристикой ее и ее пространства выступает старость: *старенькие* полосатые обои, *старинные* маленькие зеркала, *старая* колода карт, сама хозяйка – «женщина пожилых лет» [6, с. 44]. Позже среди картин Чичиков замечает и портрет Кутузова, и старика в мундире эпохи Павла I [6, с. 46], при всей неоднозначности датировки настоящего в поэме [8] в любом случае отсылающие к прошлому. Более того, сама речь помещицы словно растягивает прошлое. Так, Чичиков прибывает к ней в два часа ночи [6, с. 44], т. е. ночь продолжается, однако в устах Коробочки она обретает завершенность: «...у меня *всю ночь горела свеча перед образом*» [6, с. 45]. Неоднократно в ее речи возникает образ покойного супруга, связывающий настоящее с прошлым: «Ты возьми ихний-то кафтан вместе с исподним и прежде просуши их перед огнем, *как делывали покойнику барину*» [6, с. 45]; «Покойник мой без этого никак не засыпал» [6, с. 45] – новое отождествляется со старым, утрачивая пугающий элемент неизвестности. Новое действительно пугает Коробочку едва ли не больше черта, что для Чичикова становится главной проблемой: «Право, не знаю, – произнесла хозяйка с расстановкой. – Ведь я мертвых *никогда еще не продавала*» [6, с. 50]; «Право, я *боюсь на первых-то порах*» [6, с. 51].

Будущее при этом также важно для Коробочки, но сужено до будущего ближайшего и сугубо хозяйственной сферы: «…лучше ж я маненько повременю, авось *понаедут купцы*, да *применюсь к ценам*» [6, с. 52]; «У меня *о святках и свиное сало будет*. <…> Может быть, *понадобится* еще птичьих перьев. У меня *к Филиппову посту будут* и птичьи перья» [6, с. 55]. Значимой представляется и ее ориентация на церковный календарь, закрепляющий будущее в постоянно повторяющемся цикле, соединяя его и с прошлым. В будущее направлен и принцип ведения хозяйства, свойственный Коробочке и прочим «матушкам»-помещицам, бережливо собирающим и откладывающим про запас и деньги, и вещи, которым суждено пережить хозяек.

Коробочка словно разрывается между прошлым и будущим, к первому устремляясь духовно, к последнему – материально; настоящее же оказывается несущественным. Но если воображение Манилова создает идиллию, в реальности оборачивающуюся упадком, то мысль Коробочки, напротив, не позволяет ей заметить почти идиллических условий ее быта. Бесчисленные индейки и куры, плодородные огороды, фруктовые деревья, добротные избы не утешают хозяйку, неустанно причитающую о тяжести времен: «…да беда, *времена плохи*» [6, с. 48]; «…да вот беда: *урожай плох*» [6, с. 55]; «И *умер такой все славный народ*, все работники. После того, правда, народилось, да что в них, *все такая мелюзга*» [6, с. 49] (последнее утверждение, если трактовать его в ключе не возраста, но способностей крестьян, позже опровергается: «девка… хватила обоими кулаками в ворота так сильно, хоть бы и мужчине» [6, с. 166]). Не способная ни к прорыву в будущее, ни к возвращению в прошлое, Коробочка вынуждена оставаться в настоящем и соответствовать ему, ставя во главу угла собственную выгоду.

Однозначность этого образа, однако, разрушается вопросом повествователя: «…да полно, точно ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствованья?» [6, с. 56] – не подводящим ее в полной мере к «прорыву», но все же открыто намекающим на его возможность. В Home Life in Russia этот эпизод отсутствует вовсе. Остальные временные элементы образа остаются почти без изменений: бросающаяся в глаза старость Коробочки и ее пространства не только сохраняется, но и подчеркивается (old and *old-fashioned* striped paper-hangings, *rococo-fashioned* looking-glasses, an *old* pack of cards; she was an elderly person [1, с. 179–180]), «растягивание» прошлого передано эквивалентно (I have kept my candle burning *all night long* [1, с. 184]; …dry them well before the fire, *as you did with those of your late master*… [1, с. 185]; My late husband would never go to sleep unless this was done to him [1, с. 186]), как и опасения по поводу будущего (Really, I don't know <…> Because, *I never in my life sold any dead serfs before* [1, с. 201]). Усиливается и ее погруженность в настоящее: так, портрет Кутузова сменяется портретом Паскевича [1, с. 187], а сопоставление умерших и «народившихся» крестьян лишается интерпретационной неоднозначности (…what good are they as yet? *they are all too young* [1, с. 199]). Таким образом, надежда на ее возрождение исчезает окончательно.

Ноздрев в аспекте временных отношений стоит несколько особняком, безудержной ложью с равной свободой конструируя и настоящее, и прошлое, и будущее и в результате в полной мере не имея ни первого, ни второго, ни третьего. Вся его жизнь словно сведена к моменту: он безрассуден, порывист («Дружбу заведут, кажется, навек; но всегда почти так случается, что *подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке*» [6, с. 67]; «Если ему на ярмарке посчастливилось напасть на простака и обыграть его, он накупал кучу всего… *почти в тот же день спускалось оно все другому*…» [6, с. 69]), забывчив и отходчив: «Чем кто ближе с ним сходился, тому он скорее всех насаливал… если случай приводил его опять встретиться с вами, он *обходился вновь по-дружески*» [6, с. 69]. Полностью исключить прошлое из его образа тем не менее не было бы справедливо. Прежде всего, его прошлое отчасти описано: известно, что он был женат, но овдовел, через категорию «разбитных малых» кратко и обобщенно упоминаются и его школьные годы. Однако здесь же эксплицируется его неспособность к изменению: «Ноздрев в тридцать пять лет *был таков же совершенно*, каким был в осьмнадцать и в двадцать: охотник погулять. *Женитьба его ничуть не переменила*…» [6, с. 67]; обрывки прошлого лишь подчеркивают его онтологическую сиюминутность. Тем не менее существует и альтернативное прошлое его рассказов: от преувеличений на основе реальных событий (рассказ о ярмарке) до полностью воображенных эпизодов (детство с Чичиковым, участие в подготовке увоза губернаторской дочери и т. д.), имеющее в его глазах, очевидно, большее значение, нежели подлинное. Неоднородность и недолговечность его версий, однако, открывают в нем порождение настоящего: каждый раз Ноздрев создает прошлое, нужное ему *сейчас*; в другую секунду эта версия без труда сменяется новой. Таким образом он сам лишает себя возможности «прорыва»: прорываться ему просто некуда.

В Home Life in Russia основные характеристики Ноздрева, в том числе и темпоральные, сохраняются. Его история передается последовательно точно, фиксируется и его неспособность меняться: Nosdrieff, at thirty-five years of age, *was in all these talents as accomplished as he was when only eighteen or twenty*; exceedingly fond of dissipation. His marriage did not in the least interfere with his pleasures, *nor change him* [1, с. 250]. Интересно, однако, что вневременная по своей сути характеристика «разбитной малый» [6, с. 70] превращается в man who have cut his eye teeth [1, с. 250], обозначающую человека, приобретшего жизненный или профессиональный опыт с ранних лет или за долгое время [13] – в обоих случаях значимо прошлое. Тем не менее дальнейшим текстом она не подкрепляется и представляется использованной ошибочно.

Как в оригинале, так и в английской версии и реальная жизнь Ноздрева протекает более бурно, *живо*, нежели жизни других помещиков. Неслучайной представляется и легкость, с которой он использует как обращение слово «душа» («…поцелуй меня, *душа*, смерть люблю тебя!» [6, с. 63]; «Ну, *душа*, вот это так!» [6, с. 66]; «Позволь, *душа*, я тебе влеплю один безе» [6, с. 161]). Более того, именно Ноздрев единственный из всех помещиков не продает Чичикову мертвых душ. К тому же уже сама семантика его фамилии намекает на некоторую одухотворенность, наличие в нем, пусть и в самых глубинах, живой души [14, с. 36]. Ничто из этого, однако, не способно доказать ее наличия: так, обращение «душа» может свидетельствовать и об обесценивании понятия (неспроста в отталкивающем большинство героев сочетании «мертвые души» он, скорее, напротив, находит особое наслаждение), отказ от сделки может объясняться его упрямством, любопытством и горячностью, бурная жизнь не требует душевных движений, а фамилия может быть прочитана иронично. Тем не менее позитивная трактовка остается правомочной: *гипотетически* возможность будущего возрождения заключена и в Ноздреве.

В английском же варианте и она размывается: транслитерированная фамилия утрачивает «дышащую» семантику, из обращений «душа» сохраняется только одно (Ah, my soul, that is right! [1, с. 246]), а бурность жизни наряду со способностью увлеченно и искренне лгать рассматривается исключительно в социальном аспекте: *The Nosdrieffs are an exceptional class*, whose type is peculiar to a half-civilization where a blow is accounted as no disgrace, and 'giving the lie' imparts no stigma [1]. Наиболее вероятной причиной отказа от продажи мертвых в этом свете действительно представляется простое упрямство. Итак, Ноздрев в Home Life in Russia лишается всякой надежды на будущее возрождение, навечно закрепляясь в своем призрачном настоящем.

Собакевич, как до него Коробочка, тесно связан с категорией прошлого. Настоящее совсем не близко ему, в нем нет ничего – и никого – хорошего: «Я их знаю всех: это *все мошенники; весь город* там такой» [6, с. 92]. Однако Чичиков, воплощение настоящего, ему очевидно симпатичен, и сам помещик в эпизоде торга демонстрирует свою бесспорную к этому времени принадлежность. Неслучайно отсутствие в нем души проговорено прямо: «*Казалось, в этом теле совсем не было души*, или она у него была, но *вовсе не там, где следует*…» [6, с. 96]. Однако и это отсутствие неполное («казалось» не было, «была, но вовсе не там, где следует»), а значит, душа в нем все же есть – в том или ином виде. Он и сам намекает на это, но, парадоксально, лишь в физиологичном контексте: «Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует» [6, с. 94]. Интересно, что к супруге Собакевич обращается не иначе как «душа» или «душенька», что, впрочем, можно трактовать и как дополнительное подтверждение гипотезы нарратора о душе вне тела, и как вербализацию ощущения ее отсутствия, некое восполнение потребности в ней. Примат настоящего при важности прошлого подчеркнут и картинами в его доме: «На картинах все были молодцы, все греческие полководцы, гравированные во весь рост… <…> Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках» [6, с. 90] – крепкие современники соединяются с физически менее одаренным героем прошлого, антонимично воссоздавая картину мира Собакевича. Стремление к крепости, цельности быта в этом контексте представляется своеобразной попыткой удержаться за прошлое, соответствуя его высоким стандартам среди всеобщего хаоса и распада. Отчасти соответствует им и сам Собакевич, не способный к трансформации: «…*ты все был бы тот же*, хотя бы даже воспитали тебя по моде… <…> Нет, *кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь*!» [6, с. 101].

Будущее в результате совершенно ускользает от Собакевича. Описывая умерших крестьян, он словно оживляет их в своем сознании, и особенно значимым представляется *смешение* времен глаголов: «Милушкин, кирпичник! *мог* поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом *кольнет*, то и сапоги… А Еремей Сорокоплехин! да этот мужик один *станет* за всех, в Москве *торговал*, одного оброку *приносил* по пятисот рублей» [6, с. 97]. Отчасти напоминая в этом Коробочку, Собакевич стремится продлить свое светлое прошлое, словно прозревая в настоящем ту же проблему, которую ставит перед собой и читателем автор, но трактуя ее с привычной практической точки зрения: «…впрочем, и то сказать: что из этих людей, которые *числятся теперь живущими*? Что это за люди? *мухи, а не люди*» [6, с. 98] – в настоящем Собакевича люди не просто плохи, их словно и вовсе нет (даже «единственный порядочный человек», прокурор, не человек, а свинья [6, с. 92]), они не живут, но *числятся живущими*. Произнесенное, разумеется, в контексте ревизской сказки выражение представляется справедливым распространить на людей вообще, в частности на самого Собакевича: «Нет, *теперь не те люди*; вот хоть и моя жизнь, *что за жизнь? так как-то себе*…» [6, с. 137]. Подлинная жизнь возможна только в прошлом, настоящее же если не мертво, то мертвенно. Будущее в этой логике может сулить лишь дальнейшее и окончательное разложение: «Вы посудите, Иван Григорьевич: пятый десяток живу, ни разу не был болен <…> *когда-нибудь придется поплатиться за это*» [6, с. 137]. Несмотря на тесную связь с прошлым, Собакевич привязан к настоящему, и указания на наличие и в его теле души не гарантируют ее пробуждения. Как и Манилов, он ограничен собственными конструктами, но, если маниловское будущее едва ли может стать лучше настоящего, будущее Собакевича может стать только хуже. Единственным выходом становится укрепление настоящего и попытка удержаться за прошлое.

В Home Life in Russia прошлое и настоящее Собакевича сохраняют оригинальные коннотации: настоящее так же мрачно, прошлое продолжает служить эталоном (…*they are all great rogues*, the whole town of Smolensk [10, с. 9]; …my late father was *much stronger than I am* <…> No, the *men of our present day are not what they used to be* formerly [10, с. 111]; …what are the people now *reckoned as living*? yes, what are these people? *flies, but not men*! [10, с. 25]). Временная путаница в описании крестьян при этом утрачена, незначительно, но все же сгущая краски темного настоящего Собакевича: оста-

ется только прошедшее время, все хорошее *было* [10, с. 24]. Неудивителен в связи с этим и его сохранившийся страх перед будущим (Some fine day will dawn when *I shall have, no doubt, to pay dearly for this*, my present state of health and life [10, с. 111]). В торге с Чичиковым, симпатии к нему, в деталях, демонстрирующих крепкую, неуклюжую, но стабильную природу Собакевича, по большей части сохранившихся в романе, читается его безусловная принадлежность к настоящему без надежды на принципиально иное будущее. Несмотря на то что и здесь отсутствие души в нем заявлено *кажущимся* (*It seemed as if* this body had no soul, or *as if it was not at all where it ought to have been* [10, с. 19]), прочие ее упоминания не сохраняются вовсе. Привязанный к настоящему уже в оригинале Собакевич здесь практически не меняется. Одним из немногих он сохраняет прямое указание на возможность пробуждения души, будущего, однако его закрепленность в настоящем и стремление к прошлому не позволяют увидеть в этом полноценной авторской позитивной программы.

Настоящее **Плюшкина**, пожалуй, наилучшим образом соответствует общей статичности настоящего в поэме. Почти утративший человеческий облик, ставший «прорехой на человечестве» Плюшкин окружен вещами неживыми и потому почти неподвижными во времени, к тому же происходящими из разных моментов в прошлом: очевидно, старинная книга и высохший лимон не могут брать начало в одной временной точке, также и жидкость в рюмке не может сохраняться двадцать лет, что более вероятно в случае зубочистки, и т. д. [6, с. 108]. Неспроста полстены в его комнате принадлежит натюрморту, по определению как бы останавливающему мгновение и растягивающему его в бесконечность [15, с. 25–28]. Картина, однако же, вместе с кучей на полу комнаты исчезает из английского текста, как и колпак – единственное свидетельство обитания в комнате «живого существа» [6, с. 109]. Опущено и описание дома и деревни – картина полного упадка, соединение прошлого и настоящего без намека на будущее [6, с. 105–106]. Основная характеристика этого пространства – старость, и не опрятная, старомодная, «живая», как у Коробочки, но темная, мертвенная: «Какую-то особенную *ветхость* заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было *темно и старо*» [6, с. 105]; «…на *темной* крыше, *не везде надежно защищавшей его старость*» [6, с. 106]. И все же *старый* сад за домом Плюшкина словно вдыхает жизнь в повсеместную мертвенность его владений [6, с. 106–107]. Если природа способна исправить «нищенские прорехи» человеческих трудов, то небезнадежна и «прореха на человечестве». Все это, однако, в Home Life in Russia отсутствует, в совокупности со спецификой изображения прошлого героя указывая на незаполнимость его пустоты.

Плюшкин в поэме становится первым персонажем, с прошлым которого повествователь подробно знакомит читателя; второй и последний – Чичиков. Объединяет их также мотив пустоты («оборотничество» и безликость Чичикова и Плюшкин-«прореха на человечестве») и, что представляется более значимым, некий потенциал наполненности, в случае Плюшкина демонстрируемый прежде всего через прошлое. Именно в прошлом он был хорошим хозяином, имел семью [6, с. 112], «был умнейший, богатейший человек» [6, с. 137]; только говоря о прошлом, он демонстрирует «какое-то бледное отражение чувства» [6, с. 119]. Будущего у Плюшкина может и не быть, но как бы он ни был потерян для человечества в настоящем, его прошлое не позволяет полностью выписать его из рода людского, словно ставит на прорехе заплату. По мнению Кривоноса, как антропологический символ Плюшкин выражает онтологическое падение человека [11, с. 27], с чем сложно не согласиться; но если есть падение, была и высота, утратив которую человек остается человеком по природе своей.

Тем временем из Home Life in Russia изложение прошлого Плюшкина, обстоятельства и детали его падения изъяты, и, хотя сам факт сохранен (And to such a degree of meanness and degradation could a well-born man *degenerate! undergo such a change*! [10, с. 64]), без подробностей пути к его положению в настоящем акцент окончательно смещается на последнее. Тем не менее, словно в противовес, отдельные углы в его образе «сглажены»: так, сухое «еще покойница делала» [6, с. 118] в отношении наливки сменяется более эмоционально окрашенным This was distilled by my late and *much lamented wife* [10, с. 57], опущены свидетельства патологического накопительства – образ оказывается менее гротескным, но отнюдь не менее безнадежным. Плюшкин Home Life in Russia, с одной стороны, более «очеловеченный», с другой – более упрощенный, лишен и прошлого, и будущего, и вся его роль сводится к демонстрации пугающей картины полной деградации человека.

Наконец, **Чичиков**, главный герой поэмы, ожидаемо отличается от помещиков, в частности темпорально: он «имеет не только прошедшее, настоящее, но и, что очень важно, будущее время» [8, с. 163]. Именно в будущее устремлены все его действия и помыслы, затмевая для него настоящее, и, в отличие от маниловской, его устремленность деятельна. Чичиков без труда трансформирует как настоящее, примеряя с разными собеседниками разные лица и роли, так и прошлое, перекраивая его в рассказах сообразно ситуации. Такое смелое

управление временем в определенной степени роднит его и с Ноздревым, однако если последний возводит свои конструкты без какой-либо цели, Чичиков добивается *искомого* будущего – благосостояния, способности обрести и обеспечить семью. В будущем – что, впрочем, неизвестно ему, – должно состояться и его духовное возрождение [6, с. 228]. В настоящем же, как и остальные герои, Чичиков, несмотря на постоянные передвижения, субстанциально существует статично: само по себе ни одно из его взаимодействий с помещиками и чиновниками, независимо от успеха, не приводит к глубинным изменениям в нем.

В Home Life in Russia статичность Чичикова в настоящем сохраняется и подчеркивается лишением его будущего. Финал перманентно останавливает не только перемещения героя, но и его жизненный путь, отправляя его в Сибирь: The imperial messenger transmitted to Tchichikoff a document… our hero's countenance changed suddenly; his *eyes became dim,* and his *face as pale as death*. The imperial messenger then *pointed silently* to a *sinister-looking carriage*, called a Siberian kibitka, into which our hero was assisted, *without being able to utter a syllable*, and the next moment *he was a dead man* [10, с. 314]. Чичикова ждет если не физическая, то метафорическая смерть, на что указывает как использованная символика, так и прямое объявление его мертвецом. Не менее красноречива и надпись THE END, завершающая текст романа. В то время как финал первого тома «Мертвых душ» актуализирует надежду на духовное возрождение героя, финал его английской переделки окончательно развенчивает ее.

Как ранее с Плюшкиным, обращение к прошлому Чичикова в последней главе поэмы позволяет противопоставить сложившемуся впечатлению иную, «обратную» перспективу: «герой… словно *вытягивается* по временно́й вертикали и поворачивается разными гранями своего *деформированного* человеческого образа (курсив автора. – *А. С.*)» [11, с. 30], подчеркивая невозможность однозначного определения его сущности, заявляя его антропологическую символичность. В Home Life in Russia прошлое Чичикова переносится в начало (IV–VIII главы первого из двух томов), разрушая оригинальный эффект: такое расположение не создает дополнительной точки обзора. События основного сюжета в настоящем, подчеркнутые отказом от лирических отступлений и измененным финалом, прямо вытекают из прошлого Чичикова, а отцовское наставление spare and gather up all your pence [1, с. 47], ставшее основой его личности, словно сливает прошлое и настоящее, так как герой придерживается его на протяжении *всей* жизни и встает в один ряд с остальными мертвенно статичными персонажами романа.

Заключение

Итак, в Home Life in Russia идея о потенциале возрождения души в каждом человеке отходит на второй план, возводя в абсолют плачевное настоящее российского общества. Автор словно запечатывает героев в нем, трансформируя или и вовсе опуская способы изображения их прошлого и будущего, редуцирует их до образа, в котором они существуют в настоящем. Каждый из них в результате представляет собой целостную, завершенную картину в галерее нравов, представленной вниманию английского читателя.

Список источников

1. Home Life in Russia. London: Hurst and Blackett, 1854. Vol. 1. 308 p.
2. Lefevre C. Gogol and Anglo-Russian Literary Relations during the Crimean War // American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8, № 2. P. 106–125.
3. Нестеренко О. В. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» в англоязычных переводах XIX–XXI вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2010. 23 с.
4. Athenaeum. 2 December 1854. P. 1454–1455.
5. Ланн Е. Л. Литературная мистификация. Л.: Гос. изд-во, 1930. 233 с.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем. М.: Наука, 2012. Т. 7–1. 808 с.
7. Кривонос В. Ш. Временная структура поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 237–255.
8. Беспрозванный В., Пермяков Е. Из комментариев к первому тому «Мертвых душ» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994. Т. 1. С. 156–177.
9. Вайскопф М. Время и вечность в поэтике Гоголя // Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 234–254.
10. Home Life in Russia. London: Hurst and Blackett, 1854. Vol. 2. 314 p.
11. Кривонос В. Ш. «Мертвые души» Гоголя: изображение человека // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 1. С. 24–31.

12. Čuveleva N. Мертва ли душа Манилова? (попытка интерпретации образа Манилова в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души») // N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase: (studie o živém dědictví). Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 95–102.
13. Cut one's eyeteeth // Farlex Dictionary of Idioms. URL: https://idioms.thefreedictionary.com/cut+one%27s+eyeteeth (accessed: 07.05.2023).
14. Савинова А. Г. Натурфилософский код в поэтике художественного мира Н. В. Гоголя: всеобъемлющее дыхание // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 34–38.
15. Подорога В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. М.: Культурная революция; Логос, Logos-altera, 2006. Т. I. 688 с.

References

1. *Home Life in Russia*. Vol. 1. London, Hurst and Blackett, 1854. 308 p.
2. Lefevre C. Gogol and Anglo-Russian Literary Relations during the Crimean War. *American Slavic and East European Review*, 1949, no. 2 (8), pp. 106–125.
3. Nesterenko O. V. *Poema N. V. Gogolya "Myortvyye dushi" v angloyazychnykh perevodakh XIX–XXI vv. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [N. V. Gogol's poem Dead Souls in English translations of the 19th – 21st centuries. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2010. 23 p. (in Russian).
4. Athenaeum. 2 December 1854. P. 1454–1455.
5. Lann E. L. *Literaturnaya mistifikatsiya* [Literary Mystification]. Leningrad, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1930. 233 p. (in Russian).
6. Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Volume 7–1. Moscow, Nauka Publ., 2012. 808 p. (in Russian).
7. Krivonos V. Sh. Vremennaya struktura poemy N. V. Gogolya "Myortvyye dushi" [Temporal structure of Nikolai Gogol's Dead Souls]. *Romantizm vs realizm: paradigmy khudozhestvennosti, avtorskiye strategii* [Romanticism vs Realism: Artistic Paradigms, Author's Strategies]. Ekaterinburg, Ural university Publ., 2011. Pp. 237–255 (in Russian).
8. Besprozvannyy V., Permyakov E. Iz kommentariyev k pervomu tomu "Mertvykh dush" [From the commentary to the first volume of Dead Souls]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedeniye* [Works on Russian and Slavic Philology. Literary studies]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994. V. 1. Pp. 156–177 (in Russian).
9. Vayskopf M. Vremya i vechnost' v poetike Gogolya [Time and Eternity in Gogol's Poetics]. *Ptitsa troyka i kolesnitsa dushi: Raboty 1978–2003 godov* [Troika Bird and the Chariot of the Soul: Works of 1978–2003]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2003. Pp. 234–254 (in Russian).
10. *Home Life in Russia*. Vol. 2. London, Hurst and Blackett, 1854. 314 p.
11. Krivonos V. Sh. "Myortvyye dushi" Gogolya: izobrazheniye cheloveka [Dead souls of Gogol: the image of a person]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2012, no. 1 (71), pp. 24–31 (in Russian).
12. Čuveleva N. Mertva li dusha Manilova? (popytka interpretatsii obraza Manilova v poeme N. V. Gogolya "Myortvyye dushi") [Is Manilov's soul dead?: (an attempt to interpret the image of Manilov in N. V. Gogol's poem Dead Souls)]. *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a* čase*: (studie o* živém *dědictví)*. Brno, Masarykova univerzita, 2015. Pp. 95–102 (in Russian).
13. Cut one's eyeteeth. *Farlex Dictionary of Idioms*. URL: https://idioms.thefreedictionary.com/cut+one%27s+eyeteeth (accessed 7 May 2023).
14. Savinova A. G. Naturfilosofskiy kod v poetike khudozhestvennogo mira N. V. Gogolya: vseob"yemlyushcheye dykhaniye [Natural philosophy code in N. V. Gogol's poetics: universal breathing]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2010, no. 1, pp. 34–38 (in Russian).
15. Podoroga V. A. *Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury* [Mimesis. Materials on the analytical anthropology of literature]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya; Logos, Logos-altera Publ., 2006. V. I. 688 p. (in Russian).

Информация об авторе

Сердюк А. М., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: am.serdyuk@mail.tsu.ru

Information about the authors

Serdyuk A. M., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: am.serdyuk@mail.tsu.ru

Статья поступила в редакцию 31.08.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 31.08.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 123–131.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 123–131.

УДК 821.161.1-92
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-123-131

Предчувствие национальной катастрофы в публицистике и эго-документах Л. Андреева 1917–1919 гг.

Валентин Викторович Юмашев[1], Марина Альбертовна Хатямова[2]

[1, 2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] sluaa@mail.ru
[2] khatyamovama@mail.ru

Аннотация

Тема Гражданской войны в России находится под пристальным вниманием историков и философов; национальной катастрофе в судьбе страны посвящены многочисленные художественные произведения писателей разных мировоззренческих и эстетических представлений. Несмотря на то что публицистика Гражданской войны огромна, особый и менее исследованный пласт в ней составляют статьи и эго-документы писателей. Предметом настоящего исследования является осмысление Л. Андреевым важнейших событий – революций 1917 г. и Гражданской войны в России. Публицистические статьи писателя, публиковавшиеся в эсеровской газете «Русская воля» (1917–1919 гг.), дают возможность проследить эволюцию его восприятия ключевых событий в истории России XX в. В статьях первой половины 1917 г. Л. Андреев выражает вдохновение событиями Февральской революции и стремится передать это состояние читателям. С изменением политической ситуации в России к середине 1917 г. меняется и тон статей писателя. Андреев опасается возможной гибели России из-за изменения вектора развития революции, поэтому прибегает в своих статьях к борьбе словом – убеждениям, призывам и лозунгам, чтобы побудить своих читателей к продолжению борьбы за свободу страны. К сожалению, мы можем говорить лишь о предвидении писателем будущей трагедии в истории страны, так как жизнь Л. Андреева оборвалась в 1919 г., когда Гражданская война уже шла на территории России, но носила локальный характер, а главные события 1919–1920 гг. были еще впереди. Однако эволюция взглядов Леонида Андреева, авторитетного писателя, ставшего символом революции 1905 г., окажется близкой многим представителям творческой и научной интеллигенции в России. Как показало исследование, в своих статьях 1917–1919 гг. Андреев прозорливо предвидел и эмоционально-страстно стремился предотвратить наступление братоубийственной войны.

Ключевые слова: *Л. Андреев, публицистика, «Русская воля», Первая мировая война, революция, Гражданская война*

Для цитирования: Юмашев В. В., Хатямова М. А. Предчувствие национальной катастрофы в публицистике и эго-документах Л. Андреева 1917–1919 гг. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 123–131. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-123-131

Premonition of the Civil War in the journalism of L. Andreev

Valentin V. Yumashev[1], Marina A. Khatyamova[2]

[1, 2] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] sluaa@mail.ru
[2] khatyamovama@mail.ru

Abstract

The comprehension of the lessons and consequences of the Civil War in Russia is under the close attention of historians and philosophers; numerous works of fiction by writers of different ideological and aesthetic ideas are devoted to the national catastrophe in the fate of the country. Despite the fact that the journalism of the Civil War is huge, a special and less researched layer in it consists of articles and egodocuments of writers. The subject of this research is L. Andreev's comprehension of the most important events – the revolutions of 1917 and the Civil War in Russia. The writer's journalistic articles published in the Socialist-Revolutionary newspaper "Russian Will" (1917–1919) make it possible to trace the evolution of his perception of key events in the history of Russia of the twentieth century. In the articles of the first half of 1917, L. Andreev is inspired by the events of the February Revolution and seeks to convey this state to readers. With the change in the political situation in Russia by the middle of 1917, the tone of the writer's articles also changed. Andreev fears the possible death of Russia due to a change in the vector of development of the revolution, so he resorts in his articles to the struggle of the word – beliefs, appeals and slogans to encourage his readers to continue the struggle for

© В. В. Юмашев, М. А. Хатямова, 2024

the freedom of the country. The death of the writer in 1919, when the Civil War was already underway on the territory of Russia, but was of a local nature, and the main events of 1919–1920 were still ahead, allows us to speak only about the writer's foresight of the future tragedy in the history of the country. However, the evolution of the views of Leonid Andreev, an authoritative writer who became a symbol of the 1905 revolution, will be close to many representatives of the creative and scientific intelligentsia in Russia. As the study showed, in their articles of 1917–1919 Andreev foresaw and emotionally and passionately sought to prevent the onset of fratricidal war.

Keywords: *L. Andreev, journalism, newspaper "Russian will", First World War, revolution, Civil War*

For citation: Yumashev V. V., Khatyamova M. A. Predchuvstviye natsional'noy katastrofy v publitsistike i egodokumentakh L. Andreyeva 1917–1919 gg. [Premonition of the Civil War in the journalism of L. Andreev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 1 (231), pp. 123–131 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-123-131

Введение

Гражданская война – это крайняя форма решения назревших в обществе проблем, которая характеризуется борьбой двух и более противоборствующих группировок внутри страны. Гражданская война в России имела ряд особенностей. Во-первых, она началась в условиях революционных событий, которые происходили в 1917 г., и стала ее прямым следствием. Во-вторых, она сопровождалась иностранной интервенцией государств, некогда являвшихся союзниками России в Первой мировой войне. И наконец, она привела общество России к такому расколу, что определенная ее часть не смогла смириться с произошедшим и была вынуждена навсегда покинуть Родину. В связи с этим сложно переоценить влияние Гражданской войны на развитие Российского государства и на духовно-нравственное состояние общества. Изучение реакции литературных кругов на события 1917 г. и Гражданскую войну в России актуально и сегодня, так как процесс исторического развития является непрерывным и взаимосвязанным, а отражение событий в публицистике важно при изучении духовно-нравственных изменений общества России в начале XX в.

В данной статье рассматривается эволюция взглядов Леонида Андреева на важнейшие события истории России 1917–1919 гг., что может быть использовано при изучении историко-литературных связей, исторического, духовного и нравственного развития общества России в начале XX в.

Леонид Николаевич Андреев, представитель Серебряного века русской литературы, был активным участником революционных событий начала XX в. и в своей публицистике (а статьи он начал писать в 1910-х гг.) активно их осмысливал. Как отмечала Л. И. Шишкина, «...она (публицистика. – *В. Ю., М. Х.*) является ведущей для позднего периода литературной деятельности писателя» [1, с. 110]. Смерть Андреева в 1919 г., когда Гражданская война в России только начиналась, не позволяет говорить о полноценной рефлексии писателем ее итогов. Однако исследовать меняющуюся позицию писателя по отношению к происходящему и некоторые его «пророчества» не только возможно, но и необходимо, так как андреевские мысли и сомнения, как и сама позиция писателя по отношению к событиям начинающейся Гражданской войны, высказанные в его поздней публицистике, читаются сегодня как предвидение того, что произойдет позднее. С. М. Заяц в своей статье «Леонид Андреев как темно-светлый лик Серебряного века» отмечает: «Трагическое ощущение конца, грань между бытием и небытием, между быть или не быть человечества превращали голос писателя в истерзанный крик, в вопль в защиту человека и жизни, заставляли его мучительно искать новые, наиболее приемлемые формы отражения современной жизни или, используя старые формы, наполнять их совершенно новым содержанием» [2, с. 185].

Научная новизна статьи состоит в исследовании эволюции восприятия Леонидом Андреевым событий революции и Гражданской войны; смелые и независимые от официальной точки зрения взгляды известного писателя – символа русской революции 1905 г., во многом отражали реакцию творческой интеллигенции на национальную катастрофу в России.

Материал и методы

Публицистические статьи сборников «Перед задачами времени. Политические статьи 1917–1919 годов» [3] и «S.O.S.» [4] относятся к периоду 1917–1919 гг., что является временем как великих революционных потрясений в России, так и периодом начала Гражданской войны. Большая часть статей как раз и посвящена восприятию и переживанию автором происходящих в стране событий. Кроме того, публицистика Л. Андреева дает возможность проследить, как меняется его восприятие революционных и послереволюционных событий.

Исследователь творчества Л. Андреева Л. И. Шишкина в статье «Леонид Андреев и „Русская воля“» справедливо писала: «В публицистике Андреева 1916–1917 гг. нет обобщающей картины событий и рационального объективного анализа. Она захватывает остротой переживания, силой непосредственной авторской эмоции, включением

читателя в логику своих размышлений через приемы ораторской речи: риторические вопросы, рефрены и лейтмотивы, сочетание пафоса и иронии, элементов гротеска, пародии, шаржа» [5, с. 53]. В статьях, которые написаны в начале 1917 г., писатель приветствует Февральскую революцию и падение монархии в России. Однако уже в публицистике второй половины 1917 г. появляется разочарование в самом векторе развития революции, которая, по мнению писателя, повернула не туда.

Методы исследования, использованные в статье: сравнительно-исторический, историко-типологический, биографический.

Результаты и обсуждение

Леонид Андреев с радостью и воодушевлением встречал Февральскую революцию 1917 г. в России. 5 марта 1917 г. в газете «Русская воля» опубликована его статья «Памяти погибших за свободу», в которой речь идет о том, что те жертвы Февраля 1917 г. не будут напрасными, так как они были принесены во благо, и все испытания в итоге должны закончиться настоящей свободой для России.

Леонид Андреев начинает статью с мысли о воскресении России, которое стало возможным именно благодаря людям, боровшимся против царского режима, и именно им принадлежат те великие дни, которые сейчас идут в России. Чтобы донести эту мысль до читателя и побудить его к сопереживанию, автор использует высокий пафос и риторические повторы: «О, сколько их! Сколько их! Сколько безвестных могил, сколько трупов, сколько страданий оставил позади себя Николай Романов!» [3. с, 16]. Именно кровь замученных позволила свергнуть Романовых. В данной статье нет и намека на возможность Гражданской войны в России. Напротив, говорится о том, что страна начинает воскресать и это вселяет надежду на лучшее. Андреев обращается здесь ко всем гражданам России не только для того, чтобы отдать должное проявившим мужество и решительность в ходе Февральской революции, но и побудить всех к продолжению борьбы.

Февральская революция в России во многом произошла внезапно. Силы, которые участвовали в свержении дома Романовых, были неоднородны. Но что это были за силы и какова их роль? Об этом Андреев пишет в своей статье «Путь красных знамен», которая вышла 8 марта 1917 г. в четвертом номере газеты «Русская воля».

По мнению писателя, решающую роль в победе над самодержавием в России сыграла ее армия, которая уже не была покорной силой, безоговорочно подчиняющейся царю. Армия изменилась: по сути, теперь это не что иное, как русский народ, только вооруженный, превратившийся в силу, которая смела монархию: «и когда наступил неизбежный момент прямого и открытого столкновения Романова с Россией – пушка, это “ultimaratiorégis” (как до сих пор пишет Вильгельм на своих орудиях), оказалась в распоряжении народа, а Романов немедленно превратился в одинокого, бессильного и жалкого человека» [3, с. 18]. Однако борьба на этом не заканчивается: русскому вооруженному народу предстоит борьба как внутри страны, так и за ее пределами.

Писатель понимает, что революция, как и война, – это период разрушений и гибели людей, однако обращает на себя внимание выражение «счастливый русский народ»: счастье для автора не в свержении монархии, а в том, что дает это свержение в будущем, причем не только России, но и всему миру.

Революция как событие исторического масштаба дает населению новые права, но и накладывает определенные обязательства. Русский народ, по мнению Андреева, не может остановиться на достигнутом именно из-за тех обязательств, которые теперь возложены на него, – приход мировой революции: «И обязывает она к тому, чтобы добытая свобода не осталась личным достоянием того или иного народа, а была широко вынесена в мир и братски поделена между народами» [3, с. 26]. С целью побудить читателя понять и принять его точку зрения автор использует в своей статье призывы: «Стройте деревянные бараки – они нужны для временно вооруженных и воюющих граждан» [3, с. 30], «По всему фронту, обращенному к немцам, широко разверните красные победные знамена: пусть знает отныне всякий стреляющий германец, что стреляет он – в свободу! И под священным знаком красных знамен несите [мир] и свободу порабощенным народам!» [3, с. 30]. Статья не случайно заканчивается именно призывами. Они должны окончательно убедить читающего в необходимости дальнейшей борьбы, необходимости переноса революции в Европу, и только вскользь говорится о «периоде междувластия, когда с сокрушительной силою будут сталкиваться различные политические течения…» [3, с. 19], т. е. о начинающейся борьбе внутри самой России.

В статье «Путь красных знамен» Леонид Андреев утверждает, что в ходе Февральской революции 1917 г. в России сформировалась движущая сила – вооруженный русский народ. Однако силу всегда нужно направлять на достижение целей, и немалая роль в этом принадлежит правительству.

28 марта 1917 г. выходит объемная статья Леонида Андреева «Цели войны и задачи Временного правительства», посвященная тому, какие конечные цели видит писатель в войне, которую ведет Россия, и что должно сделать Временное прави-

тельство для достижения этих целей. Война и революция, по мнению Л. Андреева, вещи взаимосвязанные. Война привела к революции в России, а русская революция должна распространиться на Европу и весь мир. Несмотря на то что революция готовилась давно, для многих она оказалась неожиданной, и люди не поняли истинного смысла войны, который заключается в переходном состоянии между старым и новым. Более того, монархия своими действиями только приближала революцию – «царское (правительство – *В. Ю., М. Х.*) окажется совершенно бессильным справиться с задачами войны (даже предполагая, что и хотело бы победы) и естественно, путем революции, передаст власть свою народу» [3, с. 33]. Почему же царское правительство не справилось с войной? Потому что бесконечно лгало собственному народу, отвечает Андреев. В итоге у царя и народа наметились разные цели в войне: царь стремился к захвату территорий, а народ – к победе. Поэтому именно война и стала тем учителем, который «объяснил» народу необходимость революции: «Поистине трудно учесть ту колоссальную психологическую и общественную работу, что произвела война во всем русском народе, работу, которая так подготовила его к блестящей бескровной революции» [3, с. 40]. По мнению Андреева, именно сейчас, когда монархия в России свергнута, у народа появились ресурсы для окончательной победы в войне. Раньше их не было, так как народ вел войну на два фронта: внутренний фронт – против самодержавия, внешний фронт – против Германии. Победа над монархией давала возможность победить в войне. Сама революция произошла во имя войны: «И когда свершилась наконец революция, то произошла она не только по причине войны, а и во имя войны – это следует серьезно понять нашим антиобороновцам, берущим ныне на себя неблагодарную задачу: продолжать дело Николая II. Да, во имя войны» [3, с. 36]. Неоднократное повторение этого тезиса говорит о безоговорочной вере автора и его стремлении убедить читателя в своей правоте.

В критике неоднократно высказывалось мнение о милитаристской позиции Л. Андреева в отношении поддержки участия России в Первой мировой войне. Однако изучение статей писателя обнаруживает его, возможно, романтическую, но искреннюю веру в то, что война – это способ распространения революции и свободы: как в России война привела к освобождению от гнета монархии, так и в Европе должна помочь приходу революции. Ослабленная Германия и ее союзники должны проиграть, чтобы дать дорогу очищающей силе революции: «Только война, родящая во всяком здоровом народе волю к победе, – что бы ни кричали пораженцы – могла одарить и революцию этим стремлением к завоеваниям и победе: нам мало свободы для самих себя – мы хотим, чтобы свобода была победоносною для всего мира; для нашей свободы мало России – пусть она завоевывает мир!» [3, с. 35]. «Русская воля», в которой публиковались статьи Андреева, также придерживалась позиции продолжения войны до победного конца. Это отмечает Л. И. Шишкина: «Даже после потрясших Россию событий Февраля „Русская воля“ продолжает поддерживать политику „войны до победного конца“, из номера в номер повторяя призывы: „на фронт!“, „нет спасения вне победы!“» [6, с. 178].

Определив цели в войне, Леонид Андреев говорит и о задачах Временного правительства для достижений данных целей. Во-первых, оно обязано услышать народ; во-вторых, Временное правительство не должно позволить вновь сформироваться двум фронтам. Речь идет о возможности появления внутреннего фронта в лице Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. И наконец, правительство всегда должно говорить народу правду. Автор усиливает свою речь лозунгами и призывами: «…все для войны, все для свободы, все для победы!» [3, с. 40].

Итак, если Временное правительство справится со своими задачами, то наступит победа. В чем же заключается победа? Андреев эмоционально утверждает, что «это – спасение родины, освобождение Польши и других народностей и государств, поскольку они томятся германо-турецкой властью и взывают о спасении, – восстановление независимой Бельгии, Сербии, Румынии и уничтожение германского милитаризма» [3, с. 44]. Одержав победу, Россия навсегда смоет с себя позор монархизма. К этому надо стремиться, пусть даже и введением всеобщей трудовой повинности, на которую народ согласится, уверен Андреев. Завершая свою статью сильными призывами («Россия! Только в борьбе и труде обретешь ты право свое!» [3, с. 47]), автор вновь демонстрирует свою уверенность в духовной силе русского народа.

«Цели войны и задачи Временного правительства» – это первая статья, в которой Леонид Андреев упоминает две политические силы, сформировавшиеся в ходе Февральской революции. Нельзя сказать, что он отдает предпочтение какой-либо из них. Он с недоверием относится к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов и не до конца уверен в способностях Временного правительства справиться с насущными задачами. Отсюда и особенный эмоциональный тон статьи. За лозунгами и призывами писателя скрывается страх, что достижения революции пропадут понапрасну, если цели войны не будут достигнуты. Поэтому он настойчиво призывает Временное правительство не допустить ошибок монархии, а народ – не опускать руки.

Методы, которые использует власть в своей деятельности, бывают разные, и царский режим, по мнению Леонида Андреева, использовал далеко не мирные методы. В своей статье «Убийцы и судьи» он поднимает проблему отмены смертной казни, причем это приводит к внутренним сомнениям автора.

Отмену смертной казни ожидало все российское общество. Можно сказать, что идеи свободы, которым был привержен Леонид Андреев, были несовместимы с признанием такой меры наказания. Тогда почему же автор так неоднозначно относится к данной новости? «Со смутной душой, – пишет Андреев, – с неясным сопротивлением мысли принял я первые слухи об отмене смертной казни» [3, с. 48]. Может сложиться впечатление, что сама позиция автора в отношении смертной казни поменялась, чего не происходит. Речь идет лишь о моменте: писатель выражает опасение, что решение принимается несвоевременно, ибо могут избежать наказания те лица, которые сами использовали смертную казнь, – бывшие приверженцы монархии и сам Николай II. Постоянно повторяющиеся риторические вопросы ярко иллюстрируют сильные внутренние переживания автора: «И их помиловать? – спрашивает он. – И с них начать отмену смертной казни?» [3, с. 49], «Им – душевный покой? Им – радость?!» [3, с. 53]. В итоге же автор приходит к выводу, что человеческая кровь свята, и неважно, чья она. Более того, смертная казнь Николая II может сыграть на руку противникам революции и свободы, может превратить Николая в мученика, что было бы нежелательно. Но как же воздаяние за грехи или возмездие? Оно наступит, считает Андреев: «Они – люди, и их жизнь коротка перед бессмертною жизнью народа» [3, с. 60]. Идеи Леонида Андреева о недопустимости смертной казни совершенно не означали, что он стал по-другому относиться к монархической власти или лично к Николаю II: «Мне не жаль Николая II, я когда-то слишком ненавидел его, чтобы прийти к иному чувству. Бездарный и бессильный, очень мало преступный, злой неудачник…» [7, с. 195].

Если первые статьи Андреева были наполнены радостным возбуждением, лозунгами и призывами к революционному народу, то данная статья свидетельствует о тревоге и противоречиях в сознании писателя по поводу происходящего в стране, что сопровождается появившимися внутренними противоречиями.

Апрель 1917 г. в России ознаменовался первым кризисом Временного правительства, пошатнувшим его положение в управлении государством до созыва Учредительного собрания. Разумеется, Андреев, который поддерживал деятельность Временного правительства, откликнулся на это сразу двумя статьями: «Призыв» и «Победа разума», которые вышли 22 апреля 1917 г.

Андреев обращается к читателям с яркой речью, призывая сохранить достижения Февральской революции, идею свободы: «Граждане! Манифестируйте! Манифестируйте! Ищите единомышленников, собирайтесь в толпы и идите на улицы, высоко неся красные знамена с начертанными словами, что бы ни означали последние. Это прекрасное право дала вам свобода!» [3, с. 61]. Свободе, которой может и должен пользоваться каждый гражданин России, по мнению Андреева, угрожает опасность, и сейчас важно не бояться, не уходить в подполье, так как это грозит возвращением рабства: «Подполье это – тьма и рабство. Нынешний день – это солнечный день и свобода» [3, с. 62].

В небольшой статье «Победа разума» автор называет кризисные явления апреля 1917 г. испытанием («С великой честью и достоинством вышла молодая русская демократия из тяжкого испытания…» [3, с. 68]) и констатирует, что Россия успешно это испытание прошла, используя антитезы: «Это победа разума над безумием, это победа воли над безвольем, это победа здоровья и силы над хилостью и болезнью» [3, с. 67–68]. Леонид Андреев по-прежнему остается сторонником Временного правительства.

Проанализированные статьи свидетельствуют о восторженном восприятии Леонидом Андреевым Февральской революции. В них он приветствует то, что дала России Февральская революция: свержение монархии и свободу. По словам Л. И. Шишкиной, «писатель выражает уверенность, что революция выведет Россию из провинциального феодально-крепостнического захолустья и превратит в страну, указывающую путь современной Европе» [5, с. 13]. Для Андреева важно, чтобы достижения революции не пропали, а, наоборот, получили свое развитие не только в России, но и за ее пределами. Достижение этого стало возможным благодаря победе над Германией. Призывая к разгрому Германии, Андреев выступает не как ярый милитарист, а как человек, убежденный в том, что, одержав победу в войне, Россия принесет другим странам революцию и свободу. Этим объясняется проходящая через ряд статей идея о поддержке Временного правительства, которое в первые месяцы своего существования объявило о продолжении войны до победного конца. Андреев не считает, что Апрельский кризис – это проявление кризиса революции: «Вы не жертвы революции, вы – жертвы безумия…» [3, с. 66]. Такое отношение можно объяснить именно близостью шагов Временного правительства убеждениям писателя. Все его статьи первых двух месяцев после Февральской революции экспрессивно говорят о вере автора как в победу

в войне, так и в наступление революции в Европе и мире. С целью донести свои идеи до масс он использует лозунги, призывы, риторические вопросы и другие поэтические средства воздействия на читателей в своей публицистике, выражая мысли крайне экспрессивно. В первых статьях нет и намека на возможную Гражданскую войну в России. Писатель соглашается, что страна проходит через сложности, но еще не видит в них оснований для скатывания страны в братоубийственную войну. Он уверен, что противоречия будут преодолены, и вооруженный *единый* (курсив наш. – *В. Ю., М. Х.*) русский народ подарит свободу Европе и миру.

30 апреля 1917 г. выходит статья Л. Андреева «Гибель». Она кардинально отличается от всех предыдущих как содержанием, так и формой, тональностью, открывая целую линию статей, в которых автор меняет отношение к революционным событиям, происходящим в стране. Здесь он открыто говорит о стране, которая идет к своему краху, причем руководствуется сухими фактами. Л. И. Шишкина в статье «Перед уроками времени: политическая публицистика Леонида Андреева» отмечает: «Узрев в начале революционных событий светлый лик освобожденного народа, Андреев очень скоро прозрел в нем звериный оскал толпы» [8, с. 20]. Статья пронизана душевными переживаниями и опасениями автора, который в первую очередь думает о России и не отделяет свою судьбу от судьбы страны. В этот период основные политические силы страны – Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов – предпринимают все меры к тому, чтобы удержаться у власти, втягивая в свое противостояние население. В первую очередь в противостояние втягиваются армия и крестьянство.

Признаками гибнущего государства Андреев называет голод, разложение армии и финансовый крах как следствия противостояния политических сил, которые вызывают у населения недоверие к противнику: «Как ему верить Правительству, когда десятки газет ежедневно твердят: не верьте Милюкову и его товарищам, они империалисты, буржуи, они себе на уме!» [3, с. 72]; «И как народу верить непонятному и загадочному Совету, против которого кричат другие десятки газет, который не то власть, не то нет…» [3, с. 73].

В любой политической борьбе важно, кто на чью сторону встанет. Однако ни крестьянство, которое не может определиться, кому верить, ни армия, которая начинает разлагаться от информации о возможном мире, одну сторону выбрать не могут. Это грозит не только продолжением борьбы внутри страны – враги за ее пределами тоже не дремлют. В то время как внешний враг всеми силами стремится разрушить Россию, армия находится в «кашеобразном» состоянии. Андреев, как приверженец победы в войне, утверждает, что такая армия не способна победить: «Если даже умные большевики, сколько ни объяснял им Плеханов, не в состоянии отличить обороны страны от обороны стратегической, то чего требовать от солдата, искренне убежденного, что стояние на месте и есть оборона? Вы представляете, что из этого получается? Так он стоит и будет стоять, пока не побежит перед стремительным, ураганным, железным натиском германцев» [3, с. 76].

Статью «Гибель» можно считать попыткой Леонида Андреева зафиксировать состояние страны на распутье. Будут ли иметь развитие начинания революции и в каком виде это будет сделано? События, которые происходят в России после февраля 1917 г., показывают, что революционные достижения довольно изменчивы, они могут развернуться в «другую» сторону и вместо свободы привести к гибели государства, чего автор не желает ни России, ни Европе, ни миру: «Утверждают, что революции заразительны, и Церетели в думской речи выразил счастливую уверенность, что наша революция перекинется и на Европу. Я и сам так мечтал еще недавно, а теперь думаю: так ли? Есть зараза и зараза, и кто пожелает заразиться от прокаженного, каким становится в малодушии нашем великая и честная революция?» [3, с. 87].

Если в своих более ранних статьях Леонид Андреев говорил о благе революции для России и мира, то сейчас он впервые использует образы «заразы», «прокаженного». Восторженное восприятие революционных событий начинает уступать место неоднозначному пониманию происходящего, которое порождает сомнения; здесь уже нет лозунгов и призывов.

11 июля 1917 г. выходит статья «К любящим родину». Она стала попыткой автора достучаться до русского человека, который по-прежнему верит в Россию. После сомнений, высказанных в статье «Гибель», писатель словно воспрял духом и снова призывает своего читателя: «Не надо отчаиваться. Все еще может быть спасено. Не надо терять веры в революцию и русский народ» [3, с. 101]. Автор не оставляет попыток использовать силу слова для изменения ситуации, и прежде всего в умах и душах людей. Он вновь использует призывы, лозунги, риторические вопросы. Важно, что и сам автор убежден: все еще можно изменить.

В статье характеризуется политическое положение России после Июньского и Июльского кризисов Временного правительства. Андреев осознает, что в стране не прекращается борьба противостоящих политических сил. В ходе политических демонстраций большевики предприняли попытку взять власть, однако потерпели поражение, и

писатель приходит к выводу, что вскоре большевики исчезнут, а с ними исчезнут и попытки извратить достижения Февральской революции: «И разве вы не замечаете, как быстро тает грозная лавина анархии, большевизма и провокации?» [2, с. 103]; «А еще пройдет недолгое время, и сгинет бесследно последний из них» [2, с. 104]. Однако страна продолжала скатываться в лоно Гражданской войны.

Статья «К тебе, солдат», вышедшая 14 июля 1917 г., является продолжением предыдущей статьи, только на этот раз автор обращается к армии. Статья построена на обращении к солдатам через риторические вопросы: «Солдат! Кем ты был при Николае Втором?» [3, с. 105], «Солдат! Кем ты был в дни революции?» [3, с. 108], «И кем ты стал, солдат?» [3, с. 111]. Это постепенное усиление эмоционального воздействия на читателя повтором риторических вопросов ставит своей целью не пристыдить солдат и армию, а побудить к продолжению борьбы.

К осени 1917 г. разочарование Леонида Андреева в российском правительстве и армии достигает пика. Больше не надеясь на решительные действия Временного правительства и разочаровавшись в армии, он в своих статьях начинает обращаться за помощью к союзникам России по Первой мировой войне – к странам Антанты. В статье «Вопрос» от 10 октября 1917 г. Андреев вопрошает: «А где у нас солдаты? Их сейчас нет. Это нужно сказать прямо» [3, с. 143]. Автор обращается к союзникам с простым вопросом: «Нет ли какой-нибудь возможности оказать нам немедленную помощь?» [3, с. 141]. Чтобы убедить союзников в необходимости неотложной помощи и побудить их к действиям («Надо твердо сказать, что положение наше, действительно, отчаянное» [3, с. 148]), автор использует яркие, экспрессивные сравнения гибнущей страны с больным, бьющимся в агонии человеком: «Россия в жару, у нее температура сорок, она мечется дико на своем кроваво-красном ложе» [3, с. 145]. В итоге писатель с горечью признается: «Нет, это не требование: это только просьба, лишь указание на опасность, в которой мы находимся» [3, с. 150].

В статье «Вопрос» автор уже видит Гражданскую войну в России, рисует ее страшные реалии. Если союзники не помогут, то «будут вопли малодушных, будут страшные дни, – это верно, такие страшные дни, что проклянем детей и стариков как несносную обузу, замедляющую бегство; и еще, и еще прольется братская кровь, и кто-то совершит неслыханное предательство в отчем дому, и вылезет все зверье, еще таящееся в норах…» [3, с. 151]. Страна постепенно скатывается к братоубийственной войне, и помощь союзников, по мнению Леонида Андреева, еще может это предотвратить.

В конце октября в России произошла Октябрьская революция. В российской исторической рефлексии она является отправной точкой Гражданской войны. В это время еще не ведется активных боевых действий, но будущие соперники формируют силы для них.

6 февраля 1918 г., под влиянием новости о приглашении большевиков на Принцевы острова для разрешения военного конфликта, Андреев пишет последнюю полную статью, обращенную к политикам Европы, – «S.O.S.». В ней уже не просьбы, а требования, четкий сигнал союзникам, предостерегающий от политики договора с большевиками. Большевики довели страну до Гражданской войны, уверяет писатель и задается рядом вопросов, на которые сам не может найти ответы: страны Антанты – предатели? Или ими движет что-то другое? Вернее, ответ уже заключен в вопросах, только Андреев не хочет себе в этом признаться, так как не желает видеть в союзниках России предателей: «Как ни ясен неизбежный вывод, я остерегусь пока его делать» [4, с. 160].

Понимая, что действия Антанты привели не к миру, а к началу распространения большевистской угрозы, Леонид Андреев обращается к населению стран Европы так же, как он это делал при обращении к народу и армии России – с помощью призывов и лозунгов: «Мой друг, встань и протяни нам руку!» [4, с. 171], «Организуйтесь!» [4, с. 174].

Особняком стоят статьи Леонида Андреева, которые посвящены призывам к борьбе с большевиками. После летнего кризиса Временного правительства, в ходе которого большевики начинают усиливать свое положение и решают перейти от мирных действий к силовым методам, в сентябре 1917 г. выходят две статьи писателя, в которых он обличает намерения большевиков и предупреждает об опасности, которая исходит от их власти.

Статья «Veni, Creator!» выделяется антиномичной структурой повествования: высокий пафос здесь сосуществует с сарказмом. Так Леонид Андреев пытается донести мысль о пагубности прихода большевиков и Ленина к власти. Сравнение Ленина с «великим триумфатором» направлено на формирование у читателя ощущения масштаба трагедии, которые несет государству данный «триумфатор». Вместо светлого будущего писатель предсказывает тьму и гибель России, которую принесет победа Ленина в борьбе за власть: «Сгущается бездонная тьма, кромешный мрак. Ни единого огня, ни единого голоса – безмолвие и тьма. Мне страшно. Как слепой мечусь я в темноте и ищу Россию» [3, с. 122]. Статья имеет большое значение для понимания изменения внутренних установок автора: от не достигших цели лозунгов и призывов он активно переходит к иронии и сарказму.

Окончательное осознание того, что в стране начинается Гражданская война, представлено в статье Леонида Андреева «Во имя революции» (от 17 сентября 1917 г.).

Выстраивая статью на противопоставлении двух сил – революции и бунта («Они дети единой матери, Революция и Бунт» [3, с. 123]), автор настаивает на том, что бунту нельзя дать победить. Как долго оставалась незамеченной возможность прихода к власти большевиков, так и существует опасность начала Гражданской войны, в которую уже погружается страна: «Сейчас Россия в полном и трагическом смешении всех своих живых элементов – и бунтарских и истинно революционных» [3, с. 134]; «А эти разрастающиеся погромы, убийства, насилия и пожары, обещающие в скором времени окрасить заревом все небо над гибнущей Россией?» [3, с. 134].

Последняя статья, над которой работал автор, – «Европа в опасности». Она так и не была окончена: Леонид Андреев умер 12 сентября 1919 г. Основные ее положения близки идеям статьи «Во имя Революции», однако направлена она на европейского читателя. Видя, что достижения революции тонут в волнах бунта, писатель хочет предупредить Европу об опасности, которая исходит от большевиков. Леонид Андреев по-прежнему остается приверженцем революции, в том числе ее победного шествия по Европе, но опасается, что под видом революции в Европу могут проникнуть идеи и силы, которые привели к Гражданской войне и поставили страну на грань гибели.

Заключение

Смерть писателя в 1919 г., когда Гражданская война уже шла, но носила пока локальный характер, а главные события 1919–1920 гг. были еще впереди, прервала осмысление им исторических событий. Однако эволюция взглядов известного писателя, ставшего символом революции 1905 г., окажется близкой позиции многих представителей творческой и научной интеллигенции в России, которые в своих работах будут отмечать духовно-нравственные изменения в российском обществе в начале XX в. В своей публицистике 1917–1919 гг. Л. Андреев прозорливо предвидел и честно и эмоционально-страстно стремился предотвратить наступление братоубийственной войны: «Леонид Андреев, как писатель, выполнил свой творческий и человеческий долг» [2, с. 190].

Список источников

1. Шишкина Л. И. Леонид Андреев и «Русская воля» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. Вып. 1. С. 110–124.
2. Заяц С. М. Леонид Андреев как темно-светлый лик Серебряного века // Вестник славянских культур. 2017. № 4. С. 185–191.
3. Андреев Л. Н. Перед задачами времени. Политические статьи 1917–1919 годов / сост. и подг. текста Ричарда Дэвиса. Benson, Vermount, 1985. 204 с.
4. Андреев Леонид. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступит. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. М.; СПб.: ATHENEUM ФЕНИКС, 1994. 598 с.
5. Шишкина Л. И. Леонид Андреев и «Русская воля» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. Вып. 3. С. 43–67.
6. «Верните Россию!» / Леонид Андреев. М., 1994. 267 с.
7. Шишкина Л. И. Перед уроками времени: политическая публицистика Леонида Андреева // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2 (17). С. 6–27.
8. Шишкина Л. И. От Февраля к Октябрю. События революции на страницах газеты «Русская воля» // Управленческое консультирование. 2017. № 7. С. 175–184.

References

1. Shishkina L. I. Leonid Andreyev i “Russkaya volya” [Leonid Andreev and “Russian will”]. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk – Syktyvkar University Bulletin. Humanities Series*, 2019, no. 1, pp. 110–124 (in Russian).
2. Zayats S. M. Leonid Andreyev kak tyomno-svetlyy lik Serebryanogo veka [Leonid Andreyev as dark bright face of the silver age]. *Vestnik slavyanskikh kul’tur,* 2017, no 4, pp. 185–191 (in Russian).
3. Andreyev L. *Pered zadachami vremeni. Politicheskiye stat’i 1917–1919 godov* [The Challenge of the Age: Political Articles, 1917–1919]. Vermont, Chalidze Publ., 1985. 204 p. (in Russian).
4. Andreyev Leonid. *S.O.S. Dnevnik (1914–1919). Pis’ma (1917–1919). Stat’i i interv’yu (1919). Vospominaniya sovremennikov (1918–1919)* [S.O.S.: Diary (1914–1919). Letters (1917–1919). Articles and interviews (1919). Memoirs of contemporaries (1918–1919)]. Moscow, Saint Petersburg, ATHENEUM PHOENIX Publ., 1994. 598 p. (in Russian).
5. Shishkina L. I. Leonid Andreyev i “Russkaya volya” [Leonid Andreev and “Russian will”]. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk – Syktyvkar University Bulletin. Humanities Series,* 2019, no. 3, pp. 43–67 (in Russian).

6. Shishkina L. I. Ot Fevralya k Oktyabryu. Sobytiya revolyutsii na stranitsah gazety “Russkaya *volya”* [From February to October. Revolution Events on Pages of the newspaper “Russian will”]. *Management consulting*, 2017, no 7, pp. 175–184 (in Russian).
7. Andreyev L. “Vernite Rossiyu!” [“Bring back Russia!”]. Moscow, 1994. 267 p. (in Russian).
8. Shishkina L. I. *Pered urokami vremeni: politicheskaya publitsistika Leonida Andreyeva* [Before time lessons: Leonid Andreev’s political journalism]. The humanitarian paradigm, 2021, no. 2 (17), pp. 6–27 (in Russian).

Информация об авторах

Юмашев В. В., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: sluaa@mail.ru

Хатямова М. А., доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: khatyamovama@mail.ru

Information about the authors

Yumashev V. V., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: sluaa@mail.ru

Khatyamova M. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: khatyamovama@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 30.06.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 132–140.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 132–140.

УДК 37+005.963.2:[82-31]
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-132-140

Неомифологические способы воплощения темы наставничества в романах Мариам Петросян «Дом, в котором…» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду»

Елена Владимировна Крикливец

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь, kriklivec@mail.ru

Аннотация

Сравнительное изучение близкородственных литератур представляется актуальным направлением современной гуманитаристики. Такой ракурс исследования позволяет выявить творческую уникальность произведения, национальную основу и способы литературной рецепции посредством раскрытия литературных и социокультурных связей, формирует открытость сознания к восприятию инонациональных культурных кодов и смыслов. Творческая индивидуальность Виктора Козько сформировалась в белорусском литературном процессе последней трети XX в., когда происходит усиление экзистенциальной направленности прозы. Мифопоэтизм белорусской прозы обладает национальной спецификой. Основные стилевые изменения происходят на стыке художественных систем «реализм – модернизм», «реализм – постмодернизм». Возникновение диффузных явлений обусловлено как индивидуально-авторским творческим экспериментом, так и общими стилевыми тенденциями эпохи. Модернистские интенции в белорусской литературе имеют ярко выраженную фольклорно-мифологическую основу, которая обусловила преобладание аутентичных элементов, помогла вербализировать бессознательные категории, сделать их предметом авторской и читательской рефлексии. Мариам Петросян осуществляла работу над романом «Дом, в котором…» на протяжении почти двух десятилетий (1991–2009). Литературный процесс рубежа XX–XXI вв., с одной стороны, демонстрирует завершение определенного социокультурного этапа, с другой – свидетельствует о начале нового исторического и культурного цикла. Не случайно аллегорическая природа романа удовлетворяет эстетические и когнитивные потребности времени – создать метонимическое изображение современного социума. Оба прозаика активно используют различные типы вторичной художественной условности. В зависимости от ее доминирующего типа и доминирующего художественного приема можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности: актуализация сюрреалистической эстетики; синтез реалистического и фантастического; обращение к фольклорно-мифологическим мотивам, мифологическим способам познания мира. Мифологическая цитация, использованная в романах Мариам Петросян «Дом, в котором…» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» при воплощении образов учителей и воспитанников, топосов дома и сада, неомифологические приемы моделирования реальности позволили писателям создать уникальную пространственно-временную организацию произведений, эксплицировать национальные культурные коды.

Ключевые слова: *русская литература, белорусская литература, реализм, модернизм, сравнительно-типологический анализ, мифологическая цитация*

Для цитирования: Крикливец Е. В. Неомифологические способы воплощения темы наставничества в романах Мариам Петросян «Дом, в котором…» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 132–140. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-132-140

Neo-mythological ways of embodying the theme of mentoring in the novels by Mariam Petrosyan “The Gray House” and Victor Kozko “Chronicle of an orphanage garden”

Elena V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus, kriklivec@mail.ru

Abstract

The comparative study of closely related literatures seems to be a relevant direction in modern humanities. This perspective of the study allows us to identify the creative uniqueness of the work, the national basis and methods of literary reception through the disclosure of literary and sociocultural connections, and forms the openness of consciousness to the perception of foreign cultural codes and meanings. The creative individuality of Viktor Kozko was formed in the Belaru-

© Е. В. Крикливец, 2024

sian literary process of the last third of the twentieth century, when there was an increase in the existential orientation of prose. Mythopoeticism is characterized by its rootedness in the universal humanistic constants of national specificity. The main stylistic changes occur at the junction of the artistic systems of realism – modernism, realism – postmodernism. The emergence of diffuse phenomena is due to both the individual author's creative experiment and the general stylistic trends of the era. Modernist intentions in Belarusian literature have a pronounced folklore and mythological basis, which determined the predominance of authentic elements, helped to verbalize unconscious categories, making them the subject of author and reader reflection. Mariam Petrosyan worked on the novel "The Gray House" for almost two decades (1991–2009). The literary process at the turn of the 20th–21st centuries, on the one hand, demonstrates the completion of a certain sociocultural stage, on the other, it indicates the beginning of a new historical and cultural cycle. It is no coincidence that the allegorical nature of the novel satisfies the aesthetic and cognitive needs of the time – to create a metonymic image of modern society. Both prose writers actively use various types of secondary artistic conventions. Depending on the dominant type of convention and the dominant artistic technique, the following ways of enriching realistic aesthetics with means of non-classical artistry can be distinguished: actualization of surreal aesthetics; synthesis of realistic and fantastic; appeal to folklore and mythological motifs, mythological ways of understanding the world. The methods of mythological quotation used in the novels by Mariam Petrosyan "The Gray House" and Viktor Kozko's "Chronicle of an orphanage garden" when embodying the images of teachers and students, topoi of the house and garden, neomythological methods of modeling reality allowed the writers to create a unique spatiotemporal organization of works, explicate national cultural codes.

Keywords: *Russian literature, Belarusian literature, realism, modernism, comparative typological analysis, mythological quotation*

For citation: Kriklivets E. V. Neomifologicheskiye sposoby voploshcheniya temy nastavnichestva v romanakh Mariam Petrosyan "Dom, v kotorom…" i Viktora Koz'ko "Khronika dzetdomaўskaga sadu" [Neo-mythological ways of embodying the theme of mentoring in the novels by Mariam Petrosyan "The Gray House" and Victor Kozko "Chronicle of an orphanage garden"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin,* 2024, vol. 1 (231), pp. 132–140 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-132-140

Введение

На рубеже XX–XXI вв. корпус знаковых литературных произведений создается в стилевой интеграции «реализм – модернизм», «реализм – постмодернизм». Взаимодействие и взаимовлияние эстетических систем обусловили жанрово-стилевую динамику литературного процесса данного периода, вектор индивидуально-авторских поисков, семантические и морфологические особенности конкретных произведений.

Виктор Афанасьевич Козько – яркий представитель белорусской литературы последней трети XX в. Научный интерес к творчеству В. Козько достаточно активно проявлен белорусскими учеными. Об этом свидетельствуют монография Г. М. Друк «У храме слова: міфатворчасць В. Казько» [1], статьи Т. С. Нуждиной [2], Т. Л. Барабанщиковой [3], Г. М. Друк [4], Д. Бугаева [5], М. А. Тычины [6], П. В. Васюченко [7], А. А. Василевич [8] и др. В них исследуется творческий путь писателя, фольклорные и мифологические мотивы его произведений. В ряде названных работ творчество В. Козько рассматривается в сопоставлении с прозой других белорусских писателей второй половины XX в., включается в проблемно-тематическую парадигму прозы В. Быкова, А. Адамовича, В. Карамазова, А. Кудравца.

В произведениях писателя нравственно-философская и социально-экономическая проблематика получает осмысление посредством использования различных способов мифологической цитации, что коррелирует с параболическим вектором развития белорусской прозы в последние десятилетия XX в. [1]. Роман «Хроніка дзетдомаўскага саду» (1987) представляет собой попытку постижения индивидуальной судьбы героев в контексте исторического пути народа. Описываемая автором современная действительность переплетена в романе с событиями прошлого (процесс объединения белорусских земель, Великая Отечественная война), человек предстает в извечной взаимосвязи с социумом, природой, исторической и генетической памятью.

Роман Мариам Петросян «Дом, в котором…» прошел долгий путь «кристаллизации» от начала создания произведения в 1991 г. до его бумажного воплощения в 2009 г. Аллегорическая природа романа изоморфна коммуникативной задаче автора – создать метонимическое изображение современного социума. Художественное полотно произведения изобилует приемами вторичной художественной условности. Жанрово-стилистические и сюжетно-композиционные особенности романа М. Петросян «Дом, в котором…» привлекают исследовательское внимание, что подтверждается статьями Т. В. Соловьевой [9], С. В. Вяткиной [10], М. Н. Липовецкого [11], В. А. Мескина, Л. В. Гайдаш [12] и др. в научной периодике. Имя писателя Мариам Петросян входит в международный научный обиход [13].

Сопоставительный ракурс изучения романов В. Козько и М. Петросян даст возможность выявить

общность и специфику авторских моделей мира, определить в них константы национально-культурной парадигмы, аксиологический диапазон писателей-современников.

Материал и методы

Материалом исследования послужили романы Мариам Петросян «Дом, в котором…» и Виктора Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду». В работе использованы сравнительно-типологический и культурно-исторический методы, позволившие рассмотреть творчество авторов в контексте историко-культурного процесса и процесса развития национальных литератур, а также выявить национальные особенности и общие закономерности использования различных способов мифологической цитации.

Результаты и обсуждение

Для того чтобы раскрыть нравственно-философскую проблематику произведений, связанную с социальными и духовными аспектами наставничества, необходимо учитывать специфику пространственно-временной организации романов, континуума, в котором происходит формирование и взаимодействие героев.

Центральное место в хронотопе обоих произведений занимает топос дома. М. Петросян четко зонирует пространство Дома и в основном тексте романа, и в интермедии: спальни воспитанников, внешне соответствующие ценностным ориентациям каждой из субкультур; места общего пребывания (коридоры, лестницы и т. п.), хранящие «культурную информацию» о бывших и нынешних воспитанниках; крыло администрации и воспитателей, надежно отделенное от остальной территории Дома. Подобная сконцентрированность на пространстве Дома как основного места действия романа указывает на стремление автора изобразить замкнутый в самом себе социум, практически лишенный связи с внешним миром, обитатели которого, будучи «исторгнуты» обществом, создают свой микромир с его фактическими и психологическими законами. Таким образом, центральные конфликты произведения определены изолированным характером его хронотопа.

В романе В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» топос дома обладает гораздо более широким функциональным спектром. Локус детского дома имеет свою историю: бывшие казармы пограничников, перестроенные в военное время под детский дом, становятся впоследствии временным пристанищем геологов, разведывающих месторождения полезных ископаемых в Полесье. Отметим, что произведение имеет автобиографическую основу. Автор-повествователь, активно проявленный в тексте романа, – один из бывших воспитанников послевоенного детского дома в глухой полесской деревушке. Поэтому воспоминания о жизни в детском доме автор тесно связывает с образом деревни, где прошло его детство, с любовью к малой родине, с темой личной ответственности за сохранение исторической памяти: «…мы зачынім, замкнём усе дзверы ў нашай хаце, кожныя возьмем пад замок. І каля кожных паставім нябачнага вартавога і накажам кожнаму: добрых людзей прапусаць, а злосных – даўбешкай па макацоўбіне. І хата наша захаваецца на стагоддзі. Яна не спархнее, не разбурыцца. Вечнымі застанёмся і мы»[1] [14, с. 275]. Следовательно, структура топоса дома в романе В. Козько представляет собой своего рода «концентрические круги», расширяющиеся от частной локации до пространства Беларуси в целом. Задача автора – не разорвать, а восстановить взаимосвязь частной жизни человека с историей народа и природным космосом.

При отмеченном различии коммуникативных и когнитивных задач анализируемых произведений, пространственно-временная организация романов М. Петросян и В. Козько имеет ряд общих черт. Так, в мифологических представлениях обитателей «Дома, в котором…» существует Изнанка Дома – мистическая, метафизическая часть пространственно-временного континуума (представлена локусом ночного леса), доступная не каждому воспитаннику. Изнанка освобождает воспитанников дома от физической неполноценности: инвалидных колясок, костылей и т. п., при этом вскрывая истинную духовную сущность человека. Собственно наличие Дома и Изнанки в пространственной структуре романа отражает амбивалентные представления автора о физической и духовной составляющей личности.

Образ-мотив сада в романе В. Козько коррелирует с представлениями об Изнанке Дома в романе М. Петросян. Сад (а вернее, отношение к саду) раскрывает духовный потенциал героев произведения белорусского писателя. На протяжении романа яблоневый сад на территории детского дома несколько раз вырубают и сажают вновь. С образом сада связаны мифологические мотивы умирания – возрождения, присутствуют элементы тотемического мировосприятия (каждый новичок сажает свою яблоньку). История детдомовского сада во-

[1] «…мы закроем, замкнем все двери в нашем доме, каждую возьмем под замок. И возле каждой поставим невидимого сторожа и прикажем каждому: добрых людей пропускать, а злых – палкой по башке. И дом наш сохранится на века. Он не обветшает, не разрушится. Вечными останемся и мы (здесь и далее в сносках перевод на русский язык Е. В. Крикливец).

площает историю всего белорусского народа XX в. В одной из глав романа сад воплощает собой представления об инобытии (райский сад).

История воспитанников «Дома, в котором…», духовно ушедших на Изнанку и оставивших свои тела в Наружности, перекликается с экзистенциальными исканиями автора «Хронікі дзетдомаўскага саду», который пытается обрести нравственные смыслы через возвращение к историческим корням, через познание себя путем возрождения национального самосознания. В обоих произведениях пространство дома воспринимается как сакральное. При этом в романе М. Петросян оно противопоставлено профанному пространству Наружности, враждебной воспитанникам, уже отвергнувшей их однажды по причине физической или психической неполноценности.

Названные особенности пространственной организации обусловливают временную дискретность романов. Герои обоих произведений наделены возможностью перемещаться во времени. Это своего рода герои-медиаторы, поскольку они связывают пространственно-временные планы романов, их реальную и мистическую составляющие. Среди обитателей «Дома, в котором…» воспитатели выделяют «ходоков» и «прыгунов». Воспитанники-«ходоки» посещают Изнанку осознанно, «своим ходом», не оставляя в Наружности следов своей физической составляющей. «Прыгунов» на Изнанку забрасывает после сильных эмоциональных переживаний, обнажающих их духовную сферу.

Центральным героем-медиатором в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» является зубр Сновдола, соединяющий несколько временных пластов: глубокую древность, первую половину XX в. и день сегодняшний. Зубр воплощает идею автора о необходимости обретения и аккумулирования исторической памяти, о взаимосвязи современности с историческим прошлым. В романе В. Козько границы во времени промаркированы типичными мифологическими образами мостика и тоннеля, хода, по которому уходят и возвращаются: «Усяму свой час. Ты пакуль еш, дарога твая далёкая. Я пакажу ход, па якім адыходзяць і вяртаюцца. І ты таксама пойдзеш і вернешся, хаця дарога твая апошняя ў цябе, а таму еш, каб пастаяць за тых, каго ўжо няма, і паказацца тым, хто ёсць»[2] [14, с. 321].

Таким образом, авторы обоих романов выступают в роли духовных наставников читателя, посредством специфики пространственно-временной организации произведений убеждающих в том, что духовные ценности личности заключаются в глубинном самопознании, в обретении гармонии духовного и телесного, в осознании взаимосвязи частного и общего.

В свою очередь мотив запустения и разрушения дома, присутствующий в произведениях и М. Петросян, и В. Козько, звучит как предупреждение о возможности экзистенциального кризиса в обществе, утратившем духовные ориентиры. Отметим, что разрушается не просто дом, разрушается и разоряется детский дом, т. е. место воспитания и формирования детей, требующих особого внимания и поддержки. Традиционно в литературе с образом ребенка ассоциируется образ будущего: разрушение дома для детей-сирот, детей-инвалидов свидетельствует о глубоких нравственных проблемах современного социума, которые вызывают озабоченность и беспокойство писателей.

Иносказательное, метафорическое звучание романов обусловлено разнообразием способов мифологической цитации, используемых авторами. Как мы уже отметили, М. Петросян создает дихотомию сакрального и профанного пространства. Сакральность Дом приобретает в первую очередь в восприятии его воспитанников. Мифологическое сознание ребят проявляется как в стремлении принадлежать к одной из сформировавшихся в Доме субкультур с ее внешними атрибутами (что генетически восходит к осознанию себя частью рода, клана, племени), так и в традиции четыре раза в год устраивать Ночь Сказок: «– Знаешь, как она раньше называлась? “Ночь, когда можно говорить”. Слишком прозрачно, да?» [15, с. 333]. Сказка для обитателей Дома – способ передачи сакральных знаний. Аллегорическая форма сказки позволяет подросткам, используя привычные или выдуманные сказочные образы, делиться информацией о походах на Изнанку или в Наружность (сказки Слепого и Сфинкса в первую из двух описываемых в романе Ночей; сказки Лорда, Рыжей, Черного во вторую Ночь Сказок). Также сказка – это способ поведать историю своей жизни, поделиться своим мироощущением, своей философией (сказки Табаки, Македонского, Стервятника). Ночь Сказок демонстрирует, что ребят волнуют экзистенциальные вопросы жизни и смерти, выбора и его последствий, богоискательства.

Мифологические реминисценции романа В. Козько отражают укорененность белорусской литературы в целом (и особенно ее модернистского дискурса) в фольклорно-мифологических традициях национальной культуры. Помимо образа зубра, который выступает символом народной памяти и национального самосознания, в романе

[2] «Всему свое время. Ты пока ешь, дорога твоя далекая. Я покажу ход, по которому уходят и возвращаются. И ты тоже пойдешь и вернешься, хотя дорога твоя последняя у тебя, а поэтому ешь, чтобы постоять за тех, кого уже нет, и показаться тем, кто есть».

белорусского писателя присутствуют связанные со Сновдолой архетипические мотивы погони (охотника и жертвы). В. Козько обращается и к тотемным представлениям белорусского народа (в Полесье были распространены верования о том, что первопредками местных жителей являлись бобры). Образ многовекового дуба, возле которого принял смерть Сновдола, тяготеет к архетипу мирового древа. Рухнувший дуб – символ утраты духовно-нравственной опоры, «заката цивилизации».

Носителями мифологического сознания в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» выступает в определенной степени и сам автор, и жители послевоенной полесской деревни, и, разумеется, воспитанники детского дома с их верой в невероятное и постоянной готовностью встретиться с чудом. Примечательно, что и в романе М. Петросян, и в романе В. Козько формируется тип героя с физическими или умственными отклонениями, но живущего богатой внутренней жизнью. Если в «Доме, в котором…» это практически все дети и подростки (учитывая специфику дома-интерната), то в произведении белорусского автора это страдающий эпилептическими припадками Владик Солила, которого автор наделяет способностью видеть в темноте, различать «цвет души» собеседника, тонко чувствовать растительный и животный мир. Такой тип героя роднит анализируемые произведения с антиутопической традицией последней трети XX в., где подобного рода персонаж обеспечивал сбой ритуализированной социальной системы (В. Маканин «Лаз», В. Рыбаков «Первый день спасения» и др.). В романах М. Петросян и В. Козько данный тип героя демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярность мира, объединяющее значение человеческих ценностей.

Сюжетообразующим конфликтом обоих произведений становятся взаимоотношения учителя (воспитателя) и воспитанников. Поскольку М. Петросян создает хронотоп закрытого социума, образы воспитателей Дома практически лишены внешних связей и раскрываются только во взаимоотношениях с воспитанниками, коллегами и администрацией. Мифологический мотив границы между крылом воспитателей и остальным пространством Дома подчеркивает разделение этого пространства на «свое» и «чужое»: «Воспитатели на своем этаже отгораживаются от Дома дверью с двумя замками и пытаются представить, что его нет» [15, с. 653]. Безусловно, воспитатели должны нести ответственность за поведение и обучение детей, но далеко не все закрепленные за группами педагоги выполняют свою работу должным образом. Большинство чувствуют себя чужими Дому, ощущают враждебность его обитателей и занимают маргинальное положение между Домом и Наружностью (чуждой ребятам априори).

Наибольшую вовлеченность во взаимодействие с воспитанниками демонстрируют воспитатели по кличке Лось и Ральф. Лося называли в Доме Ловцом Детских Душ. Он был безоговорочным кумиром воспитанников, его ревновали к другим ребятам, его обожествляли. Можно предположить, что идейно-психологическая нагрузка роднит образ Лося с образом Луки из пьесы М. Горького «На дне». Лось дает надежду, которая не выдерживает столкновения с реальной действительностью.

Лось не просто обожествляем ребятами, он в какой-то степени и сам примеряет на себя функцию «бога», влияя на образ мыслей и межличностные отношения воспитанников (чему ребята не смеют сопротивляться). Гибель Лося во время предыдущего выпуска обусловлена ужасом ребят перед Наружностью (реальностью), с которой им предстоит столкнуться. Страх, беспомощность, неизвестность, неумение противостоять действительности рождают «богоборческие» порывы, которые приводят к трагическому финалу (убийство бога и лишение себя внутренней опоры, права на спасение).

Ральф много размышляет о причинах смерти Лося и о судьбе своих воспитанников, пытается проникнуть в философию Дома и его обитателей, уважает законы Дома. Ральф пользуется взаимным доверием ребят: он приглашен на последнюю перед выпуском Ночь Сказок, где ему удается многое осознать и глубже постичь психологию подростков, их боязнь покинуть Дом и отрицание Наружности, их внешнюю браваду и агрессивность, за которыми скрывается неумение жить вне Дома. Если при создании образа Лося автор использует некоторые элементы вторичной художественной условности, то Ральф, пожалуй, единственный среди воспитателей персонаж, лишенный сатирических или гротескных черт, поскольку ему удается установить с ребятами отношения авторитетного воспитателя и уважающих его воспитанников.

Марьян Знавец, герой романа В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду», не искал для себя педагогической деятельности. Будучи демобилизованным по ранению во время войны (осколок застрял у сердца) он вынужденно, по приказу, возглавил детский дом в родной полесской деревне. Автор, по собственному признанию, не стремится идеализировать героя: «Па правілах я павінен падымаць Мар’яна ў завоблачныя высі духу і сумлення. Але навошта і каму ён патрэбны такі звышдухоўны і звышсумненны»[3] [14, с. 66]. Однако имен-

[3] «По правилам я должен поднимать Марьяна в заоблачные выси духа и совести. Но зачем и кому он нужен такой сверхдуховный и сверхсовестливый».

но с образом Марьяна связан в романе ряд экзистенциальных вопросов: об «оплотах» человеческого духа и о нравственных ориентирах, о поиске смысла жизни, своего предназначения и жизненного пути, о нравственной ответственности человека перед своим прошлым (перед родом) и своим будущим (перед детьми).

Если в «Доме, в котором…» воспитатели пытались сосуществовать с воспитанниками (в лучшем случае – стремились понять их), то моральный «спрос» у В. Козько со своего героя гораздо более высокий. Писатель утверждает мысль о том, что учитель – это воспитатель души, нравственный ориентир, пример которого дает ребятам опору в жизни. Эту колоссальную ответственность постепенно осознает Марьян. Сам герой признает, что его душа очерствела от войны; он подозревает жену в сожительстве с немцем и не может испытывать отцовской нежности к дочери Светлане. Марьян мучается вопросом о смысле жизни, пытается убежать от самого себя и свалившейся на него ответственности: «А калі прыспеў час выбіраць і выбар той адбыўся, вось тады яго і апанавала пачуццё няпэўнасці і часовасці ўсяго, чым бы ён ні займаўся… Так і жыццё пражывеш, усё будзеш усцешваць сябе, мілаваць: вось заўтра, вось наперадзе, вось кончыцца толькі гэта, і тады…»[4] [14, с. 212–213].

С целью глубокого раскрытия образа героя В. Козько включает в ткань повествования фантасмагорическую историю спасения Марьяна, случившуюся в его далеком детстве. Угодив в болото, Марьян ни за что не смог расстаться с яблоком, которое держал в руках и собирался надкусить. Это мешало ему ухватиться за палку, протянутую дедушкой (образ в романе мифологизирован, выступает героем-прародителем). Зажав яблоко в зубах, Марьян выбирается из трясины. Вкус съеденного яблока помнится герою всю жизнь (с тех пор он не ел яблоки), и лишь перед смертью ему до оскомины захотелось антоновки. Нами уже отмечалось тотемное значение яблони для героев «Хроніка дзетдомаўскага саду». Во вставной новелле, повествующей о спасении Марьяна, яблоко приобретает символическое значение плодородия, народных нравственных ценностей и духовности. Наделенный ими по факту рождения, герой осознает значимость этих ценностей только в финале жизни.

Описывая взаимоотношения в детском коллективе, М. Петросян и В. Козько затрагивают проблемы детского социума, обозначенные уже в литературном процессе последней трети XX в. в произведениях В. Тендрякова, Ю. Трифонова, А. Алексина, В. Железникова (ранее конфликты в детской среде, а тем более конфликты в парадигме «ученик – учитель» были табуированной темой). Острота конфликта усугубляется ввиду того, что в обоих анализируемых произведениях речь идет о детях, лишенных родителей.

Необходимо отметить, что природа сиротства в романах разная. М. Петросян повествует о детях-инвалидах, оказавшихся ненужными «здоровому» обществу. Их инаковости и проблем, с ней связанных, не выдерживают и родители, поместившие своих детей в дом-интернат. Не удивительно, что дети испытывают недоверие ко взрослым и ко внешнему миру в целом, предпочитая создавать собственные миры («Фазанов», «Крыс», «Птиц» и т. д.) со своими правилами и законами. Трагедия ребят в романе В. Козько созвучна трагедии самого автора, потерявшего родителей во время войны. Дети разделили судьбу всего народа, их личное горе – часть общей большой беды. Обитатели полесского детского дома помнят, что значит жить в семье, они не боятся мира за пределами дома, они хотят доверять взрослым (несмотря на то что нередко проверяют их авторитет на прочность).

М. Петросян и В. Козько поднимают вопросы психологических и социальных предпосылок лидерства в коллективе детей и подростков. Обитатели «Дома, в котором…» имеют четкую иерархию: в каждой группе свой вожак, транслирующий и отстаивающий интересы группы. Хозяин Дома – Слепой, он же – вожак четвертой группы. Личность Слепого мифологизирована. В определенном смысле именно он – творец мистического мира Дома. Это герой-медиатор: он объединяет реальную и ирреальную стороны Дома. Слепой способен перемещаться на Изнанку по собственному желанию. Кроме того, он может перевести туда любого из воспитанников или воспитателей. Создавая образ Слепого, М. Петросян обращается к славянским мифологическим представлениям об оборотничестве (Слепой принимает облик волка с шестью лапами). Отстаивая статус Хозяина Дома, Слепой проходит кровавый обряд инициации: убивает Помпея в битве кланов. Авторитет Слепого не подлежит сомнению: подросток обладает холодным рассудком, внутренним зрением, он, как никто, чувствует и понимает Дом. После выпуска, не желая расстаться с Домом, уходит на Изнанку, предпочитая свое инфернальное пространство чужому реальному.

В романе В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» ребята становятся лидерами по праву силы.

[4] «А когда пришло время выбирать и выбор этот был сделан, вот тогда его и охватило чувство ненадежности и временности всего, чем бы он ни занимался… Так и жизнь проживешь, все будешь утешать себя, уговаривать: вот завтра, вот впереди, вот кончится только это, и тогда…».

Пережившие каждый свою индивидуальную трагедию, лишенные возможности воспитываться в родительской семье, они словно создают «замещающую модель» семьи, где самому старшему и, следовательно, самому сильному принадлежит старшинство. При этом автор подчеркивает тягу малышей к старшим ребятам (несмотря на обиды и унижения), которая происходит из-за отсутствия образа родителей в их модели мира: «…шкеты прызнавалі іх, адчувалі за імі сілу і значнасць, цягнуліся да іх, услугоўвалі ім дабраахвотна, як старэйшым братам сваім, не ведаючы падзякі, за адзін толькі ветлівы пагляд»[5] [14, с. 165].

Мифологическое детское сознание склонно к сотворению кумира, в попытке идеализировать погибшего Сему Шверкина просматривается попытка создать коллектив, общность «на крови»: «Захапляліся яны, зразумела не ім, а Сёмам Шверкіным, якога ён адрадзіў, каб забіць і праз смерць адрадзіць зноў. Але ўжо не таго Сёму Шверкіна, шпанавітага і трохі нахабнага, але ўсёж жывога, а толькі нейкае падабенства яго. І самае жахлівае, што гэтае падабенства ўсім, у тым ліку і яму, было больш дорага, чымсьці жывы Сёма. І як іншым людзям, для таго, каб жыць, каб кіраваць жывымі, патрэбна смерць, патрэбны нябожчык»[6] [14, с. 176].

Безграничным доверием и безусловной любовью пользуются у ребят воспитатели, авторитет которых они признали. Обделенные дети тоскуют по родительской любви и заботе и потому психологически не готовы пройти естественные процессы взросления и сепарации. Образ любимого воспитателя обожествляется, а богу простых человеческих слабостей не прощают. Страх сепарироваться от родителя (остаться без бога) привел к стихийному бунту и трагической гибели Лося в «Доме, в котором…».

В романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» в военное и послевоенное время у ребят авторитетом по умолчанию пользовался любой мужчина в офицерской форме (Марьян Иванович не стал исключением). Директор детского дома – божество, карающее и милующее. Не случайно, слезы Марьяна, оплакивающего заповедный лес, подлежащий вырубке, глубоко потрясли детей: бог не должен испытывать растерянности, не имеет права плакать: «Доўга, вельмі доўга я ніяк не дараваў яму, не мог забыць яму тых колішніх ужо слёз. Мо і сёння я і мае сябры дзетдомаўцы не даравалі іх яму. Вельмі ж нікчэмнае, вартае жалю відовішча, калі плача мужчына, а калі ж плача сам бог – гэта наогул штосьці непрыстойнае»[7] [14, с. 250].

Подобное отношение воспитанников к наставникам накладывало на последних огромную ответственность и исключало право на ошибку. В обоих романах ошибки воспитателей привели к летальным исходам: в «Доме, в котором…» погибает сам Лось, в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» погибает отправленный Марьяном на фронт Сема Шверкин, оставляя у директора неизбывное чувство вины. Следовательно, оба писателя подчеркивают, что отношения наставников и воспитанников сродни отношениям родителей и детей внутри семьи: функция наставничества не только дидактическая, но и душеспасительная, от влияния наставника зависит жизненный путь, судьба ребенка.

Примечательно, что выпускной в обоих романах описывается как трагическое событие, как пересечение очередной границы на жизненном пути человека, переход на новый этап, приобретение нового статуса. Далеко не все воспитанники готовы к этому переходу, способны его выдержать. Сам дом без детей утрачивает свою сакральность, разрушается: расформируют Дом в романе «Дом, в котором…», закрывают школу в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду». При этом в романе М. Петросян звучат апокалипсические мотивы: судьба обитателей Дома после выпуска туманна, они не могут и не хотят приживаться в Наружности: «– Ладно, что там выпуск! В Наружности я бы хотел их встретить, вот где! Хоть пару минут полюбоваться. Потому что я их там себе не представляю, не получается у меня, понимаешь? Пробую представить – и не могу» [15, с. 520].

Эсхатология романа В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» связана с мотивом возвращения в дом (М. Петросян такой возможности не оставляет), как возвращается автор-повествователь, приобретая дом в деревне, в которой вырос, и окунаясь в прошлое для того, чтобы рассказать о нем. Именно дети в «Хронике…» спасают деревню от стихии – разбушевавшихся лесных пожаров, когда у

[5] «…шкеты признавали их, чувствовали за ними силу и значимость, тянулись к ним, прислуживали им добровольно, как старшим братьям своим, не зная благодарности, за один только приветливый взгляд».

[6] «Восхищались они, разумеется не им, а Семой Шверкиным, которого он возродил, чтобы убить и через смерть возродить вновь. Но уже не того Сему Шверкина, шпановитого и немного наглого, но все-таки живого, а только некоторое подобие его. И самое ужасное, что это подобие всем, в том числе и ему, было дороже, чем живой Сема. И как другим людям, для того чтобы жить, управлять живыми, нужна смерть, нужен покойник».

[7] «Долго, очень долго я никак не прощал его, не мог забыть тех давних уже слез. Может, и сегодня я и мои друзья-детдомовцы не простили их ему. Очень уж никчемное, заслуживающее жалости зрелище, когда мужчина плачет, а когда плачет сам бог – это вообще что-то непристойное».

взрослых не осталось ни сил, ни желания ей противостоять. Дети в романе В. Козько родились, чтобы жить, и проявляют жажду жизни, как яблоневый сад, который возрождается после каждой катастрофы.

Заключение

Таким образом, в романах М. Петросян «Дом, в котором…» и В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду» мифологическая цитация используется на всех уровнях жанровой структуры произведений: на семантическом (наличие собственно мифологических персонажей или героев – носителей мифологического сознания, специфика пространственно-временной организации произведений); на морфологическом (вплетение мифологических мотивов в сюжетно-композиционную организацию текста).

Апелляция к фольклорно-мифологическим представлениям способствует глубокому анализу социальной и духовной природы наставничества в изучаемых произведениях. Тема наставничества раскрывается как через дихотомию «учитель – ученик», так и через способы воплощения авторской позиции (автодиегетический нарратор в романе В. Козько).

При общности ряда художественных методов и приемов заметна разница коммуникативных стратегий М. Петросян (апокалиптические мотивы) и В. Козько (эсхатологическое звучание романа), обусловленных как социокультурной ситуацией в период создания произведений, так и национально-ментальными особенностями авторов.

Список источников

1. Друк Г. М. У храме слова. Мазыр: МДПУ, 2005. 155 с.
2. Нуждзіна Т. С. Загадка Віктара Казько // Полымя. 1999. № 2. С. 192–206.
3. Барабаншчыкава Т. Л. Фальклорныя матывы ў творах В. Казько // Полымя. 2001. № 12. С. 302–312.
4. Друк Г. М. Аповесць В. Казько «Суд у Слабадзе» // Беларуская мова і літаратура. 2002. № 1. С. 94–104.
5. Бугаёў Д. Пахавальная песня з праблiскам надзеі // Крыніца. 1997. № 12. С. 20–23.
6. Тычына М. А. Кантрапункт пакутаў // Крыніца. 1997. № 12. С. 17–19.
7. Васючэнка П. В. Тры апакаліпсісы // Крыніца. 1997. № 12. С. 3–5.
8. Васілевіч А. А. Раман-міф В. Казько // Сучаснае беларускае літаратуразнаўства: сістэма каштоўнасцей і прыярытэтаў. Мінск: Беларуская навука, 2006. С. 206–235.
9. Соловьева Т. В. Дом vs. Наружность. О романе Мариам Петросян «Дом, в котором…» // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 169–180.
10. Вяткина С. В. Синтаксическое своеобразие романа о подростках-инвалидах (М. Петросян «Дом, в котором…») // Мир русского слова. 2014. № 4. С. 90–95.
11. Липовецкий М. Н. Шалуны, враги, другие… Трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. № 6. С. 7–22.
12. Мескин В. А., Гайдаш Л. В. Роман М. Петросян «Дом, в котором…» в контексте литературной традиции магического реализма // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. № 3. С. 404–413.
13. Головчинер В. Е., Макаренко Е. К., Петров А. В., Полева Е. А. Итоги Восьмой Всероссийской с международным участием научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве: Детство в литературе и литература о детстве» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 286–290. doi: 10.17223/18137083/68/26
14. Казько В. А. Хроніка дзетдомаўскага саду. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. 430 с.
15. Петросян М. С. Дом, в котором… М.: Livebook / Гаятри, 2009. 960 с.

References

1. Druk G. M. *U hrame slova* [In the temple of the word]. Mazyr, MDPU Publ., 2005. 155 p. (in Belarusian).
2. Nuzhdzina T. S. Zagadka Viktara Kazko [The riddle of Victor Kazko]. *Polymya,* 1999, no. 2, pp. 192–206 (in Belarusian).
3. Barabanshchykava T. L. Falklornyya matyvy u tvorakh V. Kazko [Folklore motifs in the works of V. Kazko]. *Polymya*, 2001, no. 12, pp. 302–312 (in Belarusian).
4. Druk G. M. Apovesc V. Kazko “Sud u Slabadze” [The novel of V. Kazko “Judgment in Sloboda”]. *Belaruskaya mova i litaratura*, 2002, no. 1, pp. 94–104 (in Belarusian).
5. Bugayou D. Pahavalnaya pesnya z probliskam nadzei [A funeral song with a glimmer of hope]. *Krynitsa*, 1997, no. 12, pp. 20–23 (in Belarusian).
6. Tychyna M. A. Kantrapunkt pakutau [The counterpoint of suffering]. *Krynitsa*, 1997, no. 12, pp. 17–19 (in Belarusian).
7. Vasyuchenka P. V. Try apakalipsisy [Three apocalypses]. *Krynitsa*, 1997, no. 12, pp. 3–5 (in Belarusian).
8. Vasilevich A. A. Raman-mif V. Kazko [A novel-myth by V. Kazko]. *Suchasnae belaruskae litaraturaznaustva: sistema kashtounascey i pryyarytetau.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2006, Pp. 206–235 (in Belarusian).

9. Soloveva T. V. Dom vs. Naruzhnost'. O romane Mariam Petrosyan "Dom, v kotorom…" [Home vs. Appearance. About Mariam Petrosyan's novel "The Gray House"]. *Voprosy literatury*, 2011, no. 3, pp. 169–180 (in Russian).
10. Vyatkina S. V. *Sintaksicheskoye svoyeobraziye romana o podrostkakh-invalidakh (M. Petrosyan "Dom, v kotorom…"*) [Syntactic originality of the novel about disabled teenagers (M. Petrosyan "The Gray House")]. *Mir russkogo slova*, 2014, no 4, pp. 90–95 (in Russian).
11. Lipovetskiy M. N. Shaluny, vragi, drugiye… Trikster v sovetskoy i postsovetskoy detskoy literature [Naughty people, enemies, others... Trickster in Soviet and post-Soviet children's literature]. *Detskiye chteniya*, 2014, no. 6, pp. 7–22 (in Russian).
12. Meskin V. A., Gaydash L. V. Roman M. Petrosyan "Dom, v kotorom…" v kontekste literaturnoy traditsii magicheskogo realizma [Roman M. Petrosyan "The Gray House" in the context of the literary tradition of magical realism]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2019, no. 3, pp. 404–413 (in Russian).
13. Golovchiner V. E., Makarenko E. K., Petrov A. V., Poleva E. A. Itogi Vos'moy Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiyem nauchnoy konferentsii "Russkaya literatura v sovremennom kul'turnom prostranstve: Detstvo v literature i literatura o detstve" [Results of the Eighth All-Russian scientific conference with international participation "Russian literature in the modern cultural space: Childhood in literature and literature about childhood"]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2019, no. 3, pp. 286–290 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/68/26
14. Kaz'ko V. A. *Khronika dzetdomauskaga sadu* [Chronicle of an orphanage garden]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1987. 430 p. (in Belarusian).
15. Petrosyan M. S. *Dom, v kotorom…* [The Gray House]. Moscow, Livebook/Gayatri Publ., 2009. 960 p. (in Russian).

Информация об авторе

Крикливец Е. В., доктор филологических наук, доцент, профессор, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Московский проспект, 33, Витебск, Республика Беларусь, 210038).
E-mail: kriklivec@mail.ru

Information about the author

Kriklivets E. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Moskovskiy prospekt, 33, Vitebsk, Republic of Belarus, 210038).
E-mail: kriklivec@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 10.10.2023; accepted for publication 04.12.2023

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 141–148.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2024, vol. 1 (231), pp. 141–148.

UDC 82-21
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-141-148

Nelson Rodrigues and modern tragedy

Adriano de Paula Rabelo

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, aprabelo@hotmail.com

Abstract

Brazilian playwright Nelson Rodrigues is the author of a very peculiar dramatic work, whose main characteristics are related to a poetics of the excess and a modernization of tragedy. There are two trends in his works: one that is closer to universal and mythical aspects of life, and another one that is closer to the historical and daily aspects. His own life was full of tragic events which made him feel that tragedy is a dimension that intrinsically belongs to humanity's trajectory in this world. So the tragic sense of life was part of his world view and his philosophical conceptions. It was then natural that this tragic world view would be present in his literary creation at the several genres he explored, especially in his dramatic works. But his tragic approach is always mixed with melodramatic events and an excess of feelings, actions, and the grotesque, so that it frequently becomes comic at the same time. Nelson Rodrigues was influenced by both the high fine literature of the Western tradition and the subliterature of the beginning of the 20th century, and his mixture of them together makes up an original and very interesting creation. This paper fundamentally approaches the tragic as belonging to the playwright's life — as well as his world vision — and also belonging to the works of Rodrigues by analyzing events in his, his readings, the opera and cinema techniques he was familiar with in order to reflect about their influences on his work, as well as to discuss formal aspects and subjects that make it possible to consider his dramatic works as belonging to the tradition of tragedy at the same time that he subvert and recreates the tragic standards in his own fashion.

Keywords: *Nelson Rodrigues, tragedy, tragic*

For citation: Adriano de Paula Rabelo. Nelson Rodrigues and modern tragedy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin,* 2024, vol. 1 (231), pp. 141–148 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-141-148

Нельсон Родригес и современная трагедия

Рабело Адриано де Паула

Казанский федеральный университет, Казань, Россия, aprabelo@hotmail.com

Аннотация

Бразильский драматург Нельсон Родригес – автор очень своеобразного драматического произведения, основные черты которого связаны с поэтикой избытка и модернизацией трагедии. В его творчестве есть два направления: одно ближе к общечеловеческим и мифологическим аспектам жизни, а другое ближе к историческим и бытовым аспектам. Его собственная жизнь была полна трагических событий, которые заставили его почувствовать, что трагедия – это измерение, которое неотъемлемо принадлежит траектории человечества в этом мире. Так что трагический смысл жизни был частью его мировоззрения и его философских концепций. Тогда было естественно, что это трагическое мировоззрение будет присутствовать в его литературном творчестве в нескольких жанрах, которые он исследовал, особенно в его драматических произведениях. Но в его трагическом подходе всегда смешаны мелодраматические события и избыток чувств, поступков и гротеска, так что он часто становится одновременно и комическим. На Нельсона Родригеса повлияла как высокая художественная литература западной традиции, так и сублитература начала XX в., и их смесь составляет оригинальное и очень интересное творение. В статье рассматривается трагическое как принадлежащее жизни драматурга, его мировоззрению и творчеству путем анализа событий в его произведениях, чтениях, оперных и кинематографических приемах, с которыми он был знаком, чтобы отразить их влияние на его творчество, а также обсудить формальные аспекты и темы, позволяющие считать его драматические произведения принадлежащими к традиции трагедии, хотя он ниспровергал и воссоздавал трагические стандарты на свой лад.

Ключевые слова: *Нельсон Родригес, трагедия, трагический*

Для цитирования: Adriano de Paula Rabelo. Nelson rodrigues and modern tragedy // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 141–148. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-141-148

© Adriano de Paula Rabelo, 2024

Introduction

Author of seventeen theatrical plays, Nelson Rodrigues is the most important Brazilian playwright. He is the author of a work which revolutionized the theatrical production in Brazil, raised Brazilian dramaturgy to the level of the best achievements of other genres in Brazilian literature, and paved the way for the emergence and development other important playwrights.

The revolution in Brazilian theater promoted by Nelson Rodrigues involved technique, subjects, language, and the types of characters on the stage. Subverting the comedy of customs performed with a Portuguese accent, the *vaudevilles*, the corny melodramas and the pseudo-philosophical plays that dominated Brazilian theater at the time of the playwright's debut and made up Latin America's theatrical tradition to that time, Nelson Rodrigues belatedly carried out the modernization of theater in Brazil.

In opposition to the verbosity and literacy that were then rampant on the stages, Rodrigues's dramaturgy is carried out through simple, direct and agile language, making that his characters spoke like Brazilians do, generally using colloquial and more relaxed forms. Technical resources of expressionist, naturalist or even surrealist nature are frequently used, causing surprise and a feeling of strangeness in the face of the basic melodramatic atmosphere. Short scenes, rapid progression of dramatic action, predominant division of plays into three acts with no time interval between them indicate technical procedures peculiar to modern theater. The tragic events in the plots are frequently comic at the same time. His humor comes from the ridiculous names of some characters, excessiveness and melodramatic exaggeration, wordplays, grotesqueness of situations and characters, displacement of real people who are put into fiction, and farcical elements.

Material and methods

I have studied Nelson Rodrigues's works for a long time, and I have even published a book about tragedy and the tragic in Nelson Rodrigues and the American playwright Eugene O'Neill, comparing the two of them. [1] For this article, I have basically taken advantage of the main books used in the previous research, but adding new ones, which I have recently known. Most of them are exposed below, in the references.

As for the methods, my approach focuses on Nelson Rodrigues's biography, his literary influences, a theory of tragedy in his plays and other writings, the way his works can be organized. A conclusion ties all these developments.

Results and discussion

Nelson Rodrigues's characters are obsessive, passionate, neurotic, abyssal beings, always placed in extreme situations, taking their flaws and psychopathy to the ultimate consequences. Hence, they almost always find a violent end through death by homicide or suicide, madness, flight or absolute solitude. The petty bourgeoisie and the lower class of the suburbs of Rio de Janeiro are predominant in his dramaturgy. From time to time, the figure of a tycoon appears, and this is someone who thinks he can control everyone, that his money can buy everything. The atmosphere, the typical Brazilian characters and the *carioca* slang, however, do not prevent the universality of his plays, which focus on the fundamental problems of human condition. The reality Rodrigues presents is constantly cruel, annihilating of the characters' ideals, which almost always end up in frustration, low self-esteem, dehumanization.

The starting point of his characters' tragedy is repressed sexuality, which is deformed by prejudice, hypocrisy, and cynicism of the practices and customs of social, religious and moral nature. With his pessimistic view of life and humanity, Rodrigues sees the way society is structured as extremely corrupt, with human actions governed by irrationalism, which results in lack of real communication between people. Abhorring the dissolution of the individual into the shapeless mass, the playwright values the dignity of those who resist the mediocrity and the most conventional ways of behavior. He sees the trajectory of man on Earth as essentially solitary. There is always a clear notion of Destiny determining the course of human existence. The tragedy of our species consists in the fact that, being finite and limited, we carry a longing for infinity and eternity as a condemnation. Thus, the world is a stage where people have to cope with anguish and suffering. His characters are always seeking to dignify themselves by living or at least the hoping to live an eternal love, by achieving a glorious death that rescues them from the mediocrity of the life they lead, by resisting the temptations of dirty money and sex unrelated to love, by the decision to assume their nature and their vocation despite the coercion of customs and hypocritical moral codes. Sábato Magaldi, the most important interpreter of Nelson Rodrigues's work accurately summarizes his existential thought:

Having received the typical Christian education of the Brazilian urban middle class, the playwright preserved his belief in divinity and basic moral precepts until the end of his life. The difficulty of observing these precepts is the thing that sharpens madness. Lost on this earth, man is torn apart because of a lost unit, so that he/she is an inconsolable orphan of God. Life is insane raving in a hostile terrain. The permanent feeling of deceit remains — life plays a trick on everyone. (...) The vocation for evil is counterbalanced by the certainty of a superior norm, which would govern the universe. Believing in divinity, doing anything is no longer allowed — man participates in an order, obeys

ethical precepts, believes in a hierarchy of values that discipline coexistence. Morality gives meaning to conduct. (...) From countless symptoms, it is easy to conclude that Nelson did not welcome reality. At best, it bothered him, because of the numerous dislikes that accompany it. Commonly people have varicose veins and fat deforms. The burden of prosaism compromises the possible romantic assortments. (...) The meeting of a couple does not obey to fortuitous circumstances — it is marked by a true machination of Destiny, commanding two beings groping in the dark. There is no doubt that Rodrigues's belief stems from his deep romanticism, which fights against the unavoidable mistakes of everyday life. An admirable observer of reality, the playwright registers so many disagreements and detachments which are permanent determinants the lonely trajectory of the human being in this world. This doesn't prevent him from believing in the possibility of eternal love, or at least pretending that it exists [2].

The personal and family tragedies that marked the playwright's life, as well as those he covered as a journalist, make up the substrate of Nelson Rodrigues's conceptions related to life, which are reflected in the ideas expressed in his works. As for the formal aspects of his plays specifically, three main sources stand out: the readings carried out by the author, cinema and the melodramatic in its most diversified manifestations [3].

Nelson Rodrigues was a compulsive reader. Especially in his youth, he used to read all sorts of almanacs, children's and trivia magazines, newspaper serials and, to a large extent, the melodramatic subliterature of the nineteenth century. Ruy Castro, a Nelson Rodrigues biographer, points out some writers and books to which the future playwright, journalist and writer of serial stories himself had accesses during his adolescence:

You would call these readings subliterature, and the worst kind of subliterature: *Rocambole*, by Ponson du Terrail; *Love Epic, The Lovers of Venice* and *The Loves of Pardaillan*, by Michel Zévaco; *The Mysteries of Paris*, by Eugène Sue; *The Martyr Wife*, by Enrique Pérez Escrich; *The Bronze Women*, by Xavier de Montépin; *The Count of Monte Cristo* and the endless *Memoirs of a Doctor*, by Alexandre Dumas Sr.; the fascicles of *Elzira, the dead-virgin*, by Hugo de América; and an almost infinite amount of subliterature.

The authors varied, but deep down it was the same thing: death punishing sex or sex punishing death — or both things at once, in the case of lovers who decided to die together. The form is what was sensational: intricate plots involving impossible love, blood pacts, sinister parents, unreachable purity, dark revenge and corpses in bulk. One or another author added a touch of even more perversity by condemning the heroine to leprosy or tuberculosis, evils as common in these novels as runny nose [4].

Later Nelson Rodrigues would meet the great universal writers, acquiring the habit of frequently citing authors such as Dante Alighieri, Shakespeare, Dostoyevsky, Tolstoy, Ibsen, Balzac, Zola, Machado de Assis, Eça de Queiroz, Pirandello and O'Neill in his chronicles. Among these, the one to whom Rodrigues felt like a true spiritual brother was Dostoyevsky, because of his pathetic characters, his obsessive and tormented temperament, his tortuous style.

The main influence on the daring formal innovations of Nelson Rodrigues's drama is certainly in the cinema of the first half of the 20th century. As a journalist during that time, Rodrigues was a regular spectator of such movies. With little formal education, never having attended university, unaware of the literary and theatrical tradition of the Occident at the time of his debut as a playwright, it was in cinema that the future playwright came into contact with fast-paced narratives, unusual scene cuts, flashbacks and flashforwards, a non-linear development of the action in time, multifaceted spaces of modern reality, dialogues close to the natural speech of everyday life, a psychologism that arises from the appropriation of the psychoanalytic vulgate by art.

As for the melodramatic, the authors and works cited above by Ruy Castro leave no room for doubt about Nelson Rodrigues's attraction to melodrama, whose procedures are a constant presence in his fictional works. Also a constant spectator of operas, of which he became a critic in the newspaper *O Globo*, Rodrigues was in frequent contact with the melodramatic universe typical of this genre, too. It is also his biographer who tells us about the playwright's strange taste in music: "Beniamino Gigli or Tito Schipa singing arias from Italian operas, Vicente Celestino in "O Ébrio" (*The Drunk Man*) and "Ontem Rasguei o Teu Retrato" (*Yesterday I Tore Up Your Portrait*), Cauby Peixoto in "Conceição" (*Conceição*, a woman's name) and from there down to frankly steakhouse singers. He liked operettas, Neapolitan songs, boleros, tangos, fados — in short, whatever you mean by dramatic and exaggerated rhythms and melodies" [5]. As for these manifestations of the melodramatic in literature, music, theater and cinema, Nelson Rodrigues not only was greatly influenced by a genre that he would subvert, creating works of real aesthetic value, but also found elements in them that helped to shape his notorious morbidity. In addition, the melodramatic is at the base of his "bad taste" — of which he was proud — that is evident in most of his "unpleasant theater", of his fearlessness of ridicule and his praising the sincerity of the actor who overacts.

As for Rodrigues's tragic view of life [6, 7, 8, 9, 10], there will be a specific part below to discuss it.

Finally, there is the problem of dividing Nelson Rodrigues's dramaturgy into thematic blocks, with di-

dactic objectives, aiming to make it easier to understanding the whole of them. In the playwright's critical fortune, two classifications were enshrined, that of Hélio Pellegrino and that of Sábato Magaldi.

In 1965, Hélio Pellegrino published the article "The Work and *The Kiss on The Asphalt*", in which he points out the existence of two strands in the playwright's work. The first one, known as the "mythological cycle", consists of the plays *The Wedding Dress*, *Family Album*, *Black Angel* and *Our Lady of the Drowned*. For Pellegrino, these works "belong to this inaugural, genesis cycle, where the author, focused on the deepest roots of his unconscious, seeks to find his personal, founding mythology, at the same time that, in this research, he expresses essential problems and situations of the species" [11]. In this phase, the playwright, uncompromised with realistic and objective verisimilitude, poetically and intuitively approaches myth and the mythical dimension, exposing primitive and fundamental aspects of human nature:

Man, in his journey towards consciousness, or rather, in his search for the *logos*, always starts from myth, from the fertile and obscure ground of his soul, where the founding situations boil in all their naivety and terrible cruelty. It is this world, this pre-logical humus that Nelson Rodrigues, in his effort to structure himself and his work, seeks to work and transcribe. (...) The language is solemn, poetic, and incantatory. The verb of the myth participates in its supra-rational condition. The images and verbal symbols are loaded with an intuitive, illuminating, supracolloquial sense. There is nothing, in these plays, of the everyday banality, of the suffocating prosaism that, later, in his second creative phase, would be the material explored by the great playwright [12].

The second phase of Nelson Rodrigues as a dramatist, for Hélio Pellegrino, will focus not on the mythical and timeless man, but on the historical and finite man, "immersed in his specific ecology, a resident of the suburbs, riddled with contradictions, poisoned by banality, but alive, living in his tragic condition of being marked by sin and death, and such will be the clay from which Nelson Rodrigues, after *The Deceased Woman*, will sculpt his theatrical work" [13]. For Pellegrino, this second phase is a necessary development of the first one, and this historical man would be an unfolding of the mythical man of the first plays. The poetics of the previous strand is succeeded by a prosaic trend: after the solemn language comes up a colloquial expression, after the divine comedy of heroic beings comes up the human comedy of mortal and mediocre beings.

Such conceptions by Hélio Pellegrino are at the base of Sábato Magaldi's studies about the theater of Nelson Rodrigues. Deepening, unfolding and enriching Pellegrino's ideas, which remained within the scope of an article, Magaldi groups the playwright's works into three blocks, called "psychological plays", "mythical plays" and "*carioca* tragedies", trying, as far as possible, to be attentive to the chronological order of these works.

The psychological pieces present characters who act "under great tension", "on the verge of breaking the censorship of consciousness" or who in fact "tear the border of consciousness and realize themselves mostly as an external projection of the subconscious" [14], and also face moral dilemmas arising from the conflict between their volitions and the repressive control of a hypocritical morality. In this group, Magaldi includes the plays *A Sinless Woman*, *The Wedding Dress*, *Waltz No. 6*, *Widow but Honest* and *Anti-Nelson Rodrigues*.

The mythical plays make up a cycle of works — written in the 1940s — that carry out an aesthetic project which the playwright called "unpleasant theater". Definitively breaking the barriers of the conscious, Nelson Rodrigues "dives into the primitive unconsciousness of man. (...) After exploring the deepest individual truths, the next step is to establish the archetypes, the myths that are at the origin of our 'vital' forces" [15]. The characters in these plays — situated outside historical time and living in a non-defined place — act at the whim of extreme impulses of their passions, tearing themselves apart in the expression of a sexuality that they cannot resolve in terms of nature or culture. This group includes *Family Album*, *Black Angel*, *Our Lady of the Drowned* and *Doroteia*.

Finally, the *carioca* tragedies deal with the reality of historical man — more specifically, man immersed in daily life — situated in well-defined time and space: the author's contemporaneity and the suburbs of Rio de Janeiro. Creating plots, characters and setting similar to those of his stories in the newspaper column "Life as It Is...", inspired by the *faits divers* that, as a former police reporter he knew very well, Nelson portrays the prosaic, the ordinary existence of popular classes in Rio de Janeiro without giving up the universal aspects that have always characterized his works. He also had no intention to transmit a social or political message. By the way, Sábato Magaldi emphasizes: "The psychological and the mythical impregnated its hard social sap. A playwright who avoided the political pamphlet, knowing the bad literary results of proselytism of any kind, he ended up making a painful testimony about the precarious surviving conditions of the financially disadvantaged classes" [16]. This set comprises the plays *A Deceased Woman*, *Forgive Me for You Betraying Me*, *The Seven Kittens*, *Golden Mouth*, *The Kiss on the Asphalt*, *Otto Lara Resende or Cute but Paltry*, *All Nudity Shall Be Punished* and *The Serpent*.

Sábato Magaldi draws attention to the way in which all of Nelson Rodrigues's works are inter-

twined, forming a cohesive universe: “an aspect is never shown in isolation, under penalty of impoverishing the fiction in the writer’s universe. The psychological pieces absorb mythical elements and the common man issues of the *carioca* tragedy. The mythical plays do not forget the psychological exploitation and touch of the *carioca* tragedy. The *carioca* tragedy assimilates the psychological and mythical world of previous works” [17].

As in Pellegrino’s classification, Magaldi’s identifies two trends in the playwright’s work: one with a universalist trend, composed by the psychological and mythical plays; and another one showing a historical, local and daily life man who is the typical character in the *carioca* tragedies.

Both aspects of Nelson Rodrigues’s theater are marked by a poetics of excess and by a re-updating of tragedy according to modern parameters and the peculiarities of its fictional universe.

At the core of the author’s worldview lies a sharp tragic sense of life. His biography shows us that he had an extraordinary existence, full of twists and turns of fate, transcending in action the plots of his own plays. Thus, he takes his life experience as a substrate for all the literature he elaborated. He himself often said that every time there was a murder in his plays, there was a re-enactment of the death of his brother Roberto, murdered by a woman belonging to Rio de Janeiro’s high society. She was offended by an article that appeared in a newspaper owned by Rodrigues’s father. This event left indelible marks in the playwright’s spirit. Another peculiar feature is his habit to bring real people onto the stage or to make his characters quote some of his friends, enemies or media outlets on stage with humorous intentions or to throw them a critical barb. He even goes so far as to quote himself. Such is the case, for instance, in the play entitled *Anti-Nelson Rodrigues*, in which one of the characters is his journalist friend Salim Simão; *The Kiss on the Asphalt*, in which his fellow police reporter Amado Ribeiro, from the paper *Última Hora*, is portrayed as an absolutely unscrupulous journalist; from *Widow but Honest*, in which the director of the newspaper *A marreta*, presented as a “press gangster”, is called Dr. J.B. in an evident allusion to *Jornal do Brasil*, an important Brazilian news outlet; *Our Lady of the Drowned*, in which he portraits the perfidious Drummonds, in a reference to the poet Carlos Drummond de Andrade; *Otto Lara Resende or Cute but Paltry*, in which the name and a famous sentence pronounced by a fellow writer and friend are quoted at length. In one of the houses where the Rodrigues family lived, a trunk with old clothes and a diary was found, and this episode ended up in *The Wedding Dress*.

His experience as a journalist in the passionate press of yesteryear, the training in the context of customs and morality prevailing at the beginning of the 20th century, his living in the suburbs, attending prostitute houses, coping with serious illnesses, his knowledge of football and the *carioca* typical language are important autobiographical elements that underlie Nelson Rodrigues’s worldview and his peculiar style.

Personal and family tragedies, in addition to those he covered as a police reporter at an early age, cut deep into young Rodrigues’s soul and helped to shape his conceptions. Among the most influential events in the making of his worldview, one can mention the murder of her brother Roberto Rodrigues, the death of his father — just three months later — from pain and sorrow, the acquittal of the murderer, the experience of hunger and all sorts of deprivation when he was a young man, the discovery that he had tuberculosis and should go to a sanatorium, the death of his brother Joffre from the same disease, smoking a lot, the loss of a large part of his vision at the age of 25, living with a persistent ulcer. Later, the heavy hand of fate would continue to cause suffering to the playwright and the ones he loved. On several occasions, his illnesses brought him to the brink of death. His daughter Daniela would be born with cerebral palsy. His brother Paulo Rodrigues would meet a terrible death. And in 1972, during the most violent period of the military dictatorship in Brazil, his son Nelson Rodrigues Filho, an armed resistance militant, was arrested and tortured by agents of government repression. Regarding the assassination of his brother Roberto because of a report published on his father’s newspaper, for instance, he writes in his book of memoirs:

My theater would not be the way it is, nor would I be the way I am, if I hadn’t suffered in my flesh and soul, if I hadn’t cried Roberto’s murder until the last tear of passion. (...) December twenty-sixth, 1929. I never freed myself from her cry again. It was the astonishment of seeing and hearing, it was that astonishment that others did not feel in their flesh and soul. And I alone, one day, will die hugging the cry of my brother Roberto. Roberto Rodrigues [18].

As we can see, Nelson Rodrigues’s life was marked by a tragic series of paradoxes and ironies that remind the *moira* activity for the ancient Greeks. Considering himself as a conservative and proclaiming himself as “reactionary”, he produced a libertarian work and was one of the most censored authors in Brazil at a time when censorship existed and was part of the repressing machine on the arts. Moralist and visceral Christian, he was attacked by important Christian intellectuals who issued precisely moral judgments about his works. Defender of the military dictatorship in his chronicles and interviews, friends with the fascist president Médici, he had his son Nelsinho arrested and tortured during that criminal’s government. An apologist of capitalism and the United States during the

Cold War, he intervened several times, using his influence with the dictatorial regime to get his friends of the left wing who were arrested to be freed. Frequently proposing premarital chastity, attacking loveless sex, and saying that all true love is eternal, he had many mistresses, frequented red light districts, and married three times.

If the autobiographical context and the whirlwind of misfortunes do not explain the playwright's work, there is no doubt that they are the foundations of his peculiar worldview, which will find formalization in the tragic nature of his drama.

How is the tragic sense of life manifested in his works?

A clear presence of characters and events marked by an inexorable fate from which one cannot escape stands out in Nelson Rodrigues's plays. Differently, however, from being a consequence of divine designs, the way in which fate acts in his plays results from the dramatist's pessimistic conception of man as a fragile, ignorant, incoherent, desperate and somewhat maddened being in the face of illogicality of life, indifference of nature, lack of love and uncontrolled sexual impulses. The inevitable destruction to which the human being is led — and which it also provokes — brings with it the renewal of the world's face, since it takes place in a kind of myth of the eternal return in which the closure of a cycle painfully brings the beginning of another one. According to Sábato Magaldi:

Nelson sees chaos, disorder, death in a torn apart humanity. That's why most of his plays parade murders and suicides. Antunes (*a Brazilian theater director*) is right in observing that, once the cycle of destruction is over, a new creation is imposed. In *Family Album*, Heloísa, who escaped the curse of Jonah's family, unites with another man and has offspring. One cannot forget that, although Silene, the youngest daughter destined for marriage with a veil and wreath, in *The Seven Kittens*, is no longer a virgin and she keeps the fruit of love in her womb. Seeing the pregnant cat, she killed it with clubs, but the seven kittens jumped out of her, in a gust of life. And Arandir, in *The Kiss on the Asphalt*, condemned himself to death at the moment he wanted to pawn his wedding ring, in order to get the money that would allow his wife to have an abortion. He is then involved in a plot that results in his assassination. Ironically, a new cycle must begin when Selminha gives birth to Arandir's son. Birth responds to death [19].

Victim of the terrible conspiracy of the universe and of human incapacity, inserted in the formless and mediocre mass, Nelson Rodrigues's characters manage to dignify themselves only by going through a process of individuation that consists of standing out of the mass and resisting alone. [20] Such would be the heroism possible for the man of mass society. This is the source of the admiration the playwright repeatedly expressed for men like Oswaldo Cruz, a doctor who led the struggle against an epidemic in Rio in the begging of the 20th century through a mandatory vaccination campaign; General Charles de Gaulle during the 1968 student protests in Paris; Dr. Stockmann — the protagonist in the 19th century play *An Enemy of the People*, by the Norwegian dramatist Henrik Ibsen — who is right against his entire society. Among Nelson's many famous phrases are the reflections that "all unanimity is stupid" and that "public opinion is mentally ill" [21]. In his theater, the appearance of an individual who stands out from his/her community or his/her social group is very frequent, either because he/she was isolated or because of some attribute or special quality. This makes that he/she has to face his/her own destiny, such as Arandir in *The Kiss on the Asphalt*, Edgard in *Otto Lara Resende or Cute but Paltry*, Golden Mouth in the homonymous play, Joice in *Anti-Nelson Rodrigues*.

The presence of protagonists of high condition essentially marked by ambition of power or glory is part of the tradition of tragedy. Within the scope of their mediocre lives, Rodrigues's characters generally nurture, as the great ambition of their existence, a longing for eternal love in a world that would have tainted true love through the practice of sex just for the sake of sex. For him, this represents a kind of fall from paradise that generated all sorts of evils that afflict humanity. Suicide pacts, mutilations, escapes are carried out as desperate attempts to perpetuate, honor or prolong the fullness of love, which is usually brief and escapes lovers due to the action of a cold, brutal and inept reality to conspire against the romantic aspirations and ideals of the couple, causing enormous suffering. Regarding ambition, one cannot fail to remember two pathetic characters who were equally betrayed by life, such as Zulmira, from *A Deceased Woman*, and Golden Mouth. The first, having had an ordinary and empty existence, aspires to a belated glamor in death — in the form of a luxurious coffin and an impressive funeral ceremony. The second, born in a sink in the bathroom of a whorehouse, aspires to take revenge on his extremely vulgar origin by showing off his solid gold dental arches as a symbol of the economic power he conquered as a baron of crime. Furthermore, he plans to be buried in a golden coffin. The fate of these debased characters resembles that of the traditional protagonists of tragedy: their ambitions prove to be in vain. However, unlike the classical tragic protagonists, who die with dignity, Zulmira and Golden Mouth do not manage to reach, in death, the desired transcendence. She is buried in an ordinary coffin, on a day when her husband does not fail to show up at Maracanã stadium to watch the expected football championship final. As for Golden Mouth, he

is murdered, and his corpse is taken to the morgue without his golden teeth, which were stolen. He had no time to order and pay for the making of his sumptuous coffin.

As is known, curses and condemnations are recurrent elements in ancient tragedies. Certain characters of Nelson Rodrigues carry in their history, in their body or in their psyche the mark of curse or condemnation. Geni, in *All Nudity Shall Be Punished*, was cursed in childhood by her own mother, believing that she was inexorably destined to die of breast cancer. The stigma of illness and disability haunts characters such as Glorinha, in *A Deceased Woman*, who in fact has a cancer in her breast; *Doroteia*, in the play with the same title, becomes a leper; and Décio, in *The Serpent*, sees his marriage fall apart due to his sexual impotence before his own wife. In this chaotic and corrupt world, a series of cursed loves emerge for subverting the fundamental principles of civilization, as in the case of numerous incestuous relationships in *Family Album*; homosexual infatuation, such as that of Aprígio for Arandir in *The Kiss on the Asphalt* or that of Glória and Teresa in *Family Album*. [22] This gives origin to a process of revenge, such as the one undertaken by the Bridegroom in *Our Lady of the Drowned*; is an expression of a morbid and limitless sexuality, like that of Peixoto by Maria Cecília in *Otto Lara Resende or Cute but paltry*; involves a man with a rigid bourgeois morality and a prostitute, as in the case of Herculano and Geni in *All Nudity Shall Be Punished*.

Conclusion

The exemplary trajectory of Nelson Rodrigues's protagonists makes them remarkable figures who are almost always destroyed at the end of his plays, whose outcomes are lavish in suicides, murders, alienations in madness or flight, and abandonment to the most absolute solitude. [23] These events, which are usually described as tragic, provoke, on the part of those who witness them in the plays, poor and even indifferent reactions, proving their insensitivity to the suffering and annihilation of others, as well as the pessimistic view of the human being that is a constant in the works of this playwright. [24]

References

1. Rabello A. P. *O Teatro Trágico Moderno: Eugene O'Neill e Nelson Rodrigues*. Düsseldorf: Novas Edições Acadêmicas, 2017.
2. Mafaldi S. *Nelson Rodrigues: Dramaturgia e Encenações*. São Paulo: Perspectiva, 1992. Pp. 66–67.
3. Frye N. "Modos da Ficção Trágica" e "O *Mythos* do Outono: A Tragédia". In: *Anatomia da Crítica*. São Paulo: Cultrix, 1973. Pp. 42–49, 203–219.
4. Castro R. *O Anjo Pornográfico: A Vida de Nelson Rodrigues.* São Paulo: Companhia das Letras, 1992. Pp. 29–30.
5. Rodrigues N. "Teatro Desagradável". In: *Dionysos*. Rio de Janeiro: SNT/MEC, no. 1, October 1949, pp. 16–21.
6. Romilly J. *La Tragédie Grecque*. Paris: Presse Universitaire de France, 2014. 204 p.
7. Aristotele. *Poética*. Porto Alegre: Globo, 1966. 232 p.
8. Nietzsche F. *O Nascimento da Tragédia*. São Paulo: Companhia das Letras, 1993. 184 p.
9. Baldry H. C. *The Greek Tragic Theatre*. New York/London: W.W. Norton & Co., 1972.
10. Кириленко Н. Н. Диалог в классической трагедии и комедии (специфика жанра). In: *Новый филологический вестник.* 2014. № 4 (31). С. 34–48.
11. Rabello A. P. "Édipo e Noronha: Um Mito do Esplendor à Sarjeta". In: *Pitágoras 500*, Campinas, SP, vol. 8, no. 2 [15], pp. 88–96, jul./dez. 2018.
12. Brooks C. *Tragic Themes in Western Literature.* New Haven: Yale University Press, 1955. Pp. 156–157.
13. Benjamin W. "Drama Barroco e Tragédia". In: *Origem do Drama Barroco Alemão*. São Paulo: Brasiliense, 1984. Pp. 43–112.
14. Кондрашова А.В. Представления о смерти в античных трагедиях (на примере трагедий Еврипида). В книге: *Неделя науки 2022*. Сборник тезисов: в двух частях. 2022. С. 557–560.
15. YU I. Sun-Li. *Nelson Rodrigues: A Study in Brazilian Theatre.* Master's degree dissertation, Department of Spanish and Portuguese. Washington: University of Washington, 1965. 327 p.
16. Bledsoe R. L. *The Expressionism of Nelson Rodrigues: A Revolution in Brazilian Drama*. PhD. thesis. Madison: University of Wisconsin, 1971. 312 p.
17. Magaldi S. (Organization, introduction and notes). *Teatro Completo*. Rio de Janeiro: Nova Aguilar, 1994. 1135 p.
18. Rodrigues N. *A Menina Sem Estrela: Memórias*. São Paulo: Companhia das Letras, 1999. P. 79.
19. Rordrigues S. *Nelson Rodrigues, Meu Irmão.* Rio de Janeiro: José Olympio, 1986. 234 p.
20. George D. *Nelson Rodrigues and the Invention of Brazilian Drama.* Lawrence, KS: LATR Books, 2009. pp. 84–86.
21. Lins R. L. *O Teatro de Nelson Rodrigues: Uma Realidade em Agonia*. Rio de Janeiro: Francisco Alves, 1979. P. 102.
22. Rodrigues N. Author's testimony. In: *Depoimentos V.* Rio de Janeiro: SNT/MEC, 1981. Pp. 110–135.
23. Fischer L. A. "O Indivíduo Contra a Massa: Nelson Rodrigues Trágico". In: *Filosofia e Literatura: O Trágico*. Rio de Janeiro: Zahar, 2001. Pp. 87–101.

Information about the author

Adriano de Paula Rabelo, Associate Professor in Brazilian and Latin American Studies at the Institute of International Relations / Superior School of Foreign Languages and Translation / Department of European Languages and Cultures, Kazan Federal University (ul. Martina Mezhlauka, 3/45, Educational Building 31, Kazan, Tatarstan, Russian Federation, 420111).
E-mail: aprabelo@hotmail.com

Информация об авторе

Рабело А. П., доцент, Казанский федеральный университет (ул. Мартина Межлаука, 3/45, учебный корпус 31, Казань, Россия, 420111).
E-mail: aprabelo@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; принята к публикации 04.12.2023

The article was submitted 10.07.2023; accepted for publication 04.12.2023

ISSN 1609-624X